

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1979

Во время вручения наград.

ЗА МУЖЕСТВО
В КОСМИЧ
ПО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2705)

12 МАЯ 1979

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 3 мая в Кремле высокие награды Советского Союза летчику-космонавту СССР Н. Н. Рукавишникову и гражданину НРБ космонавту-исследователю Георгию Иванову.

При вручении наград выступил товарищ Л. И. Брежнев. Он, в частности, сказал:

— Не скрою, я с волнением следил за их полетом и был очень рад, что он завершился благополучно. Уверен, что в хрестоматии освоения космоса этот полет займет особое место, поскольку экипажу корабля пришлось действовать в необычно трудных условиях.

Дорогие товарищи Рукавишников и Иванов! Теперь вы, можно сказать, звездные братья. Мы восхищаемся проявленными вами мужеством и самообладанием, вашим профессиональным мастерством. Спасибо вам за отличную службу.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении полета на корабле «Союз-33», дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Рукавишников Николай Николаевич награжден орденом Ленина,

Фото С. Гурария

ЕСКОМ
ЛЕТЕ

а первому болгарскому космонавту Иванову Георгию Иванову присвоено высокое звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Затем выступили Н. Н. Рукавишников и Г. Иванов.

Экипаж космического корабля «Союз-33» вручил Леониду Ильичу его книгу «Малая земля» и вымпелы с изображением государственных флагов двух стран, которые они брали с собой в полет, а также памятные барельефы гербов СССР и НРБ как символ братского советско-болгарского содружества в космосе.

При вручении наград были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-майор авиации А. Г. Николаев, руководитель полета летчик-космонавт СССР А. С. Елисеев, а также посол НРБ в СССР Д. Жулев.

ВО ИМЯ МИРА И СЧАСТЬЯ ЛЮДЕЙ

В ряду выдающихся событий общественно-политической и литературной жизни, которыми так богат минувший 1978 год, особое место принадлежит книгам товарища Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Вышедшие сравнительно недавно, они с поразительной быстротой завоевали умы и сердца сотен миллионов людей как в нашей стране, так и за ее рубежами.

В бесчисленных откликах читателей — в печати, на конференциях, по радио и телевидению — нескончаемый поток единодушного одобрения и искренние слова благодарности автору столь талантливо написанных, правдивых и проникновенных книг, в которых каждая строка буквально берет за душу, волнует сердце. Можно с полной уверенностью сказать: народ давно ждал таких именно книг, и неудивительно, что эти книги, едва успев выйти из печати, получили поистине всенародное признание. В них выражены мысли, думы, переживания миллионов советских людей. Это своеобразные учебники жизни и борьбы, волнующая летопись ратных и трудовых свершений народа-героя, энциклопедия драгоценного опыта, добытого дорогой ценой, огромными усилиями партии и народа.

Вот почему советские люди, наши зарубежные друзья и братья с чувством большого удовлетворения восприняли постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу Ленинской премии за книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», за неустанную борьбу за мир. Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры, внесший предложение о присуждении Л. И. Брежневу Ленинской премии, выполнил волю целых трудовых коллективов, многих тысяч трудящихся, наших воинов, приславших в Комитет по премиям, в органы печати свои настойчивые предложения о присуждении Леониду Ильичу этой почетной награды.

Примечательно, что в постановлении партии и правительства по поводу этой награды литературные труды, книги и борьба за мир поставлены в один ряд. В этом есть глубокий смысл, выражена правда жизни.

Книги Л. И. Брежнева, неутомимого борца за мир,— это сражающиеся, воюющие книги. Они ведут настоящий бой с врагами мира и социализма, отстаивают высокие идеалы ленинской партии, утверждают советский образ жизни, убедительно и мощно защищают наше правое дело, завоевания Великого Октября. Это книги — труженики и солдаты, которым одинаково дорог мир.

Во имя мира и счастья людей сражались, проливали кровь и побеждали герои «Малой земли», вписавшие ярчайшие страницы в боевую летопись Великой Отечественной войны.

Во имя мира, на благо советских людей самоотверженно трудились герои «Возрождения», герои мирных дней в первые, очень трудные годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

С думами о мире и созидании отправлялись на подъем целинных и залежных земель герои «Целины», прославившие Отчизну дерзновенными свершениями во имя счастья людей.

Все три книги Л. И. Брежнева органически связаны между собой, отличаются пафосом созидания, впечатляющим показом решающих, этапных событий в истории нашей Родины, следовавших один за другим,— война, восстановление народного хозяйства, его дальнейшее развитие — подъем целины.

Глубокая убежденность в величии и правоте нашего дела, неисчерпаемых возможностях реального социализма, неиссякаемый оптимизм, твердая вера в советского человека — строителя и за-

щитника нашего общества, Патриота, Гражданина, Воина — самая характерная черта книг Леонида Ильича. Именно они — советский человек, наш народ, партия великого Ленина — являются главным героем его книг. Им они посвящены, о них автор нашел самые проникновенные, идущие из глубины сердца слова, пропел настоящий гимн их трудовым и ратным подвигам, душевной красоте, беспредельной преданности делу коммунизма. Богатырями духа названы в книге «Малая земля» советские воины. Такими же богатырями являются и герои труда, о которых с большой любовью и теплотой написано в книгах «Возрождение» и «Целина». Все они дети одной матери — Родины, одного великого народа, имя ему — советский народ!

Истоки героизма советских людей — в передовом социалистическом строе, безграничной любви к Советской Отчизне, в огромной идейно-воспитательной работе нашей партии.

«История,— пишет Л. И. Брежнев,— знает немало героических подвигов одиночек, но только в нашей великой стране, только ведомые нашей великой партией, советские люди доказали, что они способны на массовый героизм».

Существует непреложный закон творчества: чтобы хорошо писать, надо прежде всего досконально знать то, о чем пишешь, и обладать даром слова; чтобы увлечь читателя, тронуть его душевные струны, автору самому надо обладать душевным богатством, прочувствовать и пережить очень многое.

Несомненно, что Л. И. Брежнев, написавший книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», отлично знает материал, ибо сам был в гуще описываемых событий и не просто их участником, а душой, организатором боевых и трудовых свершений, которым посвящены книги. С первых горьких дней и до последних победных залпов минувшей войны Леонид Ильич был на фронте, в самом пекле ожесточенных боев, не раз смотрел смерти в глаза. «...Бесстрашный, боевой политработник» — так говорится о бригадном комиссаре Брежневе в представлении его к первой боевой награде — ордену Красного Знамени. Таким его знают фронтовики, с которыми он делил радость и огорчения, тяготы и опасности суровой военной поры.

Будучи боевым политработником, Л. И. Брежнев хорошо знал и высоко ценил выдающуюся роль пламенного, правдивого слова, возросшую роль морального фактора в завоевании победы в бою. Тепло, проникновенно сказал он о политработниках: «Верные сыны партии, ее именем они звали бойцов на смертный бой. Призывали во имя Родины не щадить жизни. И в бою они первыми совершали то, к чему звали других, увлекая за собой бойцов. Они до конца выполнили ленинский наказ — личным примером доказали, что коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно умереть».

Потом новый фронт — трудовой, не менее тяжелый и ответственный. Еще не сняв военной формы, Леонид Ильич волею партии направляется поднимать из руин и пепла гиганты индустрии в Приднепровье. И здесь ему пришлось всего испытать с лихвой, как потом и на целине, в Казахстане, где он был секретарем ЦК. Так что опыта, наблюдений, впечатлений не занимать.

Но не только глубокое знание дела, колоссальный опыт организатора, но и большая душевная щедрость, сердечное, уважительное отношение к людям труда, нашим славным воинам позволили Леониду Ильичу так тепло, взволнованно и ярко поведать о их замечательных делах, изумительных подвигах. Задушевность тона, образный и вместе с тем простой, доходчивый язык, доверительность интонации — примечательная и трогательная особенность книг товарища Брежнева. И думается, что в этом одна из причин их широчайшей популярности и огромной силы идейного воздействия на миллионы читателей. Чего греха таить, именно этого недостает иным выходящим в наших издательствах книгам.

«Пора сделать правилом,— отмечал Л. И. Брежнев на XVIII съезде ВЛКСМ, — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства. Это тоже вопрос качества и эффективности, причем на таком важном участке строительства коммунизма, как воспитание нового человека».

О насущной необходимости повышать действенность, доходчивость, убедительность всех форм и методов нашей воспитательной работы с новой силой указывается в только что принятом постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в котором подчеркивается выдающаяся роль книг Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» в углублении идейно-воспитательной работы, повышении ее эффективности.

В книгах Л. И. Брежнева органически соединены политическое, научное и художественно-публицистическое осмысление важнейших этапов истории советского общества. Ярко повествуя о делах минувших, эти книги глубоко актуальны, их высокие идеи, выводы, обобщения созвучны современным делам и заботам партии и народа. Именно поэтому они — наше могучее оружие, путеводная звезда в победоносной борьбе нашей социалистической Родины за мир, в ее неуклонном движении к заветной цели — коммунизму.

Во имя мира и счастья людей трудятся наш народ, родная ленинская партия и ее Центральный Комитет во главе с выдающимся государственным и политическим деятелем современности Леонидом Ильичом Брежневым.

В эти солнечные, весенние дни советские люди горячо поздравляют Леонида Ильича с избранием его вновь на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР и присуждением ему Ленинской премии. К этим искренним поздравлениям единодушно присоединяют свои пламенные сердца и воины наших героических Вооруженных Сил, бдительно стоящие на страже мира. Они от души, по-солдатски сердечно желают своему любимому маршалу доброго здоровья и новых успехов в его высоко ответственной и благородной деятельности во имя мира и счастья людей.

В. РЯБОВ,
генерал-майор

ДОСТОВЕРНО,

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПРЕМЬЕРА КИНОЭПОПЕИ «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ»

В этих фильмах главенствует слово. Талантливое, страстное слово, покоряющее миллионы сердец правдивостью, доходчивостью, а главное, достоверностью. И тональность, что избрана народным артистом СССР Вячеславом Тихоновым в исполнении словесной партитуры трех фильмов «Малая земля», как нельзя более соответствует мужественной простоте первоисточника — одноименной книги Л. И. Брежнева.

«Наша победа — это высокий рубеж в истории человечества. Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма — это все доподлинно так. Но пусть будет мир, потому что он очень нужен советским людям, да и всем честным людям земли». К этому логическому финалу книги и нового кинопроизведения ведут нас четкая, документальная проза, сотни фотографий, десятки подлинных эпизодов кинолетописи Великой Отечественной, организованные и выстроенные сценаристом Дмитрием Морозовым и режиссером Владимиром Осьмининым в единое впечатляющее кинодейство. Можно представить, с какими трудностями была сопряжена подобная работа. В океане кинофактов требовалось разыскать именно такие кадры, которые бы не просто иллюстрировали известный ныне миллионам людей текст литературного произведения, но стали бы нерасторжимой частью эпической ленты (созданной в творческом объединении «Экран» Центрального телевидения). Следует сразу же сказать, что коллектив кинематографистов, трудившийся над тремя фильмами художественно-документальной киноэпопеи «Малая земля», успешно справился с непростыми задачами. Особенно ясно ощущаешь это, когда, увлеченный именно не чтением, нет — тонким, проникновенным исполнением Вячеславом Тихоновым необычной для него роли, полностью сплавленной со всем происходящим на экране, на какие-то мгновения забываешь, что съемки нынешних фильмов велись отнюдь не единой фронтовой операторской группой. Кадры, снятые нашими многими документалистами в разное время, поставленные встык с эпизодами немецкой кинохроники, создают ощущение сиюминутности происходящего, придают картинам динамичность, напряженность действия. Привлекая драгоценные крупицы боевой кинолетописи, тактично совмещая ее со сценами, запечатленными в наши дни (оператор В. Вязов), кинематографисты поднимаются до подлинных высот художественных обобщений, рисуют нам средствами сво-

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

25—27 апреля в Баку проходила Всесоюзная научно-практическая конференция «Формирование активной жизненной позиции: опыт и актуальные проблемы нравственного воспитания».

Для участия в конференции в столицу Азербайджана прибыли ответственные работники Центрального Комитета КПСС, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министерств и ведомств, научных центров и творческих союзов страны, советских, профсоюзных и комсомольских органов, новаторы производства.

С большим подъемом участники конференции избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Конференцию открыл заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

Бурными аплодисментами было встречено приветственное письмо Л. И. Брежнева участникам конференции, которое огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев. В приветственном письме, в частности, говорится:

«После XXV съезда КПСС накоплен большой опыт нравственного воспитания. Обобщение этого опыта, теоретическое его осмысление — важная задача вашей конференции, которая должна содействовать дальнейшему повышению эффективности идеологической и политико-воспитательной работы,

ПРАВДИВО, УВЛЕКАТЕЛЬНО

его искусства картины воистину массового героизма соотечественников в годы всенародной борьбы с гитлеровской нечистью, в годы Великой Отечественной войны.

«Трудно забыть ликование, с каким встретили наши войска народы Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии. В освобождении этих стран вместе с другими соединениями участвовала и славная 18-я десантная армия. Вот где политическую работу невозможно было переоценить. Десятилетиями клеветали на нашу партию империалисты. Десятилетиями вдалбливались в головы народов чудовищные небылицы о нашей жизни, о наших людях. И вот советский человек пришел в Европу освободителем. Важно было ничем не уронить этой высокой гуманной миссии, и наши воины ее не уронили. Повсюду в них видели бескорыстных, полных благородства, гуманных и справедливых, опаленных войной людей», — вспоминает Л. И. Брежнев.

...И экран демонстрирует нам волнующие картины народных торжеств, радостные и счастливые лица тружеников, которые наконец избавлены от ужасов коричневой чумы советскими людьми в военных гимнастерках, омытых дождями, выцветших под жаркими лучами солнца.

Нам, зрителям, со всей полнотой и силой дано ощутить весомость и значительность многих боевых страниц, вписанных в летопись наших побед простыми солдатами и выдающимися военачальниками, большими и малыми воинскими соединениями, 18-й десантной армией, чей славный, полный героизма путь стал отныне достоянием многих миллионов зрителей.

Вновь все мы стали свидетелями непреложной истины: настоящая литература в тесном, органичном единении с документальной правдой, запечатленной на кинопленке, становится фактом подлинного искусства.

Феликс АНДРЕЕВ

Кадр из киноэпопеи «Малая земля».

совершенствованию нравственного воспитания трудящихся».

Затем Г. А. Алиев выступил с докладом.

От имени участников конференции, коммунистов, всех трудящихся Азербайджана Г. А. Алиев выразил глубокую благодарность товарищу Л. И. Брежневу за внимание, теплое приветствие и от всего сердца пожелал ему крепкого здоровья, новых больших свершений в благородном труде во имя счастья советского народа, дальнейшего прогресса нашей Родины.

С докладами на пленарном заседании выступили также второй секретарь Московского горкома партии В. Н. Макеев, секретарь ЦК Компартии Белоруссии А. Т. Кузьмин, первый заместитель министра культуры СССР Ю. Я. Барабаш, вице-президент Академии наук СССР, председатель Сибирского отделения АН СССР Г. И. Марчук, главный редактор журнала «Коммунист» Р. И. Косолапов, директор Магнитогорского металлургического комбината Д. П. Галкин.

26 апреля конференция продолжала свою работу по секциям. Эффективности обсуждения способствовало предварительное знакомство участников конференции с опытом нравственного совершенствования в производственных коллективах, учреждениях, учебных заведениях столицы Азербайджана — таких, как нефтегазодобывающее управление имени Серебровского, завод бытовых кондиционеров, Азербайджанский государственный университет имени Кирова, спортивно-оздоровительный комплекс в Наримановском районе.

27 апреля на заключительном пленарном заседании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев. На конференции также выступил заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

С большим воодушевлением участники конференции приняли письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

Баку, 25 апреля, Дворец имени В. И. Ленина. Открытие Всесоюзной научно-практической конференции.

Фотохроника Азеринформа.

НАШ ВЗГЛЯД

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СССР—ФРАНЦИЯ: ЭТАПНАЯ ВЕХА

Владимир КАТИН

В свое время Советский Союз и Франция были инициаторами процесса разрядки напряженности в отношениях между государствами. Проходили годы, и многие страны Европы и мира постепенно включились в этот процесс. И если сегодня миллионы людей не прячутся в окопах и блиндажах «холодной войны», а полнокровно живут по законам мирного времени, то в этом большая заслуга первопроходцев разрядки.

«На рубеже 70-х годов Советский Союз и Франция способствовали повороту к политике разрядки,— говорил недавно в своей речи в Кремле Л. И. Брежнев.— На рубеже 80-х годов встает задача еще более масштабная: сделать так, чтобы разрядка восторжествовала бесповоротно и повсюду на земном шаре. Мир и разрядка — политические близнецы. Утвердится разрядка — и мир будет крепче».

Именно в этом ключе следует рассматривать итоги переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом Франции В. Жискар д'Эстэном во время его недавнего визита в нашу страну.

Во время визита был подписан уникальный в международной практике документ — программа дальнейшего развития сотрудничества между Советским Союзом и Францией в пользу мира и разрядки. Главной целью такого сотрудничества,— говорится в программе,— является содействие упрочению мира, укреплению разрядки и устранению очагов напряженности, достижению реального прогресса на пути к разоружению. В этом документе торжественно заявлено, что обе стороны будут делать все от них зависящее, чтобы человечество было избавлено от угрозы войны. Здесь же особо подчеркнуто, что политика с позиции силы, блоковая или гегемонистская политика несовместима с миром и разрядкой и что такая политика не должна поощряться. Важной является договоренность о том, что в случае возникновения конфликтных ситуаций в мире обе страны будут незамедлительно вступать в контакт друг с другом с целью согласования мер, которые позволили бы справиться с такими ситуациями.

Особо бдительное внимание Советского Союза к вопросу упрочения разрядки объясняется тем, что в Европе и за океаном есть силы, стремящиеся расшатать этот благотворный для всех народов процесс, нанести ему урон. Как показал обмен мнениями, во Франции понимают, что нет автоматического развития разрядки и что ее следует постоянно подкреплять, усиливать. Поэтому визит Президента Франции в нашу страну органически вписывается в контекст совместных действий в этом направлении.

Московская встреча на высшем уровне завершилась подписанием также целой серии соглашений в области экономики, торговли, науки, культуры. Так, принципиально новым элементом является заключение долгосрочной программы углубления экономического, промышленного и технического сотрудничества на десятилетний период. Такое перспективное экономическое планирование, естественно, обеспечено солидным политическим доверием обеих стран. Возможно, этот опыт войдет в практику сотрудничества и с другими государствами Запада, с которыми складывается близость политических линий.

В ближайшее пятилетие интенсивнее будет расти торговля, шире развиваться научные обмены в отраслях вычислительной техники и электроники, сотрудничество в исследовании Мирового океана. Заключено также соглашение об изучении русского и французского языков.

Значение всех этих советско-французских документов далеко выходит за рамки двусторонних связей. Они служат своего рода барометром разрядки. Сегодня, по оценке обеих сторон, этот барометр четко показывает «ясно».

Более того, в сотрудничестве между СССР и Францией открываются новые просторные горизонты. И это — главный итог встречи на высшем уровне. Соглашения, рожденные этой встречей, охватывают отношения в разных сферах, однако у всех у них один, общий замысел — движение вперед по пути сотрудничества. Поставив перед собой близкие, сходные цели, СССР и Франция стремятся активно взаимодействовать ради мирного будущего своих народов, всего человечества. Отклики в мире на советско-французскую встречу в верхах говорят о том, что она позитивно воспринята международной общественностью. Наша страна и Франция, как и прежде, остаются правофланговыми разрядки, убежденными сторонниками активного сотрудничества государств с различным строем.

СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО ДВЕНАДЦАТЬ

Фото М. САВИНА

В 1978 году в Калуге родилось три тысячи девятьсот пятьдесят два ребенка. Самыми счастливыми родителями оказались Зинаида Михайловна и Иван Дмитриевич Гущины. Этот год принес им двоих сыновей: январь подарил родителям Диму, декабрь — Мишу. А всего за двенадцать лет супружеской жизни у Гущиных родилось 12 детей: восемь дочерей и четыре сына.

Чтобы застать семью в полном сборе, я решила прийти в субботу. Поднявшись на третий этаж, позвонила в квартиру, дверь открыла девочка:

— Вы к нам в гости?

— Если ты живешь здесь,— ответил я,— значит, к вам.

— Меня зовут Олей,— сказала она.— Мама с папой ушли ребят из школы встречать.

В квартире было тихо, даже не верилось, что здесь живет так много детей. Я спросила Олю: «А где же младшие?» «Да здесь они, спят сейчас». Тут вдруг заплакал маленький Миша. Пока Оля его успокаивала, из спален стали выглядывать веселые мордашки. Увидев, что в доме гости, дети быстро оделись и поспешили в просторный зал, который сразу стал казаться тесноватым.

Даже с первого взгляда можно заметить, что у каждого свой характер. Самый непоседливый в семье Толя, самая смирная — Настенька. Вытащив целую кипу фотографий, Толя стал показывать маму, папу, братьев и сестер. Раздался звонок. Пришли супруги Гущины со старшими детьми — Андреем, Таней и Наташей. Теперь вся семья была в сборе. Дети быстро сняли школьную форму, аккуратно повесили на плечики и чинно уселись на диване. Знакомимся. Зинаида Михайловна работает на кондитерско-макаронной фабрике. Иван Дмитриевич — шофер автобазы Калужтрансстроя. Оба располагают к себе с первого знакомства. У них добрые улыбки, видно, и в характерах много общего.

И отцу и матери, конечно же, хватает домашних дел. Каждого ребенка надо вовремя накормить, на всех постирать, сходить за продуктами, убрать квартиру. Для отдыха времени частенько не остается. Но это родителей не раздражает, с этим охотно мирятся. Семья живет дружно, ребятишки доброжелательно относятся друг к другу и к окружающим.

— Вы знаете, за что я так люблю своего папу? — тихо спрашивает меня Оля. И тут же доверительно разъясняет: — За то, что он помогает маме. Если заплачет малыш, а мама занята, папа бегом в комнату — успокоит, поменяет пеленку.

— Зинаида Михайловна, и все же, наверное, трудно растить столько детей?

Она улыбается:

— Были бы только здоровы, а вырастить сумеем. У нас теперь и помощники есть: Андрюша, Оля, Таня, Наташа. Правда, домой они приходят только на выходные дни — учатся в школе-интернате. Зато, когда они дома, нам, взрослым, гораздо легче: старшие и по хозяйству помогают, и с малышами занимаются. Вот сейчас мы с Таней пирожки печь будем. Жаль, что вы рано пришли, а то угостили бы вас на славу.

Я представила, какую гору пирожков нужно испечь Зинаиде Михайловне. Словно угадав мою мысль, она сказала:

— Напеку на целую неделю, мне не привыкать...— И добавляет: — А если вернуться к разговору о трудностях, то ведь нам государство очень помогает.

Да, огромная забота партии и государства о советских людях видна и на примере этой семьи. Гущины живут в пятикомнатной благоустроенной квартире. Четверо старших детей, как мы уже знаем, находятся в интернате на полном обеспечении. На остальных Гущины получают государственное пособие. Зинаиде Михайловне присвоено почетное звание «Мать-героиня». С гордостью показывает она грамоту, подписанную Леонидом Ильичом Брежневым. Хранятся в семье орден «Материнская слава», медали. А самой большой наградой Зинаида Михайловна считает своих детей. Женщины, у которых нет детей, по ее мнению, самые несчастные...

Организация Объединенных Наций провозгласила 1979-й годом ребенка. А в нашей стране, где детям народ всегда отдавал и отдает все самое лучшее, годом ребенка можно назвать любой из минувших и будущих лет.

Прощаясь, я от души пожелала Зинаиде Михайловне и Ивану Дмитриевичу вырастить ребят честными, смелыми и трудолюбивыми — достойными гражданами Страны Советов.

А. МАНАКИНА

Калуга

БАМ

КЛАДОВЫЕ ПОДЗЕМНОГО ТЕПЛА

Наш корреспондент А. Кичатов взял короткое интервью у заместителя директора Всесоюзного научно-исследовательского института природных газов, доктора геолого-минералогических наук В. И. ЕРМАКОВА.

— Все дальше продвигаются строители Байкало-Амурской магистрали. Железнодорожные станции, поселки, города вдоль трассы нуждаются в энергоснабжении. Но проблема усложняется тем, что завоз сюда каменного угля или нефтематериалов во многих случаях обходится и будет обходиться очень дорого. Можно ли хотя бы частично решить эту проблему?

— Да, если использовать в полной мере геотермальные источники вдоль трассы БАМа. Первые совместные работы в этом направлении, проведенные Институтом земной коры Сибирского отделения АН СССР и ВНИИгазом, вселили оптимизм. Оказалось, что геотермальные ресурсы на БАМе велики и можно в скором времени начинать их промышленное освоение. Вдоль трассы БАМа, а также на участках, примыкающих к трассе в радиусе 50—60 километров, известны многочисленные горячие ключи, которые выбрасывают за сутки тысячи кубометров воды. Ее температура 30—90 градусов.

Хорошие перспективы в использовании подземного тепла в районах Северной Бурятии, Читинской области. На геотермической карте отмечены горячие ключи в долинах рек Верхняя Ангара, Чара, Бурея, Олекма, Бысса. Словом, трасса БАМа благоприятно расположена относительно источников подземного тепла, разработка которых сулит большой эффект.

— А где может быть использована горячая термальная вода?

— Она пойдет на отопление домов и другие бытовые нужды, для выращивания овощей в теплицах. Кроме того, из термальных вод этого района можно попутно извлекать ценные химические компоненты: йод, бром, бор и другие.

Термальные воды Восточной Сибири обладают целебными свойствами, что, безусловно, будет стимулировать строительство здесь санаториев и лечебных учреждений. Все это впереди у будущих жителей городов и поселков, строящихся вдоль трассы БАМа.

Работы по изысканию подземного тепла в полосе Байкало-Амурской магистрали продолжаются. Составляются геотермические карты. Уточняются ресурсы горячей подземной воды, намечаются места предстоящих буровых работ.

БАЙКОНУРА ЗВЕЗДНЫЕ ШАГИ

В кинотеатре «Брест» в Москве проходит выставка художника Аркадия Тюрина, посвященная исследованию космического пространства. На выставке всегда людно. Это и понятно: с каждым днем космос занимает все большее место в нашей жизни, вторгается в различные области знания, в том числе и в искусство. И здесь, в творчестве, самое главное — найти свой, неповторимый космос. Примером такого открытия могут служить работы Аркадия Тюрина.

От изображения в лубочной манере персонажей русских сказок — к отображению подвига советских людей в освоении космического пространства. Несмотря на кажущуюся нелогичность, путь этот органичен. Ведь нынешние покорители космоса — это продолжатели дела русских мастеров, фантазеров и мечтателей. Одними из первых работ этого цикла стали офорт «Русские изобретения» и иллюстрации к лесковскому «Левше». Художник и сейчас работает над продолжением цикла «Левша», посвященного потомкам легендарного русского умельца — тем, кто создает космические корабли и ракеты. Эта и ряд других работ экспонировались на выставках во дворцах культуры Звездного городка и Байконура. В 1975 году перед историческим полетом «Союз» — «Аполлон» А. Тюрин участвовал в первой советско-американской международной художественной выставке, посвященной этому космическому эксперименту.

В последние годы художник много работает над серией гравюр «Байконура звездные шаги»: «Берег Вселенной», «Созвездие Гагарина», «Человечество не останется вечно на Земле»...

Работы Аркадия Тюрина находят отклик в сердцах космонавтов. В Байконуре его называют «Художником Звездограда». В книге отзывов есть такая запись: «Его работы напоминают давно минувшие дни создания космодрома Байконур и сегодняшние достижения в освоении космоса нашими героями-космонавтами, творческий полет мысли советского народа».

В. МИХЕЕВ

На снимке: в зале выставки.
Фото автора

УЗБЕКИСТАН

«ЗНАТЬ РУССКИЙ, КАК РОДНОЙ!»

Даже в самых отдаленных кишлаках Узбекистана ныне трудно найти человека, который бы не умел говорить на русском языке. Узбекская поэтесса Нозимаханум в стихотворении «Изучайте русский язык» сказала: «Если уходишь из мира, не зная русского языка,— уходишь с закрытыми глазами, не ведая о лучах солнца».

...Всесоюзная научно-практическая конференция на тему «Опыт изучения и преподавания русского языка в школе, средних специальных и высших учебных заведениях страны» несколько лет назад была проведена в столице Узбекистана. В своем выступлении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов сказал: «Мы гордимся тем, что узбекский народ с любовью изучает русский язык, язык великого Ленина, язык нашего старшего брата и самого близкого друга, язык, ставший вторым родным языком для всех советских народов».

Учителями русского языка в республике стали телевидение и радио. Здесь очень популярны получасовые передачи «Русский язык». Судя по многочисленным отзывам, особенно большой интерес вызывает один из разделов этой передачи: «Почему мы так говорим?» С сентября 1976 года ведутся ежемесячные телезанятия по изучению русского языка для школьников и учителей. В них принимают участие преподаватели вузов, ученые, писатели. Уже несколько лет цикл телепере-

ШКОЛА ГОРНЯЦКОГО МАСТЕРСТВА

В Джезказгане, на Северном руднике, восемь лет тому назад экскаваторная бригада кавалера ордена Трудового Красного Знамени Андрея Ротермеля положила начало необычному тогда в отрасли социалистическому соревнованию между производственными звеньями родственных предприятий: Ротермель заключил договор на трудовое соперничество с Героем Социалистического Труда, делегатом XXIV съезда КПСС Евгением Антошкиным с Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината.

В основу борьбы за право называться первым среди горных предприятий Казахстана лег обмен опытом, передовыми методами разработки пластов и выемки горной массы из забоев. Инициатива нашла самую широкую поддержку партийных организаций, профессионального союза горняков республики.

Почину последовали ветераны Северного рудника — брига-

Договор на социалистическое соревнование 1979 года заключен.

Фото В. Лисицына, корреспондента Джезказганского облтелерадио

ПО СТРАНЕ СОВЕТС

дач «Великий, могучий» ведет заведующая кафедрой русского языка Ташкентского политехнического института, кандидат филологических наук Нурпоша Ганиевна Гулямова.

Узбекскому телевидению помогает опыт московских коллег, в частности их регулярная телепередача «Русская речь». Ее ретранслируют в самое удобное для телезрителей время — вечером.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: ведущая цикла телепередач «Великий, могучий», кандидат филологических наук Нурпоша Ганиевна Гулямова.

Фото Д. Ходжаевой

КАЗАХСТАН

ды Н. Штанова, Ф. Рериха, Р. Гаевой. Они соревновались с товарищами из Рудного, Алмалыка, Балхаша. Начинание Ротермеля стало подлинной школой высокого горняцкого мастерства.

Комментируя этот факт, инженер лаборатории научной организации труда Джезказганского ордена Ленина горно-металлургического комбината А. С. Валов сказал:

— Соревнуясь, семьдесят помощников машинистов экскаваторов за это время повысили свою квалификацию, сами стали машинистами. На несколько секунд сократился цикл экскавации — ковш экскаватора стал быстрей вести выемку горной массы и ее погрузку. Сбереженные минуты рабочего времени дают возможность в течение смены лучше готовить забой, планировать подъездную площадку.

Соревнование горняков продолжается.

М. УЧЕНИК

КОЙ

МЕМОРИАЛ ВРАЧА

МОСКВА

Хороший музей — всегда рассказ о чьей-то хорошей жизни... И когда видный советский медик профессор Борис Евгеньевич Петерсон перерезал ленту у входа с надписью «Комната-музей имени П. А. Герцена», собравшиеся знали: сейчас предстоит знакомство с деятельностью одного из самых гуманных на земле людей, с деятельностью врача Герцена, основоположника московской онкологической школы. Его именем назван известный научно-исследовательский институт Министерства здравоохранения РСФСР.

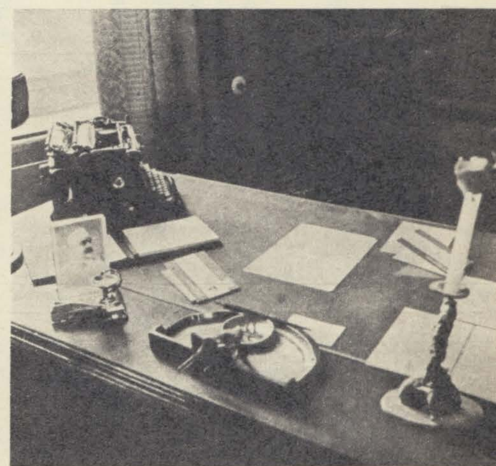
— Мемориальный центр поможет не только сохранить научное и практическое наследие, значение которого год от года возрастает, но и сберечь то, что окружало П. А. Герцена в его повседневной работе,— сказал директор института Б. Е. Петерсон.

Вот это окружение — инструменты, часть которых разработал сам Герцен, личная печать врача, письменный стол со старенькой пишущей машинкой «Континенталь»... Нередко вечерами профессор П. А. Герцен закладывал в каретку лист бумаги и делился с ним своими мыслями, наблюдениями: статьи и книги профессора издаются и переиздаются, они вошли в золотой фонд медицинской литературы.

Музей в Московском научно-исследовательском онкологическом институте Министерства здравоохранения РСФСР, «Герценовского института», как называют его тысячи людей, которым тут вернули здоровье, пополняется новыми экспонатами: ученик П. А. Герцена, министр здравоохранения СССР Б. В. Петровский передал одну из редких книг по медицине, а литературный музей А. И. Герцена преподнес визитные карточки Александра Герцена и фотографии.

От деда — внуку... От уже известного музея — новому музею...

К. БАРЫКИН

В комнате-музее имени П. А. Герцена.

Фото И. Гаврилова

РЫЦАРИ СВЕТА

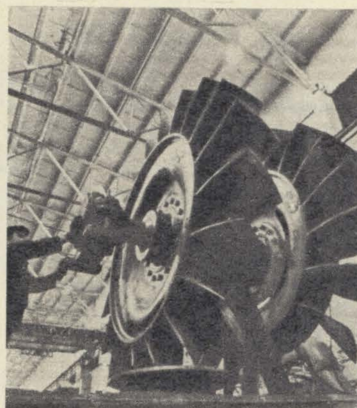
БАРНАУЛ

— Включая холодильник или электроплиту, садясь в троллейбус или электропоезд, пуская станок, ЭВМ или синхрофазотрон, не забудьте помянуть добрым словом и нас, котельщиков,— сказал директор Барнаульского котельного завода Юрий Васильевич Бойцов.

Мы стояли в цеху и смотрели, как автоматически сваривались почти тридцатиметровые трубчатые панели будущего котла. Вернее, смотрел я, а директор показывал и рассказывал.

— И тепло, и свет, и электроэнергия,— говорил он,— все берет начало от парового котла. Поэтому наших рабочих часто называют рыцарями света.

Современные котлы — это сложные агрегаты, иные из которых величиной с многоэтажный дом. Растут мощности современных ГРЭС и ТЭЦ, растут габариты котлов, и усложняется их конструкция. Когда-то в Барнауле выпускали котлы производительностью в 75 тонн пара в час, теперь — в 670...

На снимке: монтаж мощного дымососа для Ириклинской ГРЭС.

Фото автора

Барнаульских «рыцарей света» знают в тридцати восьми странах мира, где работают их котлы: Финляндия, Аргентина, Куба, Вьетнам... Народная Республика Болгария наградила завод своим орденом Красное Знамя Труда — за техническую помощь в строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода и ТЭЦ «Марица — Восток-1». Давние связи у завода с Вьетнамом. В свое время американские агрессоры несколько раз разрушали ТЭС Уонгби, и всякий раз алтайские мастера срочно восстанавливали котлы. Теперь в результате китайской агрессии взорвана электростанция в Лаокае, снесены танками целые кварталы домов. Оживить лаокайские котлы снова помогут вьетнамским друзьям барнаульские рыцари света.

Ю. ЛУШИН

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

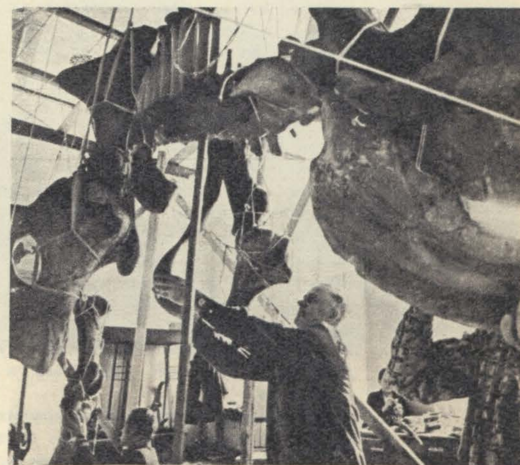
УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА

СТАВРОПОЛЬ

До недавнего времени Ставропольский краевой музей имени Г. К. Праве был известен палеонтологам как место нахождения наиболее удачно сохранившегося скелета ископаемого южного слона. Теперь экспозиция музея обогатилась уникальнейшим экспонатом, который не знает себе аналогов. В музее смонтирован скелет эласмотерия, жившего на нашей планете около миллиона лет назад. Эласмотерий — в переводе «листозубый»: рисунок на эмали его зубов напоминает рисунок кленового листа. Этот носорог жил в зоне саванн и пока нигде, кроме территории нашей страны, не обнаружен.

— Найти данный скелет,— рассказывает заведующая отделом природы музея Анна Константиновна Швырева,— удалось в 1966 году на Ставропольье, неподалеку от станции Гаевской. Дожди тогда размыли плотину пруда и обнажили части скелета. Прибывшие для ремонта строители старательно отложили «белые камни» в сторону. И только потом кто-то понял, что это вовсе не камни! Приехавшие специалисты обратили внимание: все части скелета лежали строго в анатомическом порядке. Словно само время побеспокоилось о его сохранности. Почти одиннадцать лет потратили ученые Ленинграда на реставрацию скелета, работами руководил кандидат биологических наук В. Е. Гарутт. Смонтировали скелет под руководством ленинградских скульпторов И. Н. Хитрова и Б. В. Бунтова. Хочу заметить: наш эласмотерий — единственный в мире научно реставрированный скелет. Даже в Зоологическом музее Академии наук СССР установлен сборный скелет, из частей, найденных в разных местах страны. Целый же скелет предстанет перед посетителями музея и специалистами впервые.

Ю. ХРИСТИНИН,
заведующий отделом краевой газеты «Ставропольская правда»

Идет монтаж скелета гигантского эласмотерия.

Фото В. Малышенко

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Светлана САМСОНОВА

Лицо юноши с пропорциональными, правильными чертами. Мягкий овал лица, темные глаза, открытый лоб. Во всем облике гармония, обаяние молодости. Это и привлекает в портрете студента, который написал художник Иван Сущенко.

Но только ли это? Вглядитесь: молодой человек непринужден, прост, несколько задумчив и как бы устремлен в себя. В нем и упорство и уверенность в своих силах, далекая от самонадеянности. Во взгляде — твердость и доброта, интеллигентность образованного человека, глубина чувств. Именно глаза, излучающие свет души, делают портрет столь притягательным.

Эта работа художника — своего рода живописный рассказ, психологический анализ нашего молодого современника.

Во всем, что бы ни писал Сущенко, особенно в портретах, проглядывает он сам, его пристрастия и неприятия, его жизненная позиция. Эмиль Антуан Бурдель говорил, что портрет — это всегда двойной образ: художника и модели. Взглянем с этой точки зрения на портретные работы Ивана Сущенко, которым он в последние годы уделяет основное внимание. И вообще какие причины побуждают художника обращаться к определенному жанру, в данном случае — портрету?

Живописец немало повидал, как говорится, на своем веку. Когда учился в Луганском художественном училище, много ездил по родным краям; студентом Института имени В. И. Сурикова побывал в разных местах нашей страны. И везде — этюды, дорожные зарисовки. Уже тогда он начал проявлять особый интерес к изображению человека.

Если посмотреть его многочисленные графические работы — акварели, гуаши, пастели, рисунки, сделанные уже после института в поездках по странам Азии, Европы, Африки, Латинской Америки,— то можно с твердой уверенностью сказать, что внимание художника было прежде всего обращено к людям. Он запечатлел решимость кубинцев отстоять свою революцию, свободолюбие мексиканцев и аргентинцев. С особым удовольствием в заграничных поездках рисовал детей — самую непоседливую и трудную натуру, но в то же время самую искреннюю, отражающую душу народа. На его заграничных листах — и люди, увиденные в обычной жизни улиц, и государственные деятели. Особенно удались ему портреты Фиделя Кастро: художник убедительно передал его целеустремленность, страстность, обаяние.

Все кипело в молодом художнике, тянуло больше повидать, впитывать впечатления, узнавать. Одновременно он лучше начинал понимать себя, выкристаллизовывалось собственное мироощущение, личное отношение к окружающему.

Неторопливая внимательность сочетается в Иване Акимовиче Сущенко с энергичной собранностью, сдержанность — с естественностью. Он и в портретах старается лаконично, но ощутимо передать духовный мир своих героев, рассказать, как непросты они и как возвышенны в лучших своих проявлениях.

Вглядимся внимательнее в портрет ветерана. Много можно прочесть в чертах этого человека: гордость за честно прожитые годы и горечь потерь, спокойное чувство выполненного долга и грусть по уходящей жизни. Смотришь на портрет и думаешь, что жил человек не зря, и, наверно, еще лучше сложилась бы судьба, не будь этой проклятой войны.

Образ собирателен и одновременно конкретен, что делает его правдивым не только во внешних реалиях, но главное — по самой своей сути. Чувствуется время, эпоха, судьба военного поколения. Выявление духовного содержания человека — «пропорций его духа», по выражению А. Голубкиной, и делает портреты современными. Именно такой категорией определяются работы Ивана Сущенко.

Часто, глядя на его полотна, произносишь вслух или про себя: как красиво! И это ощущение не исчезает при более внимательном знакомстве. Оно остается и живет счастливым воспоминанием. Невольно приходит на память мысль Эжена Делакруа об одном из важных достоинств картины — быть праздником для глаза. Очень хорошо сказал и замечательный русский художник Константин Коровин: «От всей души и с полной радостью я приветствую... всякое искание языка красоты».

Красота портретных и других работ Сущенко не внешняя, она идет от содержания. Независимо от того, пишет ли он очаровательное женское лицо или резкие, сухие черты мужчины, впечатление от встречи с прекрасным не ослабевает.

Колорит его холстов скуповат, но есть в нем уравновешенность цветовых рефлексов. Она в текучей пластике мазка, в органичности мягкой тональности красочных переходов. Основное звучание его работ — в самой их живописности. Иногда, возможно, чрезмерной, но увлекающей и художника и зрителя, которого он делает как бы союзником в своем эксперименте.

Портреты Сущенко подробно срежиссированы: проработан рисунок, продумана красочная гамма, в композиции никакой расплывчатости. Как правило, он делает несколько вариантов рисунков, пробует тональность фона, различных компонентов. Как музыкант на слух настраивает свой инструмент, налаживает он палитру и холст в соответствии со своим замыслом. Но законченная работа лишена малейших признаков рациональности. Кропотливый труд оборачивается искусством. Его холсты светятся живым человеческим чувством.

Он пишет подолгу. Портрет студента — результат многих сеансов, которые в общей сложности заняли около тридцати часов. Художник любит тщательно прописывать фактуру, конкретизировать детали. А ведь конкретность, заметим, не позволяет изменить правдивости, кроме того, без частностей не сделаешь обобщений. Всмотритесь, с каким вниманием выписаны костюмы — воротник рубашки на портрете студента, узор и складки шали Геланы Тониной. Но главное — он точно стремится, по выражению Репина, охватить кистью всю голову и малейшую деталь лица.

Однако главным для художника всегда остается постижение и выражение характера.

— Этой задаче я подчиняю все,— говорит Иван Акимович.— Художник должен постараться понять человека, которого пишет. И одновременно соединить точность его изображения и свое собственное суждение о нем. Созданию характера в портрете подчиняется выбор и композиционного кадра и деталей и тональная насыщенность, а в конечном счете — общая живописная логика. Важно выявить и подчеркнуть существенные черты характера, может быть, даже одну черту, подчинив ее звучанию все остальное.

Художник замолкает, задумывается. Возможно, вспоминает своих героев, внутренним взглядом — в который раз! — окидывает их портреты и продолжает:

— Без правды характера нет вообще никакой правды, не будет и подлинной красоты, одним словом, ничего не получится.

Художественная правда, выраженная языком красоты,— вот творческий девиз художника. Иван Акимович учится у выдающихся портретистов, пытается постичь тайны их мастерства. Особенно волнует его Рокотов, не объяснимая словами поэзия полотен замечательного живописца. Глубоко почитает Сущенко гений Веласкеса, его пронзительную образность.

В стиле работ художника, возможно, просматриваются традиции старых мастеров, особенно голландских и испанских живописцев. Не следует это понимать как повторение или подражание. Он не оглядывается назад, его герои прежде всего наши современники. А общаться с традициями искусства гораздо полезнее, чем, перечеркнув их или высокомерно не замечая, изощряться в голом новаторстве. Глубокое и значительное новое, как правило, прочно связано с таким же глубоким и значительным старым. Это присуще любому виду искусства. Здесь кстати привести выстраданную мысль И. Стравинского, который, будучи крупным новатором в музыке XX века, чтил искусство великих предшественников. «Настоящая традиция,— писал он,— не является свидетельством исчезнувшего прошлого... Далекая от повторения того, что было, традиция предполагает реальность того, что продолжается».

Вот уже более десяти лет, как Иван Акимович пристрастился к жанру портрета. Но иногда он все оставляет, собирает нехитрые дорожные пожитки и едет под Осташков, что недалеко от озера Селигер. Прикипел он сердцем к тем местам с их высокими лесами, с охотой, грибами, криками птиц. Милы ему избы, рябины по плетням, влажные рассветы. Нельзя без них русскому человеку. А художник без общения с природой, как птица без крыльев. Не взлетит. И потому Иван Сущенко пишет этюды, пейзажи, натюрморты. Впитывает краски земли, деревьев, неба.

Без них ведь и портрета не напишешь, потому что человек — часть природы, она живет в нем, питает его. Пришвин называл природу зеркалом души людей. Не поняв природы, не отразишь этого волшебного зеркала. Вот художник и бродит с ружьем по лесу, больше для виду — вроде бы охотник, при деле, а сам наблюдает, слушает лесную симфонию. Выйдет на опушку, вглядится в уходящую даль разнотравного луга. Вернется в деревню — все родное, близкое.

Все, что он пишет в Осташкове, не отдых, не охота за красками. К примеру, натюрморт «Грибы». Кажется, еще немного, и вдохнешь запах лесной свежести, настоянной на хвое и опавших листьях. Влажная пленка на грибных шляпках, упругие коричневые ножки, их сочные цвета ощущаются почти физически.

Пришла весна... Отчетливо видятся новые замыслы, все сильнее и настойчивее зовут они к мольберту. Работа продолжается...

И. Сущенко. Род. 1930. БЫВАЛЫЙ ГВАРДЕЕЦ. 1976.

И. Сущенко. ГЕЛАНА ТОНИНА. (Фрагмент). 1978.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Вл. ПИМЕНОВ,
профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР

Триста двадцать пять лет назад в жизни двух великих народов совершилось событие крупнейшего исторического значения — произошло воссоединение Украины с Россией в единое государство.

Украина и Россия всегда были настолько близкими и родными, что соединение их общих интересов в государственных рамках исторически должно было произойти! Их кровное единство, их общая цель в борьбе за человеческое счастье способствовали развитию передовых, демократических идей, росту культуры и искусства, отражавших думу людей труда о новой, справедливой жизни.

Культура братских народов осветилась гением Пушкина и Шевченко, выдающимся творчеством Григория Сковороды и Гоголя. В едином строю обогащали духовный мир человека Чехов и Горький, Леся Украинка и Иван Франко... Братство, мечты о воле народной и труде свободном объединяли передовых деятелей Украины и России, как бы подготовляя дружбу **всех** народов Советского Союза. Будущая советская культура, будущие литература и искусство народов СССР укреплялись на историческом примере дружбы и братства славянских народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция еще больше раскрыла кладези культуры украинского и русского народов.

Прекрасное театральное искусство обоих народов развивалось в едином потоке революционной героической драмы, приведшей на сцену образы нового человека, строителя коммунистического общества. Герои гражданской войны, поднявшиеся на защиту завоеваний пролетариата — Сергей Лазо и Николай Щорс, Семен Буденный и Клим Ворошилов, — стали прототипами новых, революционных образов драмы. Появляются замечательные произведения Всеволода Вишневского и Александра Корнейчука — «Оптимистическая трагедия» и «Гибель эскадры»... И удивительно, а в то же время глубоко оправдано, что появляются они одновременно, как выражение целенаправленного творчества драматургов-коммунистов. И как же близки между собою образы прекрасных дочерей Украины и России — Комиссара и Оксаны, как замечательно раскрылось в них духовное богатство украинского и русского народов! Как глубоко и психологически точно показан в пьесах процесс формирования революционного мировоззрения Гайдая и Алексея...

С первых же дней революции зазвучала в литературе и искусстве ленинская тема, еще ярче выражая собою кровное братство народов. К Ленину шли с вопросами о жизни, за прямым ответом на главную заботу: как жить. Шли крестьяне: украинец Тарас Голота и русский Иван Шадрин... Рядом, рука об руку, стояли на страже завоеваний революции рабочие Рыжов и Чибисов. Они были вместе с Лениным, эти герои, появившиеся в пьесах «Правда» Корнейчука и «Человек с ружьем» Погодина.

Настоящим подвигом творчества обоих писателей были именно эти первые пьесы о Ленине. С огромным успехом шли они на сценах Украины и России, а затем и на сценах всех театров Советского Союза, на всех языках народов СССР. Образ Ленина создавали замечательные украинские и русские актеры: Борис Щукин и Максим Штраух, Амвросий Бучма и Марьян Крушельницкий, Олесь Сердюк и Борис Смирнов...

Неразрывные духовные связи народов-побратимов всегда были и остаются глубинными, органичными. Они отвечают и дальнейшим задачам, которые ставит партия перед всеми народами в их движении к победе коммунизма.

Проблемы новой колхозной деревни, первые ростки нового в жизни рабочего класса были показаны на сценах театров России и Украины в пьесах «Веселка», «В степях Украины», «Сердце не прощает», «Макар Дубрава», «Мария», «Сонет Петрарки», «Иркутская история». Многие их образы стали для зрителей близкими, родными. Они давали яркое представление о формировании личности нового героя, живого строителя будущего. Эти герои-современники живут и сегодня на театральных площадках Украины и России. Они встречаются со зрителем, чтобы передать ему свои чувства и мысли, помочь людям жить и строить.

...Мне вспоминается, с какой необычной страстностью писал свои пьесы Ярослав Галан. Это был человек выдающийся, человек героической веры и поступков. Как же светилось радостью его лицо, когда с успехом пошла первая его пьеса, «Под золотым орлом», в Московском театре драмы! Постоянная скромность Галана как бы скрывала великий его гнев, его ненависть, бросаемые в лицо врагам Украины, которые были и врагами России.

В наше бурное время, когда идет сложный процесс противостояния сил добра всему, что мешает делу мира, мы не можем не видеть необычайно возросшую роль искусства и литературы.

Сложное это время, наши дни, события 70-х годов. Но все равно память сердца о прошлом, о пережитом так же глубоко живет в каждом из нас; живет, чтобы помогать попрежнему быть стойкими и сильными... Невольно вспоминаю, как, встретившись на Воронежском фронте с Корнейчуком и Вандой Василевской, мы слушали замысел «Фронта», а позднее, во Львове, говорили с Ярославом Галаном об очередном его выступлении — очередном суровом и метком ударе по бандеровцам... Вспоминаю запорожские домны. Они освещали ночную тьму, бросая свет на строительство нового запорожского театра, а мы вместе с режиссером Владимиром Магаром наблюдали, как возводится это новое здание...

Однажды по дороге в Одессу под мерный стук колес я слушал рассказ Гната Юры о прекрасной и великой истории Академического театра драмы имени Ивана Франко... Помню и то, как смотрел в Днепропетровске спектакль «Навеки вместе»: режиссер Илья Кобринский и писатель Любомир Дмитерко показали нам зримые символы воссоединения Украины с Россией.

Все это наша жизнь. И это не только память сердца, но само существование сердца. В нем заключена и дружба и вечная, непоколебимая любовь народов-братьев.

ВСЕ ДЕЛО В ЧЕЛОВЕК

А. ЖУРАВЛЕВА,
доктор филологических наук

Проблемы развития науки, жизнь и деятельность ученых привлекают все бо́льшее внимание советских писателей.

Научно-техническая революция бурно ворвалась в современную жизнь, внесла в нее новое содержание, новые ритмы, во многом изменив привычный уклад, преобразовав многие сферы бытия. Советская литература не осталась в стороне и год от года все углубленнее исследует проблемы НТР, стремится постичь ее масштабы, осмыслить роль человека в век НТР.

Это очень непростая задача. Сложность ее многократно увеличивается из-за поистине стремительного прогресса науки, а литературе и искусству, чтобы охватить весь масштаб возникшей проблематики, требуется время. Видимо, и влиянием НТР можно объяснить появление многочисленных произведений, где в художественный текст органически вплавлены документы, или создание хроник, репортажных книг, в которых авторы через динамичную форму ищут пути постижения характера современника. И все же...

И все же наиболее значительных успехов в этом многотрудном деле добились, на наш взгляд, писатели, выступающие в «старой», традиционной форме романа. Здесь можно вспомнить слова В. Г. Белинского: «...Человеческое знание состоит не из одной *математики* и *технологии,* ведь оно прилагается не к одним железным дорогам и машинам... Напротив, это только одна сторона знания, это еще только низшее знание,— высшее объемлет собою мир нравственный, заключает в области своего ведения все, чем высоко и свято бытие человеческое...»

Именно полифоническое романное полотно способно объемно отразить тот нравственный мир, который составляют сложную сущность героя нашего времени — советского человека второй половины XX века.

Широкий спектр проблем захватывает новый роман известного украинского писателя Павло Загребельного, посвященный ученым,— их взаимоотношения, открытия, свершения, тернистые дороги к знанию определяют его содержание.

П. Загребельный, автор книг «Европа-45», «Смерть в Киеве», «Евпраксия», «День для грядущего», «С точки зрения вечности», причастен к тому поколению советских писателей, чье появление на литературном горизонте 50-х годов знаменовало собой глубокое и подчас неожиданное осмысление таких, быть может, самых главных для нашего времени проблем, как человек и война, человек и научно-техническая революция. В «Разгоне» эти проблемы соединились, образовали художественное целое, сделали в своей совокупности книгу явлением жизненным и важным не только в тематическом, но и в моральном аспекте.

Мог ли мечтать деревенский хлопец Петько Карналь, гонявший, как и все мальчишки села, лошадей в ночное и удивший домодельной удочкой рыбу в пруду, прошедший потом через тяжелейшие испытания жизни и войны, что он будет одним из основателей новой

науки — кибернетики, свершит открытия, которые принесут ему мировую славу? Но став им — большим ученым, академиком, директором объединения, которое прогнозирует, создает и внедряет сложнейшие электронно-вычислительные машины, он не потерял той первозданной искренности и нравственной чистоты, которая оставляет его, личность необыкновенную, ровней среди простых людей, не изолирует от жизни, не замыкает его деятельность в «башню из черного дерева».

Именно здесь, по-моему, главная разгадка не только обаяния этого героя, но, быть может, и всей проблемы последствий и воздействия НТР на человека в отдельности и на человечество в целом (проблемы, породившей в последнее время многие дискуссии и ожесточенные споры); и эти воздействия, и эти последствия сказываются не в «катастрофическом» росте технической оснащенности быта, но кроются в уровне бытия самих людей: конфликт не извне, а внутри нас, в наших сердцах.

Образ Петра Карналя несет черты художественного обобщения. Он воплощает в себе качества современного ученого, самыми тесными узами связанного с народом и видящего главную цель всех своих научных открытий в соотнесении с требованиями наших дней. Характер героя раскрывается в произведении многогранно и в различных временных пластах.

«Разгон» — это жизненная драма, сплошная цепь событий, трагичных и радостных, неожиданных и случайных. Босоногое детство, война (Петр уходит добровольцем на фронт), концлагерь, обретение в застенке друзей — Георгия Игнатьевича, доцента Одесского университета, и кадрового офицера Советской Армии, туркмена Гайли. Они, эти люди, погибнут, но завещают навек молоденькому пареньку лучшие свои качества: один — всепоглощающую, самоотверженную любовь к науке, другой — мужество.

«Разгон» — это книга о таланте и о честности, о каторжном труде ученого («он собирал знания, как скупой золото... мечтал о научной работе, но не как о специальности, а как о главном смысле своей жизни») и сложнейшем, бешеном ритме развития нынешней техники: «...все его время съедала работа, размышления, нечеловеческое напряжение ума, все силы — на раскручивание исполинского маховика прогресса, на разгон, размах, на то, чтобы кого-то догнать, на опережение. Вперед, вперед, выше, к непостижимости и неосуществимости!»

Слово «разгон» получает здесь особый смысл, смысл непозволительной и невозможной роскоши; строчки стиха, которые вспоминает герой: «А как ты возьмешь окаянный разгон, когда отступать невозможно?» — просятся в непосредственный эпиграф ко всей книге. Отступать невозможно, надо брать все новые и новые рубежи жизни. И скромный, трудолюбивый, «обычный» на первый взгляд, Петр Карналь и в науке и в своей личной судьбе их берет без шума и саморекламы, проявляя тем истинное подвижничество и способность к большим человеческим чувствам.

«Разгон» — книга о любви. Женские центральные образы здесь отличаются необыкновенной одухотворенностью и редкой душевной красотой. Балерина Айгюль, жена ученого, сама не представляет жизнь без творчества и именно на творчество направляет своего избранника, становясь для него своеобразным источником духовных сил: «Теперь все открывалось ему через Айгюль и благодаря Айгюль». Вдохновленный ее горением, Петр Карналь даже в самых тяжелых обстоятельствах не предается унынию, не падает духом — он неустанно работает, продолжая свои исследования. Именно в эти годы осуществляется заветная мечта его учителя: сделано подлинное открытие, состоялась научная сенсация — найдено решение сложнейшей теоремы, над которым виднейшие математики мира бились не одну сотню лет.

Не менее существен в романе и образ Анастасии, женщины, также освещающей своим зримым и незримым присутствием всю книгу. Человек трудной судьбы и жизни, она оказывается в финале повествования способной заменить Карналю его Айгюль (трагически погибшую в автомобильной катастрофе), способной помочь ему «сохранять... личность», дать столь необходимое каждому человеку тепло и радость дома — именно в этом автор сохраняет верность жизненной правде, не дает повода для фальшивой, ханжеской ноты.

Наконец, «Разгон» — книга о столь необходимой в науке нравственной чистоте человека («Я директор,— говорит Петр Карналь,— потому, что академик, а не наоборот»), ибо здесь находит свое место тема противоборства главного героя повествования с карьеристом, проходимцем и творчески бесплодным Кучмиенко, противоборства, которое приобретает серьезный общечеловеческий и диалектический символ неотъемлемого сцепления сил добра и зла, веры и неверия, скепсиса и идеалов.

Читая роман П. Загребельного, отчетливо понимаешь верность слов, сказанных на одной из дискуссий, посвященных проблеме «НТР и литература». «Я не представляю себе,— заявила писательница, доктор технических наук И. Грекова,— чтобы автоматы могли управлять людьми. Существует одно-единственное уникальное кибернетическое устройство, способное управлять,— это человек... Деловой человек нашего времени прежде всего должен быть умен. А ум — это способность понимать не видимые, внешние, а скрытые, внутренние пружины происходящих процессов. Эта способность особенно важна при управлении людьми и коллективами... Человек — явление своеобразное, требует особого к собой обращения, он «материал», прямо сказать, капризный».

Многоплановость романа «Разгон» исключает узкую, так сказать, «профессиональную» ориентацию. Постоянно и явственно ощущает читатель стремление автора к психологическому раскрытию образов. Служит тому и достаточно сложная композиция произведения.

Роман П. Загребельного — о событиях и обстоятельствах, близких всем нам, о проблемах сегодняшнего дня. Но главная заслуга писателя вовсе не в том, что он зафиксировал те или иные характерные явления и приметы времени, действительности. Автор сделал в своей книге мужественную попытку освоить содержание этой действительности, путей небывалого доселе технического прогресса. Того самого прогресса, который может явиться причиной нравственного величия или нравственной деградации. Все дело в человеке.

ЕВГЕНИЯ МИРОШН

Виталий КОРОТИЧ

Когда я, собравшись писать эту статью, позвонил Евгении Семеновне Мирошниченко и попросил у нее вырезки с самыми похвальными рецензиями, она отговорила меня от намерения писать нечто, составленное из чужих похвал. «Напиши лучше, что ты сам думаешь обо мне,— столько ведь переговорено и о стольком хочется думать, когда перелистываешь жизнь. А чужие рецензии надо листать после восьмидесяти, если доживем. Те, кто до сих пор не знал и не знает, как я пою, вряд ли поймут все сразу даже из самой хвалебной рецензии. Певцов слушать надо...»

Она готовилась к тому, что ее будут слушать,— Евгения Мирошниченко уезжала с киевской оперой на гастроли в Испанию. Я сокращаю здесь титулы певицы, если назвать их все, то Евгения Семеновна Мирошниченко — народная артистка СССР, лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко, награжденная высшими орденами Советской страны. Театр называется: Государственный ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени академический театр оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко. Знаменитая певица и знаменитый театр. Конец апреля — начало мая этого года основная часть труппы проведет далеко за Пиренеями, и в Киеве резко убавится количество зрителей, стремящихся на «Лючию ди Ламмермур», «Травиату», «Риголетто» или «Лакме» — не будет главной исполнительницы, само присутствие которой на сцене делает праздничным любое музыкальное зрелище. Я думаю, что не нарушу никаких иерархий, сказав, что в Киеве ходят на иные спектакли оперного театра «на Мирошниченко», а даже не «на Верди». Так ходят «на Рихтера» и потом уже «на Шопена» или «на Дебюсси».

Возможно, мысли мои неверны, но и для композитора счастье, когда его произведение интерпретируется Личностью. А Евгения Мирошниченко — Личность. Не только большая певица, но незаурядный человек, самим присутствием своим влияющий на все окружение. Она легко завладевает вниманием собравшихся, рассуждая на любую тему,— не только о музыке; так бывает всегда, когда у человека есть собственное мнение о жизни; когда певица причастна к окружающему миру не только фиоритурами, сотрясающими зрительный зал. Она актер наш, советский, что называется до мозга костей; человек высочайшего таланта и высочайшего чувства долга. Евгения Семеновна удивительно иронична по отношению ко всей театральной и жизненной мишуре, героинь своих она воспринимает вдумчиво, проникая в глубину характера каждой из них — до того самого социального излома, который резко меняет человеческую судьбу. Мирошниченко любит разбираться в людях, анализировать характеры и примерять их к собственному. К любому выходу на сцену она относится, словно к делу всей жизни: так оно, собственно, и есть. Только от нее я слышал перед спектаклями «Травиаты» или «Лючии» сказанное вполне серьезно: «Смертельная партия»,— и только у нее видел я такие трагически напряженные глаза — словно не Лючия ди Ламмермур или Виолетта, а сама она умрет нынче вечером. Она очень долго приходит в себя после спектакля: час, два — а Мирошниченко все еще Виолетта, и даже то, как медленно и словно бы нехотя разгримировывается она, говорит о многом.

Евгения Мирошниченко очень серьезный человек — импульсивный, вспыльчивый, иногда резкий, но серьезный, потому что ей ничего легко не давалось и вся жизнь приучила певицу уважать труд — собственный и чужой. Она пришла в консерваторию — и об этом уже не раз писали — прямо из сводного хора учеников ремесленных училищ; она пришла на сцену академического театра прямо с последнего курса консерватории — сразу в партию Виолетты. Для того, чтобы жизнь складывалась именно так, кроме поразительного таланта, необходим еще и труд. Она умеет трудиться, как никто: сама работает и заставляет

ИЧЕНКО

работать всех вокруг себя. Ленивые партнеры Евгении Семеновны не раз жаловались, что она не дает им покоя ни на миг — организовывает дополнительные аккомпаниаторские уроки, устраивает спевки, не предвиденные графиком репетиций,— сверх графика. Известный певец, забывший две мизансцены, случайно попал в один гастрольный спектакль с Мирошниченко и потом жаловался при мне: «Она сказала — «если еще будешь стоять столбом в центре сцены, я тебя укушу; двигайся, играй — там люди в зале!» Прямо на сцене сказала все это; взглянул на нее и увидел такую обиду во взгляде большой актрисы, что стало мне совестно...» Не знаю, как у других, но в Евгении Мирошниченко живет обостренное, прямо-таки по-детски острое чувство совести, которое не дает покоя ни ей, ни другим. Принимая ответственное решение, она всегда знает, какую ответственность берет на себя, и чувство это не слабеет со временем. Когда ей, дипломантке Киевской консерватории, предложили петь Виолетту, Евгения растерялась. И педагог ее, профессор, замечательная воспитательница талантов Мария Эдуардовна Донец-Тессер спела своей ученице всю партию Виолетты. Вернее, показала ей всю партию еще и еще раз; они не подымались от рояля до трех часов ночи — Мирошниченко согласилась, приняла ответственность — и никогда уже даже не пыталась избавиться от ее груза. Я ведь говорил вам, что певица — удивительно добросовестный человек.

Опера — естественный синтез искусств драматического и музыкального — позволяет ей реализовать себя в полной мере. Мирошниченко все делает, чтобы создать партнерам идеальные условия для реализации спектакля, — она болеет за общий успех куда больше, чем за свой личный. Личный успех и так при ней, но она умеет переживать за других. Помню, как лет десять назад, во время декады украинского искусства в Алма-Ате, на торжественном концерте сорвался голос у певицы, которая считалась — по всем обывательским нормативам — театральной соперницей Евгении. Но лица не было именно на Мирошниченко: я запомнил, как она переживала тогда. Ни тогда, ни позднее Мирошниченко не позволяла себе унижаться ни завистью, ни злорадством — ни к кому. Музыка для нее безгранична, особенно хорошая музыка: в океане мелодий достаточно места всем. А свое место она уже знает и понимает ответственность за него.

Евгения Мирошниченко не любит петь милых пустячков — знаете, этаких песенок на один раз. Приходится порой петь и такое — но всегда она сопротивляется до последнего; собственное унижение певица еще бы перенесла — перемучилась. Но унижение Музыки — превыше ее сил.

Ах, как обидно, что киностудии никогда не работали с Мирошниченко по-настоящему. Сказанное относится не только к ней: ни Гуляев, ни Гнатюк, ни Мокренко, ни многие другие из великолепной плеяды киевских актеров-певцов не стали героями музыкальных художественных фильмов. Кроме «Музыкальной истории» с незабываемым Лемешевым, так и не было у нас, кажется, хороших фильмов, поставленных «на певца». Не экранизированных оперетт или опер, а именно художественных музыкальных картин. Жаль, обидно, что мы не видели этого, а еще больше жаль, что не увидят и не услышат дети и внуки; мы-то хоть в театр ходим (впрочем, тоже не все...).

У нас очень редко (проблема родственна упомянутой) ставят оперы «на певца». В Киеве, например, множество спектаклей поставлено «на тему», «к случаю», «к юбилею», «на композитора», а зрители ведь ходят «на исполнителя» — зрители ходят «на Мирошниченко», для которой была единственный раз поставлена опера — «Лючия ди Ламмермур» — с того самого 1961 года идущая с неизменными аншлагами. Мирошниченко выучила ее за рубежом (на стажировке в Милане), Мирошниченко не раз пела ее за рубежом (в последний раз в Лейпциге, совсем недавно), и всякий раз спектакль становился событием. У нас же билеты на «Лючию» продаются на месяцы вперед. Жаль, что мало таких спектаклей; Мирошниченко мечтает о «Сомнамбуле» Беллини, но, насколько я знаю, никто ей такого спектакля не готовит. Советских опер для нее (только ли для нее?) тоже никто не пишет.

Мы должны по-хозяйски относиться к талантам. Евгения Мирошниченко — одно из самых ярких дарований современного певческого искусства. Не только у нас — в мире. Я радуюсь, что живу в одно время и дружу с такой актрисой, и печалюсь, что на гастролях театра в Испании она занята в дуэте-пасторали «Мой миленький дружок, любезный пастушок...» из «Пиковой дамы». Так сложился репертуар. Репертуар не должен так складываться...

Пока Евгения Семеновна в Мадриде, давайте включим свои проигрыватели, давайте добудем заветный граммофонный диск с записью ее пения; давайте порадуемся, что она у нас есть. Народная артистка Советского Союза Евгения Семеновна Мирошниченко. Она скоро возвратится с гастролей — следите за афишами...

Киев.

На выставке Сергея Городецкого. Фото Г. Розова.

ОТКРЫТИЕ ДЛЯ МНОГИХ

Чтобы узнать поэта — читайте его стихи, чтобы понять поэта — изучайте его жизнь. Эта истина проявляется особенно выразительно, когда, углубленно погружаясь в мир и жизнь художника, начинаешь по-новому осознавать его давно, казалось бы, знакомые произведения. В последние годы в «Огоньке» несколько раз публиковались материалы из архива прекрасного русского поэта С. М. Городецкого. Их бережно сохранила дочь Сергея Митрофановича, Р. С. Городецкая. Теперь эти материалы, а также многие другие реликвии и документы, связанные с жизнью и творчеством поэта, можно увидеть на интереснейшей выставке «Поэт Сергей Городецкий», открывшейся в Государственном музее В. Маяковского.

Произведения Городецкого от первого сборника «Ярь», появившегося в начале XX века, сборника, который Александр Блок назвал, «может быть, величайшей из современных книг», до вышедшей совсем недавно в «Библиотеке «Огонек» книги воспоминаний и статей Городецкого «Русские портреты», увидят посетители этой выставки. В них запечатлена судьба поэта, его сложный путь, его яркий талант.

Многосторонни были связи Городецкого с жизнью, с литературной молодежью, известными писателями. На выставке представлены многочисленные автографы на книгах, подаренных Городецкому С. Есениным, В. Хлебниковым, Н. Асеевым и другими писателями; плакаты революционных и военных лет, в создании которых принимал он участие; редчайшие фотографии, зримо отражающие его жизнь; афиши театральных спектаклей и другие уникальные материалы из архива Городецкого, переданные ныне в музей Маяковского Р. С. Городецкой. И, конечно, открытием для многих станут рисунки самого Сергея Митрофановича, самобытного художника, на талант которого обращал внимание еще Репин.

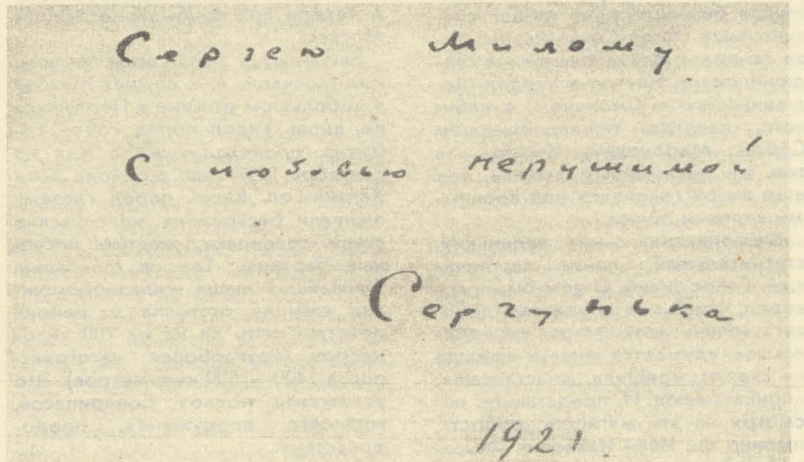
Выставка с большим вкусом и любовью подготовлена сотрудниками Государственного музея В. Маяковского. Она достойно представляет нашим современникам поэта Городецкого, внесшего большой вклад в отечественную культуру, проникновенно и точно написавшего на закате жизни:

Настанет час, когда меня
не станет,
Помчатся дни без удержу,
как все.
Все то же солнце в ночь
лучами грянет,
И травы вспыхнут в утренней
росе.

И человек, бесчисленный,
как звезды,
Свой новый подвиг без меня
начнет.
Но песенка, которую я создал,
В его трудах хоть искрою
блеснет.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Дарственная надпись С. Есенина на книге «Пугачев», подаренной Есениным С. Городецкому (автограф публикуется впервые).

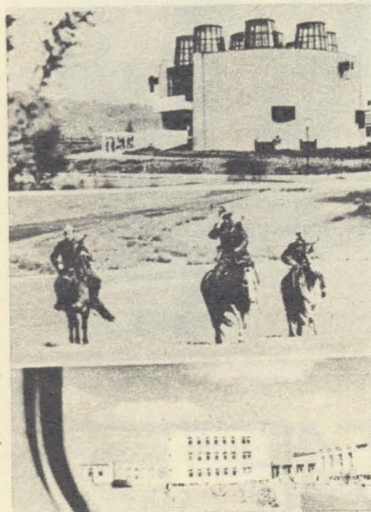

Сергею милому

С любовью нерушимой

Сергунька

1921.

ТАМ, ГД

Зигмунд ХИРЕН

Начиная с конца октября 1941 года я не раз слышал от Георгия Константиновича Жукова, принявшего сразу после возвращения из осажденного Ленинграда командование Западным фронтом, слово «халхингольцы», причем звучало оно всегда в его устах как гвардия, гвардейцы. Всякий раз, когда у нас заходил разговор о поездке в войсковую часть, чем-то особенно отличившуюся в боях, Жуков неизменно называл дивизию, недавно прибывшую в его распоряжение из Монголии.

Удивляться этому пристрастию не приходилось. Ведь именно там, у далекой монгольской реки Халхин-Гол, фамилия Жукова стала синонимом выдающегося современного полководца. Привязанность к людям, с которыми он, командующий 57-м особым корпусом, пришедшим на помощь дружественной нам Монголии, одержал крупные военные победы, чувствовалась буквально во всем. Вот один маленький пример. Когда Жуков по приказу Верховного был срочно отозван из Ленинграда в Москву, естественно, сразу возник вопрос, кто вместо него останется командовать фронтом. Жуков без колебаний назвал халхингольца Героя Советского Союза генерала Ивана Ивановича Федюнинского. Наутро я увидел Федюнинского в Смольном, в кабинете, некогда принадлежавшем Сергею Мироновичу Кирову, за тем же письменным столом, где еще вчера склонялся над военными картами Жуков.

Федюнинский — худенький, стеснительный, почти застенчивый. Голос тихий. О чем бы ни говорил, что бы ни предлагал, добавит: «очень возможно», «предполагаю», «думается мне» и никогда не скажет: «решил», «настаиваю», «приказываю». И, представьте, несмотря на эту мягкость, робость, именно он, Иван Иванович Федюнинский, начав на Халхин-Голе с помощника командира полка, стал там же командиром 24-го моторизованного полка, а после боев возглавил дивизию, которая, к слову, и отличилась в 1941-м на Можайском направлении, куда так настойчиво адресовал меня Жуков. Самого Федюнинского к тому времени там не было — он, как уже сказано, защищал Ленинград.

Вспоминается, как в 1939 году после завершения халхин-гольской операции Жуков распорядился построить среди барханов громаднейший амфитеатр, вмещавший не менее двух тысяч человек, и большую эстраду со множеством ярко раскрашенных схем и карт. Съехались командиры — герои недавних боев. Жуков с длинной тонкой указкой в руках приступил к военному разбору. Назывались крупные танковые, авиационные, стрелковые соединения. И среди них тот самый полк, командиром которого стал в бою Федюнинский. Жуков не просто с похвалой отозвался о нем, а продемонстрировал схемы действий именно этого полка. К сожалению, Федюнинскому не довелось тогда услышать добрых слов, сказанных о нем Жуковым,— был Федюнинский ранен. А в 1943 году, командуя одной из армий, сражавшейся за снятие с Ленинграда блокады, его снова ранило, причем осколок мины угодил в бедро рядом со старым ранением, полученным на Халхин-Голе.

Впрочем, об этом «совпадении» узнал я не от Федюнинского, а от хирурга, оба раза извлекавшего осколки мин. В Монголии этого доктора все называли по молодости его лет просто Сашей, а был это Александр Александрович Вишневский, впоследствии ученый с мировым именем, главный хирург Министерства обороны СССР. Вот и он до последних дней жизни с гордостью называл себя халхингольцем.

Словом, повторяю, ничуть я не удивился, когда Георгий Константинович посоветовал мне написать очерк о бывалых солдатах на материалах как раз этой дивизии, только что прибывшей из Монголии и выгрузившейся в районе Кубинки под Москвой.

— Уверяю тебя, — сказал он, — нигде ты не найдешь таких обстрелянных людей, как там. Да что я тебе говорю. Сам знаешь: они ведь воевали на Халхин-Голе. А теперь вот прибыли на защиту Москвы.

Была лютая зима сорок первого под Москвой. А я, слушая Жукова в небольшом домике в Перхушкове, вновь видел перед собой события, происходившие с мая по сентябрь 1939 года в районе реки Халхин-Гол. Вновь перед глазами оживали бескрайние монгольские степи, солончаки, желтые песчаные барханы. Там, в Монголии, ближайшая наша железнодорожная станция отстояла от района действий чуть ли не на 700 километров (кругооборот автотранспорта 1400—1500 километров). Это усложняло подвоз боеприпасов, горючего, вооружения, продовольствия...

Река Халхин-Гол и прилегавшие к ней высоты были захвачены японцами. Это были самые выгодные тактические рубежи. На протяжении четырех месяцев враг оказывал бешеное сопротивление. Каждую высоту приходилось брать приступом. И именно в этом районе и в этих вот условиях мир узнал о выдающемся полководце. Я не боюсь такого эпитета, потому что вся последующая военная жизнь Г. К. Жукова явилась подтверждением этих слов.

Свидетельством тому любопытный документ, обнаруженный в 1945 году в поверженном Берлине, где маршал Жуков принимал от гитлеровцев полную, безоговорочную капитуляцию. Из этого документа следовало, что германский генеральный штаб еще в 1939 году, сразу же после разгрома японцев на Халхин-Голе, считал Жукова «сильным и опасным противником».

Впервые увидел я Жукова в блиндаже, вырытом возле горы Хамар-Даба. Он сидел в узком, как пенал, отсеке за длинным, сколоченным из плохо обструганных досок столом и с аппетитом ел арбуз.

Узнав, что я корреспондент «Красной звезды», Жуков все же комментировать события отказался. Сказал, что в настоящий момент заниматься подобными делами никак не может, что предстоят доклады, составление отчетов для Генерального штаба. Словом, «творчеством» можно будет заняться дома на досуге.

А дом Жукова, как было мне известно, находился в Минске. Ведь прибыл-то он в Монголию из столицы Белоруссии, где был заместителем командующего военным округом. Однако мои предположения о доме оказались ошибочными. Пока шла война, семья Жукова — жена и две маленькие дочурки — перебралась из Минска в Улан-Батор и поселилась в деревянном домике на окраине Улан-Батора.

Туда я и направился, когда редакция поручила мне взять у Жукова интервью по окончании боев у реки Халхин-Гол.

Открыв дверь домика, я сразу оказался в столовой, служившей одновременно Жукову и кабинетом. Ни тамбура, ни передней домик не имел. Посреди комнаты — квадратный стол, покрытый довольно потертой клеенкой. В углу — железная кровать; возле самой двери — небольшой письменный стол. У стены на табуретке возвышалось показавшееся мне странным сооружение. Но именно на него первым долгом обратил мое внимание Жуков. Это была радиола, присланная ему из Москвы, — в виде подарка, что ли. Судя по всему, Жуков очень гордился этим подарком. Он подвел меня к радиоле и сказал:

— Вот что, ты пока займись этим. Заграничная штучка! Такой ни у кого нет. Сразу ставится пять пластинок, проигрываются, сами переворачиваются и опять играют. А я буду заниматься своими бумагами. Видишь, сколько мне их принесли, и все я должен подписать.

Мои попытки освоить радиолу оказались безуспешными. А Жуков, хоть и был занят деловыми бумагами и разговорами с приходившими командирами, несколько раз недовольно оглядывался. Наконец не без раздражения встал, подошел ко мне и начал показывать, как надо обращаться с радиолой. Но тут выяснилось, что и он недостаточно освоил «технику». И, махнув рукой, он сказал жене, чтобы она занялась гостем, чаем напоила.

— Вот кончу подписывать бумаги, тогда займемся литературным творчеством.

Жена Жукова Александра Диевна прошла на другую половину комнаты, разделенную ситцевой занавеской, и вскоре на столе появился чай. Под столом в это время, не обращая на гостя внимания, играли дети Жукова.

Но вот ушел последний командир. Жуков, потирая руки, присел к столу и, помешав в стакане ложечкой чай, пододвинул ко мне тарелку с печеньем.

Для начала Жуков выразил недовольство тем, что я, работая над черновым вариантом «литературного», как он выразился, произведения, не воспользовался переданными им мне еще на Хамар-Дабе японскими документами.

— Пойми, — сказал он. — Если хочешь получить представление о том, какую силу возымели действия наших войск на армию противника, обязательно внимательнейшим образом прочитай дневники, письма солдат и офицеров врага. В этих бумагах люди как на духу, сами того не подозревая, дают точную оценку действиям наших войск.

Я объяснил Георгию Константиновичу, что не воспользовался дневником японского капрала лишь по той причине, что говорилось там о вещах, не имеющих, на мой взгляд, никакого отношения к военным действиям. Японец писал о каком-то талисмане, подаренном ему сестрой в Токио, о знакомой девчонке...

— Девчонке,— передразнил меня Жуков. — А того не заметил, что капрал перечислял всех, кто погиб у них в роте.

Жуков встал из-за стола и принес стопку бумаг. Это оказались переводы новых трофейных документов. Отрывки из них он прочитал вслух.

И тут почему-то я вспомнил, как при первом нашем знакомстве, вот тогда, когда я застал Жукова с арбузом в руках, какой-то полковник докладывал Жукову, что один из захваченных в плен японских офицеров попросил нож, чтобы сделать себе харакири.

— Ну и что? — поинтересовался Жуков. — Дали нож?

— Нет, конечно, — отрапортовал полковник.

Позднее, когда бои уже кончились, я был свидетелем не менее любопытного разговора Жукова. Завершились переговоры нашего командования с представителями побежденной японской армии. Речь шла об изъятии японских трупов с территории Монголии. Японцы настаивали, чтобы их офи-

Е ШЛИ БОИ

церам, руководившим сбором трупов, разрешили быть при оружии. На что Жуков ответил:

— Они уже тут раз побывали при оружии. Хватит!

За чаем Жуков впервые посвятил меня в те самые малоприметные детали, которые, по его мнению, имели немаловажное значение.

Уже было принято решение наступать. Шли крупные переброски танков, артиллерии, боеприпасов. В Монголию прибывали новые части из глубины России, а чем был занят тогда командующий Жуков?

— Вот как раз в то время я и был занят литературным творчеством, — усмехнулся Жуков. — И без помощи вашего брата сочинил «Памятку бойцу в обороне».

— В обороне? — удивился я.

— Ну, конечно же, — подтвердил Жуков. — Писалась эта памятка все в том же пенале. И была отпечатана в типографии на русском языке большим тиражом. А тираж ее целиком был переброшен на самолете к японцам. Наш летчик не был осведомлен о том, что представляют собой тюки, которые надлежит сбросить на территорию врага. Ему только было сказано, что при исполнении данного задания ошибка недопустима. А ошибка могла заключаться лишь в одном — если он тюки эти сбросит не над японской территорией, а над нашей. Летчик был опытным, смелым, исполнительным, и ошибки не произошло. Тюки были сброшены неподалеку от штаба японского командующего — Камацубары. Теперь надо было убедиться в том, что «ошибка» свое дело сделала. А дело-то вот какое было.

И Жуков хитро подмигнул мне:

— Понял?

— Нет, не понял, — сознался я.

— Не понял? И еще берешься мне помогать. Ну, знаешь...

Далее Георгий Константинович рассказал мне суть замысла. Японцы должны были быть твердо убеждены в том, что наши войска готовятся к длительной обороне, причем зимней. Так, например, ежедневно с командного пункта Жукова в Москву шли телеграфные, конечно же, зашифрованные вопросы о присылке проволоки, кольев, всевозможных оборонительных сооружений, валенок, полушубков, ватников. А все это передавалось по радио и телеграфу в августе месяце. И все, повторяю, не открытым текстом, а закодированным. Но уже давно Жуковым были приняты все меры к тому, чтобы этот ключ, этот код своевременно попал в руки японского командования. И чтобы они имели возможность свободно расшифровать все эти бесконечные переговоры с Москвой. А тюки с «Памяткой бойцу в обороне» должны были служить заключительным аккордом жуковского «литературного» творчества.

И тут Георгий Константинович почему-то вновь обратил мое внимание на чудесную радиолу, которая одновременно могла исполнять подряд пять пластинок, самостоятельно переворачивая каждую. К слову сказать, в тот вечер не удалось ни Жукову, ни мне прослушать даже одну из этих пластинок, так как радиола упорно нам не подчинялась. Проведя рукой по радиоле, Жуков сказал:

— Ведь знаешь, и радио нам тоже помогло.

Я пришел в полное недоумение. Но, видимо, Жуков уже привык за этот вечер к моему военному невежеству и объяснил:

— Я тебе уже сказал, что мы готовили генеральное наступление на японцев. Непрерывно двигались в мое распоряжение танки, артиллерия, боевая техника. Говорил тебе? Значит, японцы могли сразу заметить противоречие между нашими шифровками и действительностью. Так ведь? Потом, имей в виду, японская армия сильная. У них разведка налажена не хуже, а я бы сказал, получше, чем у нас. И подобного противника обмануть не так-то просто. Надо было на него нажимать со всех сторон. Значит, для того, чтобы он поверил, что шифровки соответствуют реальной действительности, я распорядился о строительстве крупных проволочных заграждений. Заставил потрудиться и радио. Словом, мощная звуковещательная станция круглые сутки имитировала забивку кольев в землю. Грохот стоял невообразимый. Японцы не могли не услышать его. Но непрерывно двигалась техника в район боев, и хотя мы держали ее в укрытиях, но все равно шум гусениц танков не скроешь...

— И как же вы поступили? — спросил я.

— Зачем спрашиваешь? Ведь ты знаешь и видел. За десять дней до наступления вдоль фронта начали беспрерывно курсировать танки. По идее, они должны были изображать вывод наших войск в тыл. Надо было, чтобы они производили как можно больше шума. Я приказал снять с этих танков глушители. Вот тут-то японцы забеспокоились. Несколько раз даже открывали артиллерийский огонь. Но шум не прекращался круглые сутки. И в конце концов японцы решили, что это просто какой-то беспорядок в наших войсках. И махнули рукой на весь шум. Этого-то я и добивался. Мне было важно, что, когда наступит момент доставить к району боевых действий новые танковые соединения, японцы, привыкшие к непрерывному шуму, не заметят этого. Короче говоря, прозевают сосредоточение наших войск, что создаст нам условия для внезапных действий. Теперь-то ты, надеюсь, понял?

...Упомянул я в самом начале Ивана Ивановича Федюнинского, с которым встретился в октябре сорок первого в Смольном, а впервые, как и Жукова, увидел во время боев на Халхин-Голе. Когда тяжелый бомбардировщик, на котором мы летели, приземлился в Тамцаг-Булаке, его буквально заполонили монгольские цирики. Они старались прикоснуться к каждой детали самолета, с любопытством расспрашивали об их назначении. Наши летчики охотно отвечали на все вопросы.

Потом, когда я вышел из самолета, моим глазам представилось зрелище, память о котором сохранилась по нынешний день. Неподалеку от аэродрома в открытой степи — тысячи всадников, окруженных женщинами, детьми, стариками. Зеленые, синие, голубые халаты развевались на ветру. Стоявший рядом со мной монгольский офицер объяснил, что это жены, матери, дети, сестры, отцы провожают своих на войну.

И именно Федюнинский порекомендовал познакомиться с теми своими воинами, которые лучше знают местных жителей. Назвал рядового Михаила Фетисова.

— Он у нас, знаете, водовоз. Здесь, в Монголии, снабжение питьевой водой — проблема, и немалая. Ну, так вот, Фетисов снабжает водой не только нас, но часто приходит на выручку монгольским семьям.

Услышав, что меня к нему прислал сам полковник Федюнинский, Фетисов пришел, я бы сказал, в замешательство. «Я ничего такого не сделал», — повторял он, то краснея, то бледнея. С трудом удалось преодолеть застенчивость, робость, неразговорчивость паренька. Да, он действительно не прочь был пособить и местным жителям. Но тут-то Фетисов не удержался и заговорил о собственном горе. Весь полк ушел к Халхин-Голу защищать монгольскую землю, а его, Мишу Фетисова, как водовоза, так сказать, глубокого тыловика, дома оставили. Сперва надеялся, думал — вспомнят, пришлют за ним, дадут в руки пулемет, несколько дисков, и марш на войну! Но куда там. И вот после долгих мучений все-таки добился своего. Правда, предполагал, что воевать пошлют, а приказали на водовозке следовать.

На фронте все изнывали от жажды. Река рядом, а баклажки высохли, кухни поотстали, пулеметчики бранят все на свете: в пулеметах ни капли воды. И тут появился водовоз Миша Фетисов. Помнили все, что паренька дома оставили, мол, война без него обойдется. Быстро наполнил он котелки, ведра, кухни. И айда опять к реке. Ему кричат: «Убирайся! Оглох, что ли? Японцы в вилку берут, ты всех демаскируешь». А Фетисов и впрямь вроде оглох, знай свое — черпает и черпает ведрами воду из реки.

Вскоре Фетисов убедился, что профессия водовоза не менее боевая, чем другие военные профессии. Между прочим, рассказ Фетисова послужил и для меня хорошим уроком. Прежде я писал в газету о танкистах, пехотинцах, летчиках, а теперь понял: есть на войне специальности не менее важные. Все добивался от паренька, чтоб рассказал, в каких переплетах перебывал, а он одно: «Ничего такого не бывало...».

А бывало... И такое, что через три года Фетисова вспомнили, да и сегодня, убежден, спустя сорок лет, помнят, не забыли. И никогда не забудут.

Однажды к нам на Западный фронт прибыла военная делегация Монгольской Народной Республики, так сказать, коренные халхингольцы. Конечно же, их принял командующий, конечно же, не обошлось без халхин-гольских воспоминаний. Затем гости с подарками для фронтовиков отправились на передний край. На одной подобной встрече, в артполку, довелось и мне присутствовать. Не один я там оказался, а с писателем Всеволодом Вячеславовичем Ивановым. Гости привезли воинам теплые варежки, меховые жилеты, толстые носки, знакомые по Халхин-Голу папиросы «Борцы» с изображением на коробке монгольской спортивной борьбы. Позднее стало известно, что подобных подарков пришло от Монгольской Народной Республики в том году 140 вагонов. Кроме того, монгольские побратимы перевели, так сказать, в фонд Победы два с половиной миллиона тугриков, сто миллионов американских долларов, триста килограммов золота. На эти средства построили 53 танка, и среди них танк «Сухэ-Батор». Многие из тех боевых машин дошли до Берлина. Среди «подарков» была и авиационная эскадрилья «Монгольский арат», завершившая свой победный путь под Кенигсбергом. Для советских кавалерийских частей МНР прислала 35 тысяч лошадей...

Всеволод Иванов, знавший, что я был на Халхин-Голе, шепнул: «Поспрошайте, может, среди гостей обнаружится кто-либо из ваших старых знакомых по тридцать девятому». Поспрошал, но безуспешно. Зато от одного из монгольских офицеров случайно услышал название городка Матат-Самон, по которому когда-то, помнил я, разъезжал Фетисов на своей водовозке. И я рискнул спросить гостя, не приходилось ли ему встречаться у себя в МНР с нашими воинами.

— Встречаться? — удивился монгольский офицер. — Меня спас ваш солдат, и я всю жизнь буду его помнить. Миша Фетисов!

Тогда на Халхин-Голе написал я о водовозе Михаиле Фетисове. Был там и такой эпизод. Попал как-то Фетисов под прицельный огонь, да такой сильный, что не проскочить. Что делать? Решил Фетисов перехитрить японцев: прикинуться, что и водовозка вышла из строя и сам-то он, Фетисов, убит. Незаметно выбрался из кабины, бухнулся на дно оврага. Лежит, прислушивается. Вроде стрельба притихла. Пополз попластунски, залег у крыла водовозки, а потом скок в кабину, согнулся в три погибели — со стороны могло показаться, что машина без водителя мчится. Но к этому-то Миша и стремился. Под самым носом у японских артиллеристов, безусловно, считавших его уничтоженным, проскочил. Но и двух километров не сделал — слышит стон. За барханом — раненый. Фетисов и до того не раз спасал раненых. На сей раз им оказался цирик.

Писатель Всеволод Иванов, уже и тогда пожилой человек, слушая гостя, плакал.

1939—1979 гг.

В. ГОРЧАК,
начальник Роскульторга, заслуженный работник торговли РСФСР.

А. ЛОБКО,
кандидат экономических наук, сотрудник научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР

ВЕДОМСТВЕННЫЕ «ПОЛНОМ

За год в магазинах страны покупают более шести миллионов телевизоров, почти семь миллионов радиоприемников и радиол, два с половиной миллиона магнитофонов, два миллиона фотоаппаратов, десятки тысяч кинокамер, пианино и роялей. Впечатляющие цифры... И тем не менее спрос на культтовары удовлетворяется не полностью. Почему? Причин много, но далеко не все можно отнести к так называемым объективным.

Вот, например, гитары. Мало их. Молодые люди буквально атакуют магазины: «Когда будут гитары?» Продавец молча пожимает плечами...

«Росмузпром» Министерства местной промышленности РСФСР — головное объединение по выпуску гитар — и научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт музыкальной промышленности располагают необходимыми типовыми проектами, технической документацией. Но «Росмузпром» не имеет полномочий действовать за пределами Российской Федерации! И от его предложений начать выпуск гитар поочередно отказались деревообрабатывающие предприятия в городе Бельцы, Молдавской ССР (хлопотное оказалось дело), тбилисская фабрика пианино, которая вроде бы и взялась за освоение гитар, но делает их в мизерных количествах и куда охотнее планирует производство более дорогих, а следовательно, более выгодных электрогитар. И вот на поверку выясняется, что власти министерства оказывается недостаточно.

Неизвестно, с чьей легкой руки, но на некоторых предприятиях выпускаемая ими продукция делится на главную и второстепенную. По-прежнему кое-где считают, что можно выпускать первоклассные станки, сложнейшее оборудование, а буквально рядом, в соседнем цехе, на соседнем участке — морально устаревшие, оседающие на базах товары народного потребления.

Скоро Московский завод автокузовов будет отмечать «юбилейную» дату — вот уже пятнадцать лет он выпускает детский картинг, педальный велосипед, одной и той же модели, не внося в нее никаких изменений. Вещь нужная. Но конструкция ее крайне несовершенна и устарела: пятнадцать лет — срок солидный. Да и плохо сделан этот картинг, аттестован второй категорией качества, что само по себе противоречит всем требованиям сегодняшнего рынка. Картинги тем не менее завод продолжает выпускать: выгодно, легко!

Высказывается много претензий к лыжным жестким креплениям, поставляемым ленинградским научно-производственным объединением «Светлана», к насосам для накачивания мячей из Латвии.

Торговые предприятия Российской Федерации отказались от восьми тысяч мотороллеров «Вятка-Электрон». Не пользуются спросом: устаревшая конструкция! Новую же модель производственники не могут (не хотят?) освоить, хотя разговор на эту тему идет не первый год. А там, где взялись за освоение первоклассной конструкции, порой со скрипом переходят на массовое производство. Такова судьба грузовых мотороллеров «Муравей», очень нужных сельским жителям: устойчивые, со съемным фургоном, в котором можно перевозить до 275 килограммов груза. Мы давно ждем эти машины. Не начато и крупносерийное производство обещанного мотороллера «Тулица» — его отличают большая мощность, современное оформление. Пишем письма, звоним на завод: «Когда начнете поставлять «Тулицу»?» Отвечают неопределенно, приводят «объективные» причины.

Вместо увеличения выпуска, обновления и расширения ассортимента культтоваров планы их производства подчас «корректируются»... в сторону уменьшения.

Все это наводит на мысль о том, что **появилась необходимость в одинаковой оценке работы предприятий как за выпуск «основной» продукции, так и изделий массового спроса. Да и должно ли быть такое деление?** Нам кажется, что само понятие «второстепенная продукция» находится за пределами экономики. Во всяком случае, за пределами здравого смысла. Все, что нужно людям, все, что вышло из цехов предприятия,— главное.

Но не следует рисовать упрощенную схему: на одной стороне «злоумышленники» из промышленности, на другой — радеющая за дело торговля. В жизни все сложнее. Иногда производственники находятся в самом невыгодном положении, им, случается, просто накладно браться за новые изделия. Результаты опроса специалистов велопромышленности показали, например, что на некоторых заводах производство детских велосипедов по вине смежников является малорентабельным и даже убыточным. В результате такие машины не комплектуются звуковыми сигналами, бутафорными фарами и отражателями. Вот и лежат они без движения на базах.

Дело еще и в том, что в торговых предприятиях по-прежнему слабы службы спроса, они не всегда знают рынок и дают промышленности явно необоснованные заявки. Это в первую очередь относится к так называемым «мелочам» (еще один сомнительный термин!).

Руководители промышленного предприятия, открывая цех ширпотреба, заинтересованы в создании мобильного производства, они рассчитывают на крупные заказы, долговременные договоры. Но прежде чем принять решение о производстве тех или иных «мелких» товаров, производственники обращаются на ближайшую оптовую базу. А база-то областная или республиканская, и ее руководители не всегда знают состояние всесоюзного рынка. Нередко оптовые базы разных республик ориентируют производство на выпуск одних и тех же изделий. В течение двух-трех лет насыщается рынок республики, где освоено производство, а затем и рынок всей страны. Наступают затруднения в реализации, торговля отказывается от закупок товара, который теперь уже поступает к ней по многим каналам. Заводы вынуждены прекратить производство этих изделий, колесо начинает крутиться в обратном направлении, и вскоре товар исчезает, вновь становится дефицитным. Теперь уже трудно вернуться к его изготовлению. Среди изделий, оказавшихся на ярмарке 1978 года в избытке, были пластмассовые угольники, точилки для карандашей, пластмассовые диапозитивные рамки, стулья для пианино, знаки аварийной остановки и многое другое. У ряда предприятий появились трудности сбыта. Сейчас они спешно снимают с производства эти избыточные изделия. Но пройдет время, и точилка станет дефицитной...

Чтобы производственники смелее брались за изготовление товаров, выпуск которых не планируется в общегосударственном масштабе, нужен единый координационный центр при Минторге СССР, который определял бы объемы выпуска изделий для нужд внутреннего рынка.

Увеличение выпуска товаров народного потребления, повышение их качества часто осложняются из-за нехватки комплектующих деталей, хорошего сырья. Случается, что промышленность, показав на выставке или на ярмарке отличные образцы, уходит от заключения договоров на поставки этих товаров в достаточно больших количествах. При этом ссылаются прежде всего на трудности в получении комплектующих узлов и деталей. Что порождает эти трудности? Предприятия-смежники пока еще не заинтересованы в сотрудничестве с теми, кто дает уже готовый товар. Их продукция — полуфабрикаты, комплектующие изделия — не засчитывается в объем производства товаров народного потребления. Это и побуждает министерства планировать своим предприятиям выпуск только готовых изделий. И, увы, часто в ущерб делу. Видимо, **настала пора уравнять в правах готовые и комплектующие изделия.** Тогда поднимется заинтересованность и в расширении ассортимента товаров и в лучшем использовании отходов.

Особый вопрос — качество. Даже по таким несложным товарам, как стиральные резинки, линейки, копирка, лента для пишущих машин, клей, чернила, претензий более чем достаточно. Ластики крошатся, пачкают и лохматят бумагу, быстро затвердевают. Шариковые авторучки подчас не выдерживают минимальных сроков эксплуатации. Копирка непрочна, пачкает бумагу, дает бледные копии, к тому же быстро исписывается. Лента для пишущих машин неравномерно пропитана краской, недолговечна. Уже не первый год торговля высказывает свои претензии фабрике «Союз», но, пользуясь тем, что и ленты и копирки не хватает, промышленность не спешит улучшить их качество: все равно раскупают!

По-прежнему мала в общем объеме производства доля изделий, удостоенных государственного Знака качества. Из обследованных двадцати семи фабрик, выпускающих пианино и рояли, лишь на десяти предприятиях изготовляются музыкальные инструменты со Знаком качества. Вот два одинаковых инструмента (одной модели и даже одного артикула) — пианино «Лирика» Московского комбината и пианино «Ноктюрн» омской фабрики «Иртыш». И цена одинаковая — 675 рублей. Но первому инструменту присвоен государственный Знак качества, и он очень охотно раскупается, а второй оседает на складе.

Следовало бы решить вопрос и о месте ремонта бракованных технически сложных товаров. Только в Москве, например, в минувшем году в магазины были возвращены тысячи радиоприемников и телевизоров — не выдержали гарантийного срока эксплуатации. Магазины посылают их во Львов, Симферополь, Ригу, Киев, Бердск, Александров, Воронеж, Ленинград, Харьков — в города, где эти аппараты сделаны. Легко представить, во что обходится одна только пересылка радиоприемника или телевизора. **Не проще ли, не логичнее ли организовать ремонт радиотелевизионной аппаратуры, забракованной в торговле, там, где она продавалась, тем более если в городе есть радиозавод, принадлежащий тому же ведомству!**

Много внимания сейчас уделяется закупкам спортивных товаров — близится «Олимпиада-80». Выпуском спортивных изделий занимаются предприятия сорока четырех министерств и ведомств. В Эстонии и Закарпатье начали делать пластиковые лыжи — упругие, легкие, прочные. В Белоруссии — отличные углепластиковые лыжные палки, в Свердловске — очень хорошие лыжные крепления: на уровне лучших зарубежных образцов. В Москве и Мукачеве освоили вы-

пуск армированных стеклопластиком хоккейных клюшек. Отличные коньки — беговые и для хоккея — выпускают ленинградцы. Добрых слов заслуживают станковые рюкзаки «Сенеж» и «Ермак», альпинистское снаряжение. Однако все эти пользующиеся большим спросом изделия поставляются торговле в небольших количествах. И покупатель, не найдя в магазине товаров высокого класса, вынужден приобретать то, что есть.

Уж сколько лет говорят и пишут о диктофонах. Потребность в диктовальных аппаратах быстро растет. Еще недавно их выпускали заводы Минэлектронпрома и Минрадиопрома. Теперь перестали. А вот на видеомагнитофоны — их выпуск освоили несколько лет назад — особого спроса нет. За полтора года фирменные магазины продали в Ленинграде, Воронеже, Тбилиси всего... семь таких аппаратов. Причин тому немало. Но одна из них — отсутствие в продаже видеоленты. Редко найдете в магазине и видеокамеру. А ведь без нее ценность аппарата резко снижается. Выпускаемые видеомагнитофоны технически не во всем совершенны. Но и они не обеспечены гарантийным обслуживанием в мастерских. Все эти обстоятельства, видимо, не очень тревожат руководителей предприятий, выпускающих видеомагнитофоны. Забота у них одна — заставить оптовые базы закупать эти аппараты. Тут энергии, как говорится, не занимать.

Дело ведется явно вопреки элементарным законам социалистической экономики. Промышленности прежде всего следует устранить причины, мешающие продвижению новинки на рынок, а уже затем нажимать на торговлю. Обещал помочь промышленности конкретными рекомендациями по увеличению продажи видеомагнитофонов Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС). Производственники заключили с учеными договор. Ждали полтора года обещанных рекомендаций, но вместо этого получили... описание всем уже известных проблем. Кстати, давно уже пытаются получить от ВНИИКСа конкретные предложения о развитии спроса на свои изделия музыкальная промышленность, Главкультбытторг Минторга СССР — исследование перспектив спроса на пишущие машинки и т. д. Но и здесь принцип тот же: «Обещаю, но не выполняю».

И еще один вопрос. Следует ускорить строительство Дома оптовой торговли, где можно проводить межреспубликанские ярмарки, а в перерыве между ними — выставки товаров народного потребления. Здесь промышленности могла бы регулярно встречаться с оптовой торговлей.

Каждый год в стране появляются сотни новых магазинов. Ежегодно растет производство товаров народного потребления. Но еще немало ухабов на их пути к покупателю, а он становится все более и более требовательным.

ОЧИЯ»

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

...СДЕЛАТЬ СВОЙ ВЫБОР

ОБОЛОЧКА

И красоту и уродство скрывают наши одежды.
Мы придаем им значенье,
и — процветают невежды!

Ложь одевается стильно, с расчетливостью холодной,
и правда с ее простотою кажется нам старомодной.
В мальчишество зачисляется истинное благородство;
а смелость и бескорыстье
не более чем донкихотство...
Крикливый болтун и фокусник, представивший мир наизнанку,
глядишь, объявлен новатором.
Ловимся на приманку.
Смотрим на оболочку, видим не дальше носа,
ни слепоте, ни глупости нету, как видно, износа!

Эпоха рождает великих физиков и поэтов.
И ты, читатель и зритель, быть должен велик при этом.
Сердцем велик и страстью,
совестью гражданина.
«Я человек маленький!» —
это вопль мещанина.
Именно эти маленькие рубят великим головы.
Пусть же они предстанут такими, как есть, —
голыми!

И обнажится сущность этой
презренной клики —
их великая трусость,
ничтожество их великое...
Трагически разновелики,
полярней, чем к полюсу полюс,
мечта о прекрасном и пошлость,
жажда добра и подлость.
И если стать человеком
жребий тебе выпал,
единожды и навеки ты должен
сделать свой выбор!
Нельзя проходить по жизни с
довольным иль постным ликом.
Чтобы понять великое, надо быть
тоже великим.

У ПАМЯТНИКА ГЕРОЮ

Этой солнечной бронзы
и сиянье
и свет...
А на цоколе — розы,
нет забвения.
Нет!

Тут эмблема и крылья.
Взор таит торжество.
Тридцать лет
эскадрилья
носит имя его.

...Небо лопалось грозно
в перепадах пальбы...
Эта теплая бронза —
бледный слепок судьбы.

●

Жизнь мы прожили с тобой,
может, лучшую на свете.
Был и полдень голубой,
были дождь, и снег, и ветер.

Что поделаешь?..
Судьба!
Презирая все напасти,
повторял я про себя:
«Это — счастье...
Это — счастье!»

Умирают чувства?..
Ложь!
Воскрешу.
И околдую.
...Если даже хлещет дождь —
это я тебя целую!

Доползу до кромки льда,
долечу к звезде высокой —
да, люблю!..
И никогда
ты не станешь одинокой.

На каком бы берегу
ни врубались молний клинья,
я тебя уберегу
и от ветра
и от ливня.

БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ

А радуют и солнце и гроза.
И с каждым днем
весь этот мир дороже...
Большое Время смотрит мне в глаза
так пристально,
что становлюсь я строже.

Казалось бы —
пути,
пути,
пути,
а как непросто подружиться с Веком!
В себе опору нелегко найти,
но без нее
не станешь человеком.

И, разбежавшись,
жмешь на тормоза
и снова в путь —
размашисто и круто.
Большое Время смотрит нам в глаза,
и на учете
каждая минута.

●

Шагай и увлекай других,
не уставай в своем дерзанье!
Не оставляй глухих,
слепых,
стань их ушами и глазами.
Шагай,
даря тепло и свет,
и пусть живет в тебе тревога.
Пройдешь один —
лишь хрупкий след.
Пройдет народ —
уже дорога.

ПУНГА

Это — тюменский север.
Пунга —
край,
не знавший дорог.
Как сумасшедшая хлещет пурга,
сбивает и валит с ног.

Кто-то бубнил:
— Они не придут.—
А мы с тобою пришли.
Кто-то гундосил:
— Они не пройдут!..—
А мы с тобою прошли.
Всего повидали —
и ливней и льдов
на этом краю земли.
И здесь,
где вовек не бывало цветов,
в наших душах
цветы расцвели!

●

Пусть не все, как надо, вершилось
и порой верховодило зло,—
так ли,
сяк ли,
а жизнь сложилась,
ничего, что не очень везло.

На судьбу не пристало коситься—
не лежал я носом в пыли!..
Пели в соснах мои синицы,
плыли в небе мои журавли.

Ленинград.

**Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»**

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Помните, у Пушкина: «Лемносский бог тебя сковал...»? Звали этого бога Гефестом. В отличие от других олимпийских богов он очень любил физический труд, особенно кузнечное ремесло. В своей мастерской, которая была не то на острове Лемнос, не то в горе Этна, строил чертоги и колесницы. Соответственно изображали Гефеста могучим кузнецом с молотом и клещами в руках, в конической шапке и хитоне ремесленника, спущенном на правом плече,— чтобы не мешал в работе...

Вероятно, поэтому кузнец и представляется в воображении этаким богатырем, вроде гоголевского Вакулы, который играючи подхватывал мешки с поклонниками прекрасной Солохи...

Появление паровых молотов не избавило человека от огромной затраты энергии и неблагоприятных условий труда — высокой загазованности, близости к раскаленному до очень высоких температур металлу.

Вот как описал много лет спустя в книге «Свершения» свой первый день в кузнице Александр Бусыгин, последователь Алексея Стаханова в автомобильной промышленности: «Когда нагревальщик подал мне раскаленную деталь, сердце во мне от страха захолонуло. Если можно, бросил бы ту деталь и бежал бы из цеха без оглядки. Самое страшное для новичка — огонь. Наконец, кузнец сменил меня, и я вздохнул так, словно пять пудов сбросил. На лице пот, и спина вся взмокла» — взмокла от страха. Позже, когда на коленчатых валах Бусыгин ставил знаменитые на весь мир рекорды — сам Генри Форд приглашал его в свой Детройт,— спина взмокала у кузнеца от величайшего напряжения мышц, неустанной работы мускулов. А ведь паровые молоты по тому времени, когда они пускались — шла первая пятилетка, считались превосходными, их делали лучшие фирмы Запада.

Прошло четверть века. К молотам встал Дмитрий Карцев, впоследствии достойный традиций преемник замечательных традиций кузнецов горьковского автомобильного, Герой Социалистического Труда. И его первые ощущения, как он рассказывал, были близки первоначальным бусыгинским. Каждый раз, когда, падая, била многотонная глыба металла, он «вздрагивал и глох, казалось, что цепь, на которой волокут раскаленный брусок из печи, оборвется. Или сам повернусь неловко, запалюсь от того бруска...» В обед подручный сбежал из кузницы... Не сразу постиг Карцев красоту и поэзию мужественного труда. Но это пришло к нему. И, будучи в цехе, наблюдая за ним, я не могла не восхититься красотой, отточенностью каждого движения его рук, ритмичной слаженностью всей бригады. Но вокруг все было сине от дыма, в носу и горле першило от копоти и сажи. Тогда печи работали на мазуте.

Минуло десятилетие. Я снова шла по цеху тяжелых паровых молотов и с радостью отмечала перемены. Весь пролет просматривался насквозь, не было дымовой завесы. Нагревательные печи получили газ и электричество. Обновилось оборудование. Возле агрегатов — различные приспособления, облегчающие труд человека. И все же в главном он остался таким же — ручным...

— На днях по первой программе телевидения показывали, как работает Карцев. Не видели? Конечно, он ас своего дела, хвала ему и слава. Героически трудится. Но работает-то он с допотопными клещами! По лицу пот катится градом. Сколько тонн металла приходится переворотить за смену своими собственными руками!

Так, как бы продолжая мои мысли, делился со мной своими впечатлениями Н. Н. Волосов, начальник технического отдела кузнечного завода КамАЗа. Он встретил меня в прозрачном вестибюле административно-бытового корпуса. Мы спустились по лестнице вниз и пока шли бесконечно длинными подземными переходами, я успела узнать кое-что из истории этого завода — самой большой и самой современной в Европе кузницы. Так охарактеризовал ее в своей книге «Легенда о КамАЗе» французский писатель Андре Ремакль. (Он автор романа «Время жить», экранизированного и широко известного советским зрителям). Воспользуюсь и некоторыми другими его впечатлениями, вызванными тем ошеломляющим эффектом, который произвели на него автоматические линии горячей штамповки металла, где «слились воедино новейшие технологические приемы, механизация и автоматизация».

«Затраты в человеко-часах на тонну продукции здесь ниже, чем где бы то ни было в пропорции один к трем,— писал он. И дальше: — Классическую картину — кузнец бьет молотом по раскаленному железу — надо сдать в архив. Кузнец превратился в оператора».

Особо важным показалось мне такое высказывание Ремакля: «На заводе нет ни одного парового молота — исключительно механические прессы». Я обратила внимание Николая Николаевича Волосова на эти строки.

— Да, так оно и есть,— кивнул он.— Но вряд ли Ремаклю известно о бурной дискуссии, которая разгорелась по этому поводу, особенно вокруг линии коленчатого вала, когда велось проектирование кузнечного завода. Гипроавтопром предложил молотовую штамповку. Значит, снова адский грохот, грязь и пыль. Наш директор Алексей Павлович Суббота и главный инженер Владимир Иванович Семендий настаивали на прессах как на более прогрессивном типе оборудования. Спор длился долго, но сегодня линия коленчатого вала на КамАЗе — вершина современного кузнечного производства. Таких линий во всем мире только три... Но вот мы и пришли...

Поднявшись наверх, мы оказались в просторном, очень высоком и очень светлом корпусе с прохладным, чистым воздухом — он здесь меняется за сутки десять раз; с широкими, свободными пролетами. Белые стены, белые перекрытия — неужели здесь кузница? Ряды колонн и широкие воздуховоды неяркого голубого цвета, не раздражающего, а успокаивающего зрение; лимонно-желтые мостовые краны, белая и оранжевая тара, разноцветные трубопроводы... Блестящие металлические плиты под ногами, надраенные словно корабельная палуба... Все это слагаемые промышленной эстетики, которые пока еще не осуществимы в старых цехах.

— Производство коленчатого вала начинается здесь,— несколько торжественно произносит Волосов.

Мы стоим в «голове» шеренги стальных агрегатов, самых разных, выстроившихся вдоль корпуса. Кстати, тоже голубых.

— Нет, фисташковых,— поправляет меня Волосов. Как инженер, он привык к точным определениям.

Между прессами не покладая рук трудились ловкие работяги-манипуляторы. Своими цепкими хоботами они легко подхватывали семипудовые заготовки, разогретые в индукционных нагревателях, своей аккуратностью напоминавших домашние холодильники, быстро разворачивались и передавали их от одного пресса к другому. Работяги не знали устали.

Я пожалела, что этой линии в рабочем состоянии не видел Андре Ремакль. Она была пущена после его отъезда, а то бы он ее непременно описал!

Люди в цехе незаметны, их тут просто мало. Сидят или прогуливаются возле пультов, унизанных кнопками, посматривают.

Я подошла к одному из них, к тому, который был в белой рубашке, и не поверила своим глазам. Перед ним на длинном и низком пульте, гордо подняв головки, красовались в прозрачной воде ромашки. Не искусственные, живые!

Алексей Клинов, с которым я познакомилась в Набережных Челнах, тоже кузнец. Внешне он ничем не отличается от других рабочих: среднего роста, в джинсовой куртке, на голове каска, из-под которой выглядывает темная челка. Вообще он симпатичный, общительный и молодой, последнее характерно для жителей этого города. Стоит возле пульта в непринужденной позе и наблюдает, как трудится техника. Вот и вся его внешне, на первый взгляд, работа. Может выполнять ее и сидя, рядом стул.

Клинов тоже строит «колесницы» — самой современной марки, «КамАЗы»: красные, голубые, оранжевые. Если говорить более конкретно, делает одну из очень важных частей — коленчатый вал. Процесс изготовления этого невообразимо прихотливой формы произведения конструкторов на протяжении многих десятилетий не поддавался автоматизации, был ахиллесовой пятой тяжелого машиностроения. Но вот на КамАЗе, впервые в нашей стране...

Однако, прежде чем приступить к описанию «мастерской» Клинова, позволю себе обратиться к ее предшественницам: все познается в сравнении.

Прародительницей всех кузниц на свете была, по-видимому, обычная сельская кузня — полутемный сарай с горном, мехами, молотом и наковальней, кувалдой и клещами, в которой священнодействовал человек. Он был тяжек, молот крестьянского умельца. Веро-

●

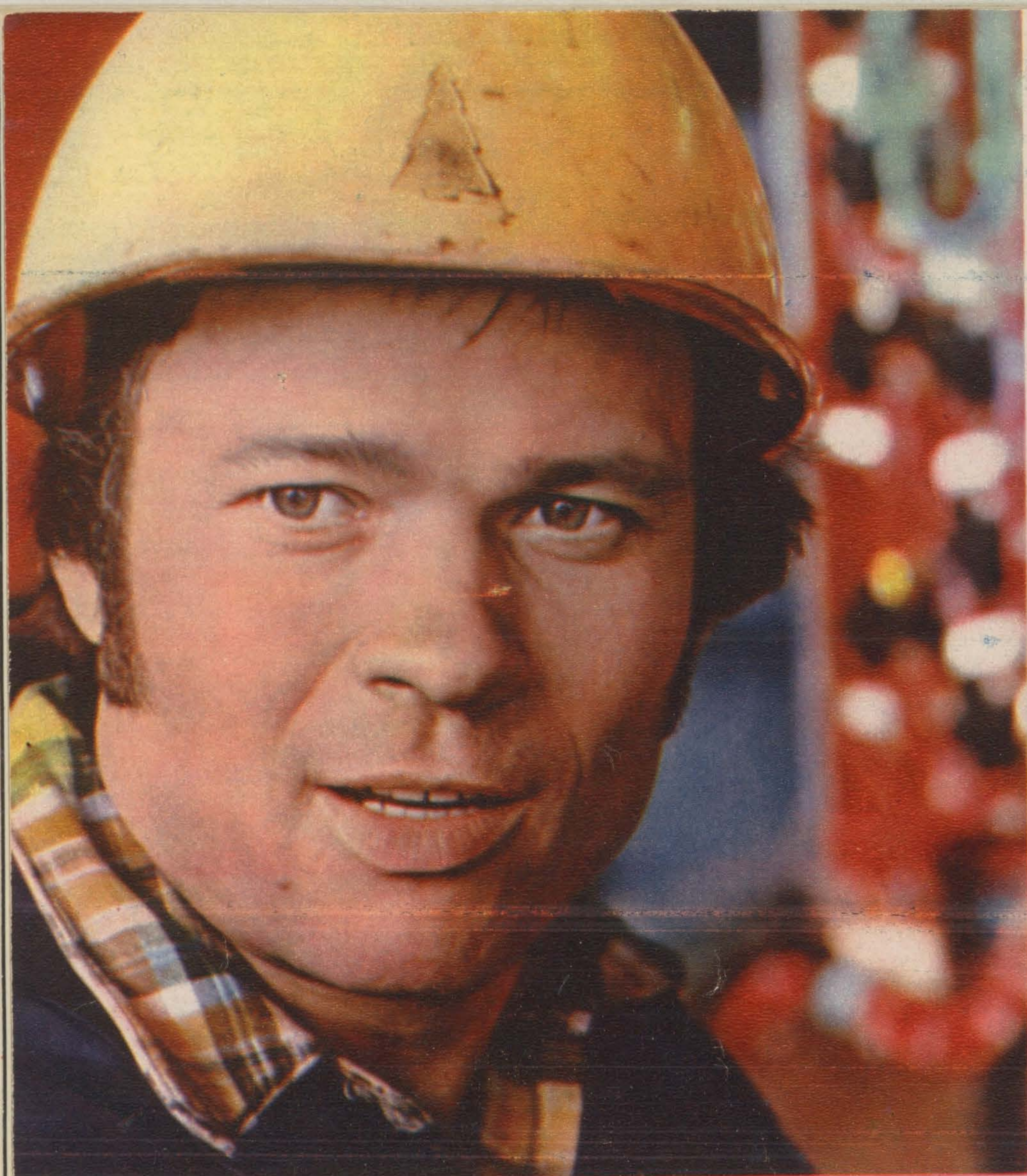
Эльмира Ибрагимова — оператор вычислительных машин.

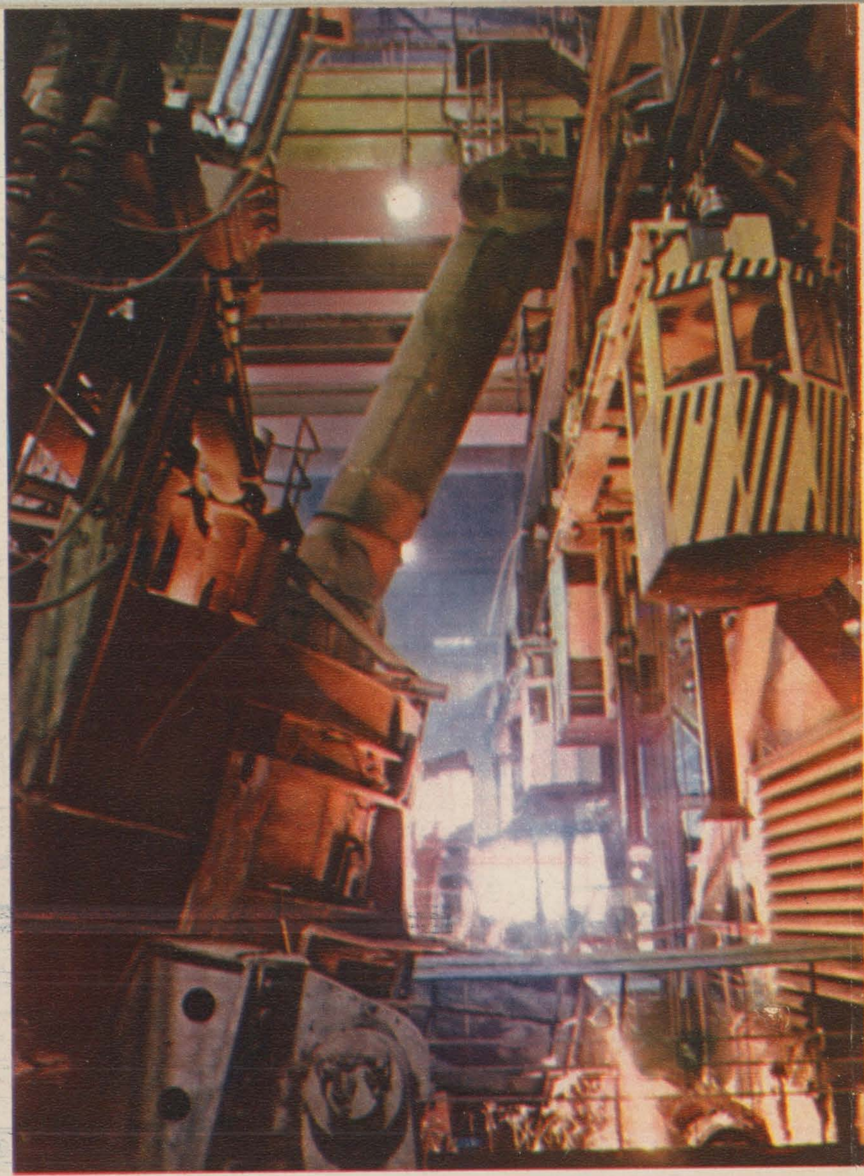
Кузнечный завод. Автоматическая линия коленчатого вала.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Нескончаем поток «КамАЗов».

КАМАЗ

Можно, конечно, описывать совершенство индустрии, торжествующей в этом корпусе. Но как много говорят эти чудесно неожиданные здесь цветы. В кузнице же — не в кабинете!

Двенадцатитысячетонносильный ковочный пресс — главный на линии. Он великаном возвышается над всеми остальными. Все операции выполняются на нем автоматически.

У пресса двое молодых людей. Пока один из них подает шлангом дополнительную смазку, я разговариваю с другим, стоящим у пульта,— с Алексеем Клиновым. С него я начала рассказ о камазовской кузнице. Впрочем, и Клинов и его напарник только по тарифному справочнику числятся кузнецами. На самом деле Клинов — оператор, но этой профессии среди кузнечных еще нет в справочнике.

— Нравится вам здесь работать?

Я знаю, что Алексей Александрович приехал на КамАЗ с «Уралмаша». Сначала строил этот корпус, потом участвовал в монтаже оборудования. На линии у пресса он с памятного 26 декабря 1976 года, когда была получена первая партия валов — 13 штук. За пуск первой очереди КамАЗа Клинов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Честно говоря, на «Уралмаше» было интереснее. Я там стоял на свободной ковке. Все зависело от моего искусства, умения, сноровки. А тут лишь нажимаешь кнопки. Там детали менялись. Здесь только коленчатый вал и балка. Это с одной стороны. С другой — такая на КамАЗе высокая культура труда, такая совершенная техника! Хочется знать, как она действует, что за этими кнопками. Больше всего люблю переналадку, чтоб делать все самому, без наладчиков.

— Какое у вас образование?

— Среднее. Среди нас вы и инженеров найдете. Ничего особенного. Сама линия обязывает. Она с высшим образованием: электроника, логические, интегральные схемы.

В одной из книг о КамАЗе приводится такая цифра: семь с половиной тысяч дипломированных инженеров и техников на рабочих местах. «Я считаю,— говорил мне как-то по этому поводу заместитель генерального директора КамАЗа Б. Т. Клепацкий,— что это великолепная школа для начинающего специалиста». Можно добавить: такая школа — примета времени. Полвека назад в кузнецы, например, шли малограмотные или безграмотные люди. Бусыгин вспоминал, как, уже будучи на заводе, ходил в ликбез. Дмитрий Гаврилович Карцев кончал школу, уже работая. А на КамАЗ приходят люди с полным средним образованием.

— Если операторами работают техники и инженеры, то какие же тогда на производстве валов наладчики?

— Инженеры и техники, но с большим опытом,— Волосов широким жестом обвел пульты,— они должны знать все.

Наладчик — тоже рабочая должность. В этом цехе один из его руководителей сам попросился в наладчики. Или возьмите бригадира-наладчика ковочного участка Баукина. Три месяца стажировался в ФРГ. Поговорите с ним, и вы убедитесь: специалист высокого класса.

Наверху на антресолях — лаборатория промышленной электроники. Там тоже наладчики, но особой категории. Обеспечивают работу «мозга» всей линии, взаимодействие и синхронность всего того, что движется, всех агрегатов, задают им программу. Там область высшей математики, сложнейших схем. Стоит хотя бы одному датчику выйти из повиновения, как где-то начнется непорядок. Оператор у пульта должен по сигналу лампочки вовремя заметить это, перевести агрегат на полуавтоматический или ручной режим, устранить самому, если она не сложная, помеху.

Да, не боги горшки обжигают... Но то, что в камазовской кузнице работают боги современной техники,— это бесспорно!

К пульту термического участка подошла и что-то стала спрашивать у операторов красивая девушка.

— В кузнице, оказывается, и женщины работают?

— Да, работают,— подтвердил Волосов.— На финише линии, на контроле. Проверка качества изделий тоже автоматизирована. Там поворотные пульты, вынесенные к рабочим местам, над рольгангами. Контролер все видит и управляет. Я бы назвал еще одну особенность этого цеха — он молодежный. Могу представить вам мастера Кошкина,— показал он на человека, шедшего навстречу.— Направлен Уральским политехническим институтом. Двадцать четыре года ему.

— А вам-то самому сколько?— повернулась я к Волосову.

«Пиджак в клеточку. Очки. Волосы темно-русые». Так описал мне свою внешность он по телефону, прежде чем нам встретиться в вестибюле. До того мы были не знакомы. Я бы еще добавила: «молодой».

— Мне уже много. Тридцать один!

— О да! Действительно, безумно много,— улыбнулась я.— Особенно для начальника техотдела такого завода, каким является камазовский кузнечный,— пять огромных корпусов.

Мы поднялись в небольшой кабинет с непрерывно трезвонящими телефонами. Волосов попросил, чтобы его ни с кем не соединяли, «а то не поговорим».

Многое он успел за свои тридцать с небольшим лет. Поработать после вуза на заводе сельскохозяйственных машин, специализируясь на проектировании штампов и технологии штамповки для кузнечно-прессового оборудования; в двадцать четыре года поехать на КамАЗ и с головой окунуться в проектирование технологии и приемку оборудования для кузницы; целый год представлять и отстаивать интересы завода в ФРГ; вести переговоры с фирмами-поставщиками и доказать одной из них, что сделано явно не то и необходимо переделать... Потом начался монтаж, потом пуско-наладка... Неожиданностей и сложностей было предостаточно, особенно на термическом участке. О том, как они преодолевались, работниками техотдела написана целая книга — пособие для тех, кто уже работает и кто придет сюда позже. Для специального журнала подготовлена статья.

— Тут не только статью, диссертации писать можно,— заметила я.

— Разумеется. Я убежден, что на производстве для этого возможностей куда больше, чем в НИИ или на кафедре вуза. Человек берется за тему уже созревшим. Ни под каким бы видом не перешел бы сейчас в институт, хотя когда-то, еще в студенческую пору, думал об аспирантуре.

— Скажите, пожалуйста, вот эта знаменитая линия коленчатого вала... Какие еще у нее достоинства?

— Высокая производительность — в среднем пятьдесят валов в час. Автоматизация всех процессов вплоть до складирования. Готовые изделия по полкам раскладывают манипуляторы. На линии достигается самый высокий в отрасли коэффициент использования металла. Брак сведен до минимума, а если случается, то из-за дефектов в металле, поставляемом металлургическими заводами. Обслуживают линию всего 22 человека. Две такие линии, работающие в цехе, заменяют три молотовых и высвобождают десятки рабочих. Кадры — вопрос вопросов. В следующей пятилетке он будет стоять еще острее, чем сейчас. Не случайно по нашему примеру такой линией мечтают обзавестись другие заводы. К нам началось паломничество — едут из всех городов. Смотрят, изучают.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Все же кто-то к Волосову прорвался.

— Да, да, разработан. Готово. Принесу.

Положив трубку, Николай Николаевич вдруг озорно, по-мальчишески рассмеялся:

— Знаете, о чем шла речь? Директор завода напомнил мне о технологии уборки мусора. Все должно быть расписано: где въезжать на машине, по какому маршруту следовать, где брать мусор, как он будет собираться, вплоть до полной его утилизации. И чтобы машины нигде не стояли и не ждали, все было полностью механизировано. Руководство придает очень большое значение поддержанию строжайшего порядка и чистоты. Культура производства тут необходима.

В связи с этим звонком мне вспомнился такой эпизод. Однажды линия коленчатого вала остановилась. Отказала какая-то схема, и цикл нарушился. Электрики, наладчики, шеф-монтажеры сбились с ног, не могли найти причину. Что же обнаружилось после продолжительного поиска? Между контактами реле застрял крохотный кусочек изоляции.

...Эта случайная соринка, ромашки на пульте, рабочие места операторов, похожие на самолетные, блеск на плитах пола, технология уборки и урны, незаметно встроенные в голубые колонны... Все это звенья одной цепи. Так и должно быть! И это уже не легенды о КамАЗе, а были.

●

Алексей Клинов — оператор ковочного пресса на линии коленчатого вала.

Литейный завод.

Салон № 7 на проспекте имени 50-летия Октября.

СКАЗАНИЕ О КАЗАЧЬЕМ ГОРОДЕ

Действие романа известного прозаика Геннадия Семенихина охватывает небольшой временной отрезок — с 1805 по 1813 год.

Еще живы славные казаки, знавшие донскую вольницу, разливавшуюся своими полками в сторону Туретчины и в польскую сторону, наводившую страх на персидскую землю. Все еще передаются по всей крепостной России достоверные слухи о благодатном крае, и придавленные непосильным гнетом, изнывающие крестьяне мечтают о побеге в эту Аркадию, «ибо с Дона выдачи нет».

Завязкой романа и является побег молодого крепостного Андрея Якушева со своей нареченной Любашей. Становление и возмужание характера этого парня вплоть до трагической гибели — главный нерв «Новочеркасска». Строительство нового города, переезд казачьей столицы в Новочеркасск — основной фон произведения; психологически точные картины нравов времен императора Александра I чередуются с легендами времен Петра I. Правдивость описания, естественность поступков героев, своеобразие языка — отличительные черты прозы Геннадия Семенихина. Это — первое историческое произведение писателя. Но обращение к исторической теме органично для него, ибо в плотную ткань романа вплетаются автобиографические мотивы. Такое необычное сочетание определяет своеобразную композицию романа. Вставные лирические новеллы о сегодняшнем Новочеркасске, об утренней Москве, о детстве своем — эти новеллы помогают лучше понять замысел произведения. Так, лирическое отступление о старом, выцветшем рисунке, на котором изображен лихой казак, проливает свет на историю создания романа, ибо этот казак — предок автора «Новочеркасска».

...Андрею Якушеву в отличие от многих беглецов все-таки повезло. Он добрался до Дона. Добрые люди, встретившиеся на его пути, молодость и упорство, ряд счастливых случайностей помогли ему приобрести в казачьей среде права гражданства. Сам атаман Платов, умный правитель, доблестный воин, благоволил к нему.

И когда, казалось, все трудности позади, когда жизнь определилась, когда Андрей был счастлив, судьба нанесла ему долго откладываемый удар: приехали жандармы, чтобы арестовать беглеца за невольное убийство помещика. «Страшная история, парень! — говорит атаман Платов, выслушав рассказ Якушева.— ...Страшна эта история твоею участью, Андрей, и страданиями твоими, как прошлыми, так и будущими! Ведь если разобраться, барин твой Веретенников подлец подлецом, и ты был прав, когда за честь любимой вступился. Но закон есть закон...» Социальная несправедливость все-таки настигла героя романа и погубила. В таком исходе была своя трагедийная закономерность. И основная мысль романа, к которой ненавязчиво приводит читателя автор, состоит в том, что правду надо искать не в благодатных землях, а в своем родном краю. Быть строителем своей правды. И быть борцом за нее.

Анатолий ПАРПАРА

Геннадий Семенихин. Новочеркасск. М., Воениздат, 1978, 328 стр.

ВЫ ПРИЕХАЛИ УЗНАТЬ, КА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Недавно во Франции закончился международный коллоквиум на тему «Ребенок в современном мире», организованный обществами дружбы «Франция — СССР» и «СССР — Франция». Его целью были обмен опытом, стремление в Международный год ребенка привлечь внимание к положению детей во всем мире, еще пристальнее вглядеться в проблемы, связанные со здоровьем и воспитанием подрастающего поколения.

Доктор Андре Вадьер встречает нас в маленьком чисто вымытом весенним дождем асфальтированном школьном дворике. Вот уже двадцать лет, как он директор этой старейшей в Амьене начальной школы. Ее создали еще в 1905 году, очень важном для истории педагогики во Франции: в тот год преподавание в школах закона божьего отменялось.

В школьном дворике тишина — все на уроке. Во Франции ребята занимаются в два приема: три-четыре часа утром и после большого перерыва на обед еще три — почти до семи часов вечера. Утро отдано, как говорят тут, «строгим наукам»: математике, физике, литературе. После обеда — рисование, лепка, география, история, физкультура, пение. Андре Вадьер называет эти предметы «пробуждающими». Уроков на дом в школах Франции не задается. Один день в середине недели — среда — свободный.

...В старинный Амьен наша делегация приехала накануне поздно вечером. Позади остались прилет на аэродром Шарля де Голля, взволнованная речь Моник Парис — заместителя генерального секретаря Общества «Франция — СССР», мужественной женщины, которую хорошо знают в нашей стране. В Париже советская делегация, прибывшая на коллоквиум «Ребенок в современном мире», разделилась. Одни во главе с Л. А. Землянниковой — секретарем ВЦСПС, вице-президентом Общества «СССР — Франция» и руководителем группы, начальником управления по производству детских игрушек К. П. Аверьяновой отправились самолетом в Лион; другие (их возглавили вице-президент Академии педагогических наук СССР А. Г. Хрипкова и кандидат педагогических наук И. А. Сапова) улетели на юг Франции, в Бордо. Мы же поехали автобусом на север, в департамент Нор, по той самой свободолюбивой земле, где некогда сражался славный гёз Тиль Уленшпигель. Бессмертное произведение Шарля де Костера я вижу здесь, в книжном шкафу небольшой уютной учительской амьенской школы, служащей одновременно и библиотекой.

Нашу северную группу возглавляют вице-президент Общества «СССР — Франция» председатель женской комиссии Г. С. Васильева и заместитель председателя исполкома Краснопресненского района Москвы И. И. Шувалов.

Коллоквиум еще не начался, а мы и учителя уже засыпали друг друга вопросами. Нравится ли нам французская система, когда занятия растянуты в течение дня? Да, нашим специалистам она представляется интересной. У нас в стране есть школы продленного дня, в которых занятия идут по похожему ритму, но по этой системе, кроме уроков, предусматривается и активный отдых, занятия спортом, экскурсии в музеи и кино. А вот продолжительность урока не в сорок пять, а в пятьдесят пять минут у советских педагогов и медиков вызывает возражение. Ведь многочисленными исследованиями установлено, что собранное внимание ученика на уроке всего лишь пятнадцать минут. Даже в старших классах не удается удержать его больше двадцати минут. Сейчас в нескольких школах Советского Союза идет эксперимент по снижению продолжительности уроков в младших классах до тридцати пяти минут.

Нас удивляет, что занятия по физкультуре ведут в начальной школе те же педагоги, что преподают и остальные предметы; что в спортзале ребята бегают в тех же платьицах и костюмах, в которых сидят на уроках; что в школе нет врача — за здоровье детей всецело отвечают родители.

Работа учителя приравнена во Франции к «горячей» профессии: преподаватели уходят на пенсию на десять лет раньше остальных, с пятидесяти пяти. Вот и директору Андре Вадьеру скоро на пенсию.

Пока мы беседуем в учительской, он забежал домой (живет совсем рядом) и принес показать нам маленькую потертую фотографию, с которой смотрит молодой русский паренек. На обратной стороне надпись: «Моему лучшему другу Андрею».

— Это мне,— поясняет Андре Вадьер.— Мы подружились в сорок третьем. Русский был тяжело ранен, попал в плен, потом бежал из концлагеря. Мы помогали ему скрываться от фашистов. Помню, его звали Константином.

Директор минуту молчит, а потом говорит медленно, будто вдумываясь в каждое слово:

— Мы учим людей XXI века. Какими они будут? Точного ответа я не знаю, но уверен, что человек будущего вырастает на фундаменте, заложенном уже сегодня. Конечно, люди будущего должны стать лучше нас, но пусть они сумеют дружить и помогать друг другу так, как это умели делать мы. И еще мне хочется, чтобы наши ученики выросли, имея гибкий разум, чтобы могли овладеть несколькими профессиями и менять их в зависимости от спроса. Это поможет им всегда иметь работу...

Волнение учителя понятно. Во Франции сейчас один миллион восемьсот тысяч безработных. Когда мы прилетели в Париж, там состоялась грандиозная демонстрация. Представители трудящихся со всей Франции приехали в столицу, чтобы поддержать металлургов севера, оставшихся без работы в результате закрытия ряда предприятий. Здесь, в Амьене, в знак солидарности с демонстрантами Парижа гас свет. В тот день нашей делегации не удалось посетить детские ясли — бастовали воспитатели.

* * *

После беседы расходимся по классам. Урок математики ведет молодой, спортивного вида бородатый мужчина с веселыми и очень добрыми глазами Кристиан Пешен. Профессия учителя у Пешенов семейная: жена Кристиана преподает в материнской школе, где готовятся специалисты для яслей и детских садов. Ну, а кем будет их дочка, пока не ясно, «она еще не научилась говорить, чтобы сказать об этом родителям». Шутник этот Кристиан! Понимаешь, почему его так любят ребята.

Во всех классах стоят аквариумы, клетки с животными, птицами. Живого уголка, специальных биологических и зоологических кабинетов нет. Вот педагоги своей личной инициативой, увлеченностью и стараются восполнить это.

Что греха таить, приход наш нарушил рабочую атмосферу в классе. Ребята просят показать на карте города, откуда мы приехали. Нас в группе тринадцать, и приехали мы из самых разных мест Советского Союза: Украины и Белоруссии, Грузии и Таджикистана, Узбекистана, Эстонии, Казахстана, словом, с севера и юга, с запада и востока нашей страны.

— Какая у вас работа? — строго спрашивает малышка с русыми длинными волосами.

— Я лечу детей,— отвечает москвичка Зоя Васильевна Козлова.

— Я их учу,— говорит заслуженный учитель школы РСФСР, директор школы Валентина Дмитриевна Головина.

— А я дою коров, чтобы у детей всегда было молоко и масло,— смеется Анна Андреевна Репа, доярка колхоза Октябрьский, депутат Верховного Совета Украины.

— Вы приехали узнать, как я учусь? — удивляется черноглазый кудрявый мальчик.

— Да, ты прав,— серьезно отвечает Лидия Кузьминична Муртазина, ни на йоту не покривив душой. Она, член ЦК Коммунистической партии Эстонии, депутат Верховного Совета своей республики, председатель Постоянной комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства Эстонии, как и вся наша делегация, приехала во Францию именно за этим: узнать, как живут и учатся здесь дети, и рассказать, как это происходит у нас, в Союзе Советских Социалистических Республик.

* * *

Мраморное здание Дома просвещения. У входа развеваются государственные флаги Франции и Советского Союза. Здесь, в Лилле, проходит советско-французский коллоквиум «Ребенок в современном мире».

Несмотря на дождь, который идет с самого утра, большой зал полон. Работают три комиссии. От нашей делегации доклад на тему «Здоровье ребенка и спорт» делает заместитель министра здравоохранения Узбекистана Ирина Алексеевна Савельева. По стечению обстоятельств, родилась она в городе-побратиме Лилля — Харькове. Незадолго до войны отца послали работать в Среднюю Азию. Так и оказалась годовалая Ира в Узбекистане, ставшем ей родным...

С интересом слушают французы о бесплатной медицинской помощи в нашей стране; о том, что ребенка с первой минуты до четырнадцати лет ведет постоянный педиатр; о нашей системе закаливаний детей с самого раннего возраста; о том, что в программе телевидения Ташкента, откуда приехала докладчица, есть специальная программа для мам, как заниматься гимнастикой с малышами от двух месяцев; о бассейнах, где под руководством опытных специалистов плавают грудные дети. Такой эксперимент тоже проходит во Франции уже пятый год, только он очень дорог,— сто франков за сеанс. Его полностью оплачивают родители.

Потом в Париже, где подводились итоги коллоквиума, я узнала, что такой же заинтересованный разговор был в Бордо, Лионе, в других городах Франции.

Невольно вспоминаются слова профессора Жана Вандрота: «Чтобы была польза от встречи, мы должны вести разговор откровенно, а это нелегко при разных общественных системах». Его пожелание сбылось: разговор везде шел откровенный.

Старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК Коммунистической партии Белоруссии Алина Вячеславовна Семенова рассказывает о работе самых разных кружков при домах пионеров. Кто-кто, а она знает цену радостному детству. По ее судьбе, так же как по жизни большинства членов нашей делегации, безжалостно прошла война. Отца и мать четырехлетней Алины полицаи бросили в тюрьму. Родителям удалось бежать к партизанам, даже тринадцатилетний брат

К Я УЧУСЬ?

взял в руки оружие и ушел сражаться в леса Белоруссии. Такое нельзя забыть. Осуществление проблем, связанных с правами детей, возможно только в условиях мира на земле...

Слово берет Ирина Дмитриевна Кутателадзе, искусствовед, сотрудник Музея детского искусства в Грузии. В Тбилиси одно из лучших зданий города отдано постоянной детской картинной галерее, работают кружки свободного рисования, лепки, художественного вышивания, в которых занимаются малыши с трехлетнего возраста. Для старшеклассников читаются лекции по изобразительному искусству. На встречи со школьниками приходят ведущие художники республики. Музей часто организует конкурсы, в которых может принять участие каждый ребенок. Недавно, например, были конкурсы на темы «Природа и памятники Грузии», «День Победы». Очень любопытно, как изобразили этот день те, кто родился почти через тридцать лет после девятого мая 1945 года...

Рисованию и лепке большое внимание уделяется и во Франции. Основная цель — научить детей наиболее полно и свободно выражать в рисунке себя самого, раскрывать свои способности. То, что свободное рисование может преследовать и познавательные цели, служить воспитанию гражданственности, было новым для французских преподавателей и вызвало у них живейшую заинтересованность.

В Париже, на заключительном заседании коллоквиума, известный советский ученый, академик Академии педагогических наук Антонина Георгиевна Хрипкова отметит, что «в ходе дискуссии обсуждались вопросы не только обучения ребят, но и воспитания в них гражданских чувств. И хотя, как утверждали наши французские коллеги, школа в их стране не ставит вопроса политического воспитания, но уже в начале беседы стало ясно, что школа не может стоять вне политики».

...За беседой не замечаем, как наступает вечер. Продолжение коллоквиума завтра, а сейчас можно побродить по улицам города, где родился Шарль де Голль, пойти в гости к французским коллегам.

Мусиратхон Шоева, акушер-гинеколог из Таджикистана, депутат Верховного Совета республики, и я приглашены на ужин к двум молодым супружеским парам — Лангле и Рот. Анри Рот — директор гимназии, его друг Клод Лангле — преподаватель-дефектолог.

Живут супруги Лангле в небольшом городе-спутнике Лилля с прелестным гриновским именем Лис. Точнее, он называется Лис-Ле-Ланнуа. Пока Урсула, жена Клода, накрывает на стол, а их сын, маленький Пьер, надев залихватски таджикскую тюбетейку и с удовольствием доедая московский шоколад, показывает Мусиратхон свои книги и игрушки, я и Клод стараемся вспомнить, откуда мы знаем друг друга. Оказывается, он и я работали вместе в пресс-центре на Берлинском фестивале молодежи и студентов. Клод был там как переводчик, я как корреспондент «Огонька». Воистину мир тесен! Урсула тоже подтверждает это. Ведь Клод и она встретились и полюбили друг друга в ГДР, на ее родине; Клод привез французских ребятишек к ним в пионерлагерь.

...И снова работа на коллоквиуме. На этот раз иду в комиссию «Ребенок и школа». С французской стороны ее председатель — учитель из Амьена Анри Калле. Он один из тех замечательных педагогов с горячим сердцем и седой головой, которые знают все и которых все любят, особенно их ученики. У него три дочери: двое — преподаватели, третья — медсестра.

Во Французскую компартию он вступил в подполье, в 1942 году. Чтобы снабжать документами патриотов, скрывающихся от фашистов, бежавших из концлагерей, поступил работать в мэрию. Доставал документы, прятал у своих друзей на фермах оружие. Сейчас он пенсионер, но активно работает в Обществе дружбы между нашими странами.

Открытием для французских педагогов на коллоквиуме было то, что во всех республиках нашей страны есть школы для одаренных детей: математиков, физиков, химиков, биологов, специальные языковые школы.

— У нас бы в таких школах учились только дети буржуа,— резко говорит совсем молодой учитель математики.— Ведь масса детей из низшего сословия даже не может поступить в коллеж, так как недостаточно к нему подготовлена. Школа не может компенсировать это препятствие — надо менять общество.

— Безусловно, социальные причины важны,— возражают ему,— но учитель не должен опускать руки. Ведь на ребенка оказывает влияние не только социальная, но и социально-культурная среда.

Пожилая учительница спрашивает, принимают ли родители в Советском Союзе участие в выработке школьной программы, учитывают ли преподаватели их мнения. Председатель комиссии с советской стороны, ученый из Казахстана Казна Аймагамбетова, кандидат педагогических наук, подробно рассказывает об эксперименте, который проводится в Казахстане, об анкетировании родителей и составлении рекомендаций учебных программ с учетом их мнений.

Особо обсуждался вопрос о детских садах и яслях. Детский сад во Франции имеет глубокую историю, Французская буржуазная революция признала его частью воспитательной системы еще в XVIII веке. Однако строить сады и ясли государство не обязано, оно отпускает лишь двадцать процентов средств на их устройство. Остальное — добрая воля муниципалитета. Так же, как и строительство школ и других детских учреждений.

Детские сады и ясли работают, как и школа, с большим перерывом в середине дня до семи вечера. Выходные дни — среда и воскресенье. Закрыты сады и ясли и во время школьных каникул. Правда, в последнее время в больших промышленных городах муниципалитеты строят дошкольные учреждения, работающие без перерывов. Но, как говорили французские учителя, их явно недостаточно. На заключительном заседании коллоквиума, отвечая на вопросы журналистов, секретарь ВЦСПС Л. А. Землянникова откровенно скажет, что в лучших детских садах Франции нам очень понравилось архитектурное решение зданий, расположение комнат для занятий спортом, рисованием и играми. Здесь меньше, чем у нас, игрушек, зато больше игр, приспособлений для рисования и лепки. Мы обратили внимание на чистоту, но удивились, что спят дети одетыми и что в детском саду нет врача. И часто ребята занимаются в пальто. «Об этом ведь позволительно сказать в кругу друзей»,— прибавила она.

Волновало участников коллоквиума и то, что профессия учителя стала в основном женской. Хорошо это или плохо? Конечно, женщина, мать — естественный воспитатель. Она обладает тактом, тонкостью, интуицией, добротой. Она чувствует нюансы поведения ребенка. Однако не менее нужна подрастающему поколению и твердая рука мужчины. Бывает, что мальчику необходим именно тот «мужской» разговор, который никогда не удастся женщине. Особенно это важно сейчас, когда во всем мире есть много семей без отцов, когда появился термин «трудные дети».

Академик АПН А. Г. Хрипкова рассказала, что сейчас в СССР на государственном уровне решается этот вопрос. Вероятно, будет принят ряд мер, стимулирующих поступление в высшие педагогические учебные заведения именно мальчиков. Во Франции мы с удовлетворением увидели в детских садах и школах много молодых учителей-мужчин. Это отрадно. В Международный год ребенка все люди земли должны объединиться, чтобы создать детям наилучшие условия жизни.

* * *

Мы покидаем гостеприимную землю Франции, и в наших душах еще долго будут звучать проникновенные слова коммуниста Раймона Маркье, члена Президентского совета Общества «Франция — СССР». «Когда вы уедете в свою далекую страну, я буду знать — вы работаете, чтобы укрепить нашу дружбу, укрепить мир, вы работаете, чтобы сделать детей счастливыми. И я хочу, чтобы вы тоже помнили о нас, знали, что во Франции есть люди, делающие то же. Ваша сила — это наша сила.

Правительства СССР и Франции борются за взаимопонимание между нашими странами. Но желание правительств не имело бы такой силы без воли народов».

Париж — Москва.

ЛЮДЯМ НУЖНЫ ЛЮДИ

Хорошие, умные и добрые слова: «Людям нужны люди»,— вроде бы просто реплика в беседе, которую ведут герои «Театральной повести» — произведения, на мой взгляд, программного, во многом определяющего звучание и весь настрой новой книги Юрия Грачевского «На видном месте».

Повесть эту хочется назвать романом,— так крупно, проблемно, при всей (кажущейся) камерности сюжета, развиваются характеры, выявляется психологическая, идейная, художественная суть замысла. Разумеется, все мои симпатии,— думаю, и читателей тоже,— отданы прежде всего героине «Театральной повести» Александре Кирилловне Корноуховой, актрисе увлеченной, человеку прямой и отзывчивой души. Она не умеет жить не то что ради выгоды, но даже ради тех сценических интересов своих, серьезных и обоснованных, которые так легко было бы назвать творческими, а значит, закономерно довлеющими над судьбой Александры Кирилловны. Но нет: она умеет забывать о себе, помня о других. Да и все ее поступки с точки зрения «здравого» (а точнее сказать — обывательского) смысла, пожалуй, не только не логичны, но вообще не выдерживают критики, поскольку героиня явно лишена способности «устраиваться»! Из театра она увольняется по соображениям сугубо принципиального характера, и к тому же в тот самый момент, когда к ней приходит, наконец, несомненная и долгожданная сценическая удача. Заводской кружок самодеятельности, которым начинает руководить Корноухова, тоже поначалу переживает всяческие трудности... Короче говоря, жизнь актрисы на всем протяжении нашего с ней знакомства складывается непросто. Однако в каждой новой ситуации мы встречаемся с Корноуховой как человеком неоднозначным, волевым и мужественным, не теряющим ни выдержки, ни чувства юмора. А ведь временами ей приходится и совсем уж нелегко: автор ничего не скрывает от нас,— мы видим те реальные, жизненные трудности, которых и сегодня еще хватает во многих периферийных театральных коллективах, как раз таких, какой и живописует Ю. Грачевский.

Думаю, это и есть главная задача «Театральной повести». Все в ней привлекает непридуманной правдой, знанием обстановки и тех отношений, которые, увы, частенько оборачиваются вот именно такими сложными конфликтами, проверяющими людей на способность к сопротивлению.

В общем-то, людям нужны не просто люди, похожие на Корноухову: прямые, честные, талантливые, работящие... С такими людьми мы встретимся и в других произведениях, вошедших в рецензируемый сборник. В не менее напряженных ситуациях складываются, например, отношения героев повести «Бухта Стамух» — она, мне думается, по жанру близка скорее к приключенческой новелле. А ведь и здесь автор отчетливо подчеркивает в облике героев волнующий его поиск истины, поиск нравственных идеалов. И снова люди разные, несхожие, сталкиваясь между собой, позволяют видеть и свою духовную близость, и то, что их объединяет, делает их нужными и нам и читателям.

«Ушкан» — это уж совсем не повесть, а короткий, очень емкий по содержанию рассказ. Вовсе будто безыскусная, но вместе с тем ювелирно выписанная, эта вещь берет читателя за сердце, заставляя вспоминать шедевры русской прозы, посвященные «братьям нашим меньшим»...

Людям нужны люди — это правда. Но всем людям на свете нужно и еще многое другое, чтобы они были счастливы: вот о чем, наверное, размышляет читатель, знакомясь с новой книгой Ю. Грачевского.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Ю. Грачевский «На видном месте». М. «Современник», 1978, 320 стр.

Борис ГУСЕВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ЗЕРКАЛО

Павел Яковлевич знал, что за свое позднее возвращение домой надо расплачиваться. В субботу, хорошо выспавшись, он приводил в порядок в ванной комнате свое слегка опухшее лицо и обдумывал, какой должна быть расплата. Нежность и доверительный тон с женой? Она не примет, да и у него выйдет фальшиво. Подарок? Надо искать что, бегать по магазинам, не говоря уж о непредвиденном расходе. Гм?.. Расплата всегда и во всем...

Этой ночью он, удачно схватив такси, ехал домой по пустынным улицам города и думал: вот и у него есть красивая любовница. И умна — ни сцен, ни требований. Корректно, приятно, все поняла. Приятно и легко проходил хмель после выдержанного коньяка. И он, Паша, чувствовал, что приобщился к утонченной жизни. Такое же чувство испытывал он, когда ехал в купе международного вагона за казенный счет в экзотическую страну с конвертируемой валютой. Разумеется, тут все другое: дело, командировка, ответственность, и все-таки было нечто общее в смысле приобщения. Когда накануне отъезда его встретил в институтском коридоре коллега Санька Серов и усмехнулся: «Ну, и отхватил ты, брат, командировочку — синекура!» — он, Паша, разведя руками, стал рассуждать, что не очень-то рад поездке, трудно переносит жару, но врал не слишком, чтоб и в самом деле не убедить собеседника. Мнение о нем, что он умеет «отхватывать», было ему приятно. А что? Лучше, если будут говорить, что он разиня и шляпа?

Однако надо что-то придумать. Сейчас за завтраком начнется это тягостное молчание. Сын в школе, он вдвоем с женой с глазу на глаз. Он вздохнул. Это тоже сторона жизни. Его слабость. Перед женой ему бывало и неловко и стыдно. И что-то забытое, именуемое совестью, всплывало откуда-то издалека. Но он подавлял в себе это чувство. Стыдно? Пережиток. Нужно быть на уровне современных понятий, все остальное слюнтяйство, христианство какое-то. Жизнь — это тот же хоккей, в котором допустимы силовые приемы. Подставлять ножку нельзя, то есть можно, но так, чтобы судья не видел. И в их конторе имелись великие спецы по подножкам — это было их хобби. Тот же Саня или Плешкин; у этого на морде написано: подставил кому-то и доволен, хмыкает даже. Вот и мотай на ус: ты не подставишь — тебе подставят. Так случилось с квартирой.

У них была хорошая трехкомнатная квартира в зеленом районе. Далековато от института, но, в общем, терпимо на фоне того, что люди по часу и полтора тратят на дорогу в один конец. Он даже заявление на улучшение не подавал. «Паша, ты что упускаешь возможность?.. Все наши киты из ученого совета едут на Кропачевку. Встроенные шкафы, холлы, цветной кафель, синие унитазы»,— это говорил не кто-нибудь, а Фляров, член жилкомиссии. Уговорил. Даже подсказал, как лучше сформулировать заявление. А на месткоме — бенц!— отказали. И тот же Фляров смолчал, не лег на рельсы. Да и черт с ним, можно и без цветного кафеля жить, но отступать было поздно. Пошли б разговоры: «Коридова зарубили... Ха-ха, как интересно!» А тот же Плешкин сказал бы: «В нашей конторе не суметь выбить квартиру — это надо полным адиком быть». И престиж был бы подорван.

Пришлось ходить, пробивать, запасаться медицинскими справками, нажимать на все кнопки. Переиграли всего лишь одним голосом. Потом переезд. Расходы. У Юры новая школа, а парень в девятом классе, совсем не вовремя. А главное, все впустую: на их этаже кафель был уже не цветной и двери без пленок. Говорят, забрали на соседний дом, словом, шахер-махер какой-то. И что он выиграл? Метраж тот же, только что холл... А этажом выше живет зам по науке — глаз... А потом удивляемся, почему инфаркты...

Но школа — это идея. Жена давно просила зайти. Вот и кстати. Этим визитом он искупит вчерашнее и заодно сделает полезное дело.

* * *

Он вошел в учительскую — представился. Классный руководитель Мария Степановна поздоровалась с ним, но тотчас исчезла искать какого-то Сергея Владимировича. При чем тут Сергей Владимирович? Первый раз в школу пришел отец ученика! Радоваться надо, использовать каждую минуту времени. Вернулась. Только начали разговор, как учительница извинилась и бросилась к входящему с журналом в руках учителю.

— Сергей Владимирович, второй день ищу вас!

Она отошла с ним в сторону и о чем-то быстро заговорила. До Павла Яковлевича долетали лишь обрывки фраз: «Прошу вас... Он старательный... Твердый четверочник... Просто у него была травма...»

«Со своим коллегой учителем можно было

бы поговорить в любой день. Это уже отношение»,— размышлял отец. Разговор учителей затянулся до конца перерыва. Лишь когда прозвенел звонок, Мария Степановна подошла к Коридову.

— Так... Ну, вот и все,— сказала она и улыбнулась своей извиняющейся улыбкой.— Приходится воевать за своих, последнее полугодие, оценки, девятый класс. А теперь еще этот средний балл.

— Да,— согласился он, но, однако, не поддержал разговора, чтобы не отвлекаться.

— ...Ну что ж, я уже семь месяцев наблюдаю... Юрий — способный юноша и воспитанный. Ни грубостей, ни резких выходок...

«Я это все знаю»,— подумал отец.

— ...Есть, есть черточки, которые меня настораживают. Контакт с классом он нашел как будто, для него это новый коллектив, что-то сложившееся.

Павел Яковлевич терпеливо ждал.

— Но мне кажется, ваш Юра мнителен. Эта черта явственно проступает. Он внушил себе, что к нему подходят предвзято. Вот тот же Сергей Владимирович... Да, он требователен, пятерку у него получить почти невозможно.

— Не знаю. В прежней школе у Юры по физике всегда было пять. Да и дома... Я иногда лично контролирую.

— Очевидно, разные требования,— сказала Мария Степановна. И тут же подумала, что ей трудно говорить с Юриным папой. Он напоминал сына, но Коридов-старший был опасен, и ему нельзя было сказать: «Коридов, не говорите чепухи. Садитесь на свое место».

— Требования, Мария Степановна, должны быть едиными во всех школах...

— Ну, в принципе...

— А мы только так и будем говорить! Следовательно, этот ваш Сергей Владимирович пристрастен к Юрию.

— А он ко всем пристрастен. И особенно к тем, кто может работать.

— Но пристрастность — плохой советчик,— парировал отец.

Наступила пауза в разговоре. Пожилая, высокая Мария Степановна, озабоченно сощурив глаза, искала новый путь к сердцу родителя. Он же, теперь нащупав слабые места противника, знал, куда можно бить.

— У Юрия есть хорошие качества...— начала Мария Степановна.

«Странная постановка вопроса. Ну, мы посмотрим»,— отметил папа.

— ...Например, настойчивость. Уклон у него явно негуманитарный. Я ему два раза поставила тройку за сочинение, и он, видимо, задался целью доказать, что он может. И добился: написал действительно хорошее сочинение по Чехову. Я даже хотела прочитать его в классе — я обычно читаю лучшие сочинения.

— Ну, и почему же вы в данном разе допустили исключение и не прочли?

— Отвечу. Перед уроком Юра подошел ко мне и спросил о своем сочинении. Я похвалила. И тогда он спросил: «А вы прочитаете его в классе?» И поскольку я уже неоднократно замечала такое за ним желание подчеркнуть себя, выдвинуться, то я и решила не читать.

Павел Яковлевич нахмурился — в нем нарастал протест. Все это мелочь, не о том речь! В школе есть случаи драк, хулиганства, даже воровства, а тут глупые придирки. Ну, спросил — и что? Правильно, что напомнил,— в наше время иначе нельзя! И он двинулся в наступление.

— Видите ли, этот «проступок» можно квалифицировать по-разному, но вообще должен вам сказать, что желание выдвинуться, стать в центре внимания — это закономерно, особенно для юности. Если хотите, это — самоутверждение.

— Я бы не сказала, что это закономерно именно для юности. Скорее, пылкость, азарт...

Наконец-то Мария Степановна нашла слабое место в позиции своего оппонента. Сейчас она его положит на лопатки:

— Вот, например, скромность, это качество, которое...

— Но есть и ложная скромность — ханжество. Вы считаете, что мы должны культивировать аскетизм? Не знаю, не думаю...

«Да, с ним надо говорить иначе — не отвлеченно, а фактами»,— подумала она и спросила, бывал ли у них в доме Юрин товарищ Петя. Она их посадила вместе, за одну парту, и они как-то быстро подружились.

— Худенький такой блондинчик? Вы говорите, Петя? Да, по-моему, бывал. Ну, а тут какие претензии?

— Теперь не бывает?

— Не замечал. Да в чем дело?

— В классе был неприятный инцидент. Петю избили после уроков в школьном дворе. Мы разобрали этот случай — ваш сын не принимал участия в драке. Но на следующий же день я видела, как Юра мирно беседовал с организатором драки... Заметьте, весьма дружелюбно!..

— И вы полагаете, что...

— Как раз я не думаю, что Юра принимал какое-то участие в заговоре. Там давняя неприязнь, драки были и до него. Но согласитесь, что быть в хороших отношениях с врагом своего друга — это в какой-то мере предательство... Немного похоже: и нашим и вашим.

На мгновение Павлу Яковлевичу показалось, что перед ним не учительница его сына, а сотрудница его отдела бросает ему в лицо:

— Коридов, вы всегда и вашим и нашим...

И с едва сдерживаемой ненавистью он четко проговорил:

— А вы хотите, чтобы моему Юре ломали ребра?! Напрасно, напрасно, уважаемая Мария Степановна, вы употребляете такие термины, как предательство. Не думаю, чтоб подобная терминология нашла одобрение в преподавательских кругах, в нашей науке. Я, правда, не гуманитарщик, занимаюсь *иными* вещами, но и я понимаю — речь идет о наших нормальных, советских школьниках...

Лишь хруст сухих пальцев выдавал волнение Марии Степановны. Она каялась, что слишком далеко зашла в споре, ненужном и бесполезном. Всего на мгновение их взгляды сошлись, и Коридов понял, что вот такие витающие в облаках идеалисты, не желающие взглянуть реально на вещи, всегда мешали ему приятно жить, продвигаться по службе; требовали от него непрестанного труда, напряжения, честности, да-да, он знавал таких у себя в институте! Они фанатично сидели сутками у себя в лабораториях ради того, чтобы выжать лишний микрон из машины, и служили немым укором и ему и другим деловым людям, с которыми он ежедневно общался в институтских коридорах: здесь шел обмен информацией — обсуждались новые назначения, передвижения, перспективы командировок. Здесь практически решалась очередность защиты диссертаций, обговаривалось, кого и в чем поддержать, а кому кинуть черные шары,— и это тоже была работа, и как раз по нему. А их институтская «Мария Степановна» выступала на собрании и разводила демагогию насчет того, что у нас, мол, есть ученые, которые годами, десятилетиями не выполняют своих планов и вообще практически ничего не делают, ежедневно по три-четыре часа просиживают за кофе в институтском буфете, занимаются интригами и устройством своих дел. Но в чьи руки попал его сын! Надо срочно принимать меры и начать с самой элементарной...

Мария Степановна точно так же чувствовала сильную антипатию к своему собеседнику. Она уже знала этот сорт людей. Таким наплевать на дело, а важны интриги и собственное благополучие; такие толкали ее на завышение оценок якобы в высших целях, а на самом деле в интересах своей карьеры; такие писали анонимки и предавали в случае необходимости... Теперь она знала, что каждое ее действие, каждая ее оценка будут подвергаться обсуждению, экспертизе.

...Он вышел из школы... Прошел переулок и оказался на набережной. Несмотря на мороз, снег начинал подтаивать под яркими лучами весеннего солнца. По набережной гуляла праздничная субботняя толпа. «Как остроумно она сказала: «Я его часто отсылаю в командировки»,— что значит умная женщина! Все может — даже мужу дела устраивать, и свои заодно. Так и надо! Надо быть деловым человеком...»

Вернувшись домой, он сказал жене:

— Ну, познакомился с воспитательницей, с этой Марией Степановной. Ты ж понимаешь — уровень!.. А амбиция... Даже слишком. Ничего, я ее немножко того, укротил, а к Восьмому марта ты что-нибудь подумай... Поднести могу я, мне удобней... как мужчине. Попробуем пока так.

ХАБАРОВСК

ТЕАТР ВЕСЕЛЫХ МУЗ

Его проект создали в Центральном научно-исследовательском и проектном институте зрелищных, спортивных и административных зданий и сооружений имени Б. С. Мезенцева в Москве, а построили в Хабаровске — отличное здание театра музыкальной комедии на тысячу мест.

— В городе нет предприятия, труженики которого не поработали бы на стройке или отделке театра,— рассказывает заместитель директора Б. Г. Шкараев,— а художники и скульпторы подарили нам свои произведения, которые вы видите в фойе.

Строили театр не только дальневосточники. Мрамор и гранит привезли из Петрозаводска и Красноярска, кресла сделали ленинградцы. Они же создали специальную облицовочную плитку. Привлекает внимание зрителей и красивый занавес, по которому мастера Рижского художественного фонда выткали характерные приметы края — сопки, реки, силуэты новостроек. За ним невидимый для зрителей еще один занавес — металлический, огнеупорный с автоматическим водяным орошением. Случись пожар, он мгновенно отделит сцену от зрительного зала.

К. ЛЕОНОВ

На снимке: новое здание Хабаровского театра музкомедии.

Фото автора

ОДЕССА

МУЗЕЙ РЕДКОЙ КНИГИ

Он создан при Одесской государственной научной библиотеке имени А. М. Горького в 1922 году. С первых дней его существования началась неустанная работа по выявлению в фондах и хранилищах особо ценных книг. Сегодня фонд музея насчитывает более 11 тысяч экземпляров, и две тысячи из них — редкостные рукописные издания.

В рукописях выдающегося русского слависта Григоровича работники библиотеки обнаружили так называемые Охридские и Хиландарские листки — памятники славянской письменности. Ученые датируют их XI столетием. Был найден и знаменитый «Часослов» Швайпольта Фиоля — первая печатная славянская книга, вышедшая в Кракове в 1491 году.

Гордость библиотеки — собранные здесь инкунабулы — первые в мире печатные книги, относящиеся к 1450—1500 годам. Особо следует выделить трактат по вопросам нотариального права, изданный в 1479 году в Италии. Это единственный экземпляр, зарегистрированный в музеях мира!

А вот самая маленькая в мире книга: Галилео Галилей «Письма к Кристине ди Лорена». Ее размер 11 × 16 миллиметров. Издана в Падуе в 1896 году. Вся коллекция миниатюрных изданий могла бы уместиться на крышке школьного пенала, хотя это одно из обширнейших собраний книжных миниатюр.

Много усилий приложили сотрудники библиотеки для создания коллекции первоизданий классиков марксизма-ленинизма. Здесь хранятся прижизненные издания книг К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, первое на русском языке издание «Капитала», первое издание «Развития капитализма в России» и «Экономические этюды и статьи», вышедшие в свет в 1899 году.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: рядом со спичечной коробкой одна из самых маленьких в мире книг: Галилео Галилей «Письма к Кристине ди Лорена».

Фото автора

Юрий ЖУКОВ
Фото автора

НЕДЕЛЯ В БАГДАДЕ

Кто из нас не увлекался легендами о сказочном Двуречье, именовавшемся в древнейшие времена Месопотамией,

кто не мечтал прикоснуться к изъеденным ветрами и беспощадным временем кирпичам Вавилона,

кого не волновала расшифрованная учеными клинопись на глиняных табличках, поведавших о возвышении и падении цивилизации Ассирии,

кто не был потрясен дошедшими до наших дней описаниями неимоверного расцвета науки и культуры в эпоху возвышения Аббасидов и трагического падения их в последующие века,

кто не интересовался и последующей судьбой этой земли, столь же драматичной и полной неожиданностей?

Овеянная дымкой романтики, поистине сказочная страна Двуречья живет, как кажется, где-то в области воображения, далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятом царстве. И когда вдруг вылетевший из заснеженной морозной Москвы самолет компании «Ирак эйруэйз» через какие-нибудь четыре часа двадцать минут завершает свой путь и раздается привычный голос стюардессы: «Наш самолет совершил посадку в Багдаде, просьба оставаться на своих местах до полной остановки самолета»,— вы невольно удивляетесь: как? Это оказалось так близко, совсем рядом?..

Да, вы уже в Багдаде. В распахнутую дверь самолета вливается теплый воздух. В быстро темнеющем небе зажигаются лучистые звезды, и серебристый полумесяц бросает свой скупой свет на шелестящие под порывами сухого ветра из пустыни жесткие листья финиковых пальм, которые в этом неверном свете кажутся не зелеными, а пепельно-серыми. Благоухают розы. Вас встречают приветливые люди. Вы начинаете знакомство с новой для вас страной. И очень-очень скоро убеждаетесь в том, что, как ни интересны, как ни увлекательны легенды и истории, относящиеся к ее далеким временам, суровая и увлекательная проза сегодняшнего бытия Ирака быстро заслоняет тот таинственный и манящий к себе мир прошлого — тот мир, к которому вы прикасались, читая старинные книги и осматривая богатые коллекции Британского музея, Лувра и прочих хранилищ, куда ловкие колонизаторы успели вывезти все, что удалось найти их археологам в земле Двуречья.

Сегодняшний Багдад — зеркало того, что происходит ныне с этой интереснейшей страной. Вы видите, как у вас на глазах двадцатый век стремительно теснит средневековье. Тучи пыли встают над рушащимися глинобитными постройками, и подъемные краны возносят в багдадские небеса ковши с бетоном, из которого сооружаются высотные здания. Несметные стада автомобилей, отчаянно ревя, втискиваются в узкие щели средневековых улочек. На тротуарах студентки в синих джинсах встречаются со все еще верными старым порядкам женщинами в черных покрывалах,— впрочем, и у них из-под покрывал частенько виднеются полы модных платьев и туфли на высоких каблуках.

Вы проезжаете мимо фонтана на одной из площадей города, напоминающего о сказке «Али-Баба и сорок разбойников»,— бронзовая Фатима льет «раскаленное масло» в кувшины, где прячутся разбойники, и видите рядом вполне современные отели. Вы встречаете паломников в чалмах, которые бредут издалека к знаменитой Золотой мечети, одной из самых богатых и почитаемых на Востоке. А неподалеку отсюда перед вами открывается широкая панорама ультрасовременных зданий университета аль-Мустансирия — это один из четырех университетов Багдада. И повсюду на окраинах заводы, заводы, заводы...

Здесь ценят и старину. Когда вы поедете в Вавилон — это совсем рядом, всего несколько десятков километров от Багдада,— вы увидите, таким широким фронтом развернуты там археологические раскопки, какие огромные усилия — хотя подчас и спорные, с точки зрения ученых,— предпринимаются для восстановления, казалось бы, навечно утраченных человечеством сооружений. В пригороде аль-Мадана вы остановитесь, потрясенные, перед гигантскими руинами поистине циклопической постройки — это остатки дворца династий Сасанидов, владевших этими землями в начале нашей эры,— реставраторам удалось ценой огромных усилий предохранить от дальнейшего разрушения гигантскую, без опор, сводчатую кровлю дворца, сложенную из кирпичей. Никто не знает и не может догадаться, как удалось зодчим далекой древности создать это архитектурное чудо и как сохранилось оно на протяжении полутора тысячелетий. Так по всей стране — нынешние сыны страны Двуречья свято берегут все то, что им осталось от далеких предков.

И все же пафос их труда и творчества не в этом.

Их дела и помыслы устремлены вперед — в двадцать первый век.

Ради этого сейчас развернута национальная кампания за ликвидацию неграмотности, которая еще недавно была всеобщей,— остается за три года обучить миллион шестьсот тысяч человек.

Ради этого десятки тысяч студентов «грызут гранит науки» в созданных в стране университетах.

Ради этого ученые Академии наук трудятся над составлением научных словарей, отыскивая в арабском языке эквивалент для слов «электроника», «космос», «атомное ядро»,— идет принципиально важный процесс «арабизации» науки.

Ради этого, наконец, по всей стране ширится строительство заводов, электростанций и полным ходом развертывается добыча нефти, представляющей собой главное богатство нации,— Ирак добывает уже около 120 миллионов тонн нефти в год, и доходы от ее экспорта позволяют стране быстрее двигаться вперед.

Тяжел, мучителен, порою нестерпимо трагичен был путь этой нации из тьмы веков рабовладельчества, феодализма, наконец, колониальной эпохи к свободе и независимости. Моря слез и реки крови были пролиты на этом ухабистом пути. И сколько раз — и в древние, и в новые, и в новейшие времена — повторялась драма, горестно описанная еще в начале девятого века арабским поэтом, оплакивавшим очередной разгром страны очередными захватчиками: прекрасные сады и здания, вещал этот поэт, «лишены населения, их окрестности орошены кровью, пусты, безлюдны; в них воют собаки; проезжий не узнает следов жилищ. Бедствие не стало отлучаться от Багдада, подружившись с ним, и радость покинула его»...

Бедствие не отлучалось от Багдада на протяжении долгих столетий, и даже в двадцатом веке, когда в недрах Двуречья была открыта нефть и сюда устремились, угрожая перегрызть друг другу глотку, колонизаторы, участь трудового народа этой страны была столь же безрадостной, как и тысячи лет тому назад. Только тогда, когда под влиянием идей Великого Октября здесь стало крепнуть революционное движение, когда страну начали сотрясать один за другим мощные взрывы национально-освободительной борьбы, над Багдадом забрезжил свет надежды. И все же путь к реальному освобождению был непомерно сложен и труден...

Мы вспоминаем об этом, беседуя с нашим старым другом, седым, худощавым, с пытливым взором ветераном борьбы за дело народа Азизом Шерифом и его женой, терпеливо делившей с ним и горечь невзгод и радость успехов. Они гостеприимно принимают советских гостей в своем уютном доме, который стоит в зеленом саду на самом берегу реки.

Комната, обогреваемая керосиновой печкой, похожа на музей — здесь собраны сувениры, привезенные Азизом Шерифом из многих стран, где ему довелось побывать,— ведь он член президиума Всемирного Совета Мира, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами», и ему приходится много ездить по белу свету. На самых почетных местах — картины русских художников, привезенные из Москвы.

Мы выходим в садик, окутанный синими бархатными сумерками. Внизу смутно поблескивает вода. В ветвях апельсинных деревьев мерцают золотистые плоды. Благоухают крупные чайные розы. Вдали за рекой тревожно мечется пламя факела — там работает нефтеперегонный завод. И вдруг разносится заунывный вой, похожий не то на волчий, не то на собачий.

— Шакалы! — улыбается Азиз Шериф, догадавшись о моем удивлении.— Они все еще водятся там, за рекой, в камышах. И даже близость завода их не пугает...

Эта неожиданная картинка мне надолго запомнилась — была она по-своему поучительна и символична, напоминая о контрастности бытия этой страны с таким драматичным прошлым и все еще сложным настоящим временем. Ирак со своим двенадцатимиллионным населением, плодородными, но все еще недостаточно используемыми землями и богатейшими недрами уже десять с лишним лет живет как свободная, независимая страна, но потенциальные богатства да и стратегическое положение этой страны по-прежнему притягивают к себе, как магнит, охотников до чужого добра.

Они упорно ищут в стенах нового здания щели, куда можно было бы заложить динамит, чтобы взорвать его. И спасение от этих двуногих шакалов, как подчеркивали в беседах со мною все, с кем я встречался в эти дни, только в одном: в сохранении и упрочении национального единства, благодаря которому Ирак обеспечивает свою подлинную независимость.

Анализируя долгий и трудный путь борьбы, Ахмед Хасан аль-Бакр, ныне Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, президент Иракской Республики, в политическом отчете, представленном восьмому региональному съезду партии в январе 1974 года, говорил:

— Опыт борьбы как в масштабе страны, так и в масштабе нации несомненно и бесспорно свидетельствует о том, что все тяжелые неудачи, которые постигли как борьбу иракского народа, так и борьбу всей арабской нации, были результатом серьезных причин и в первую очередь того, что арабские прогрессив-

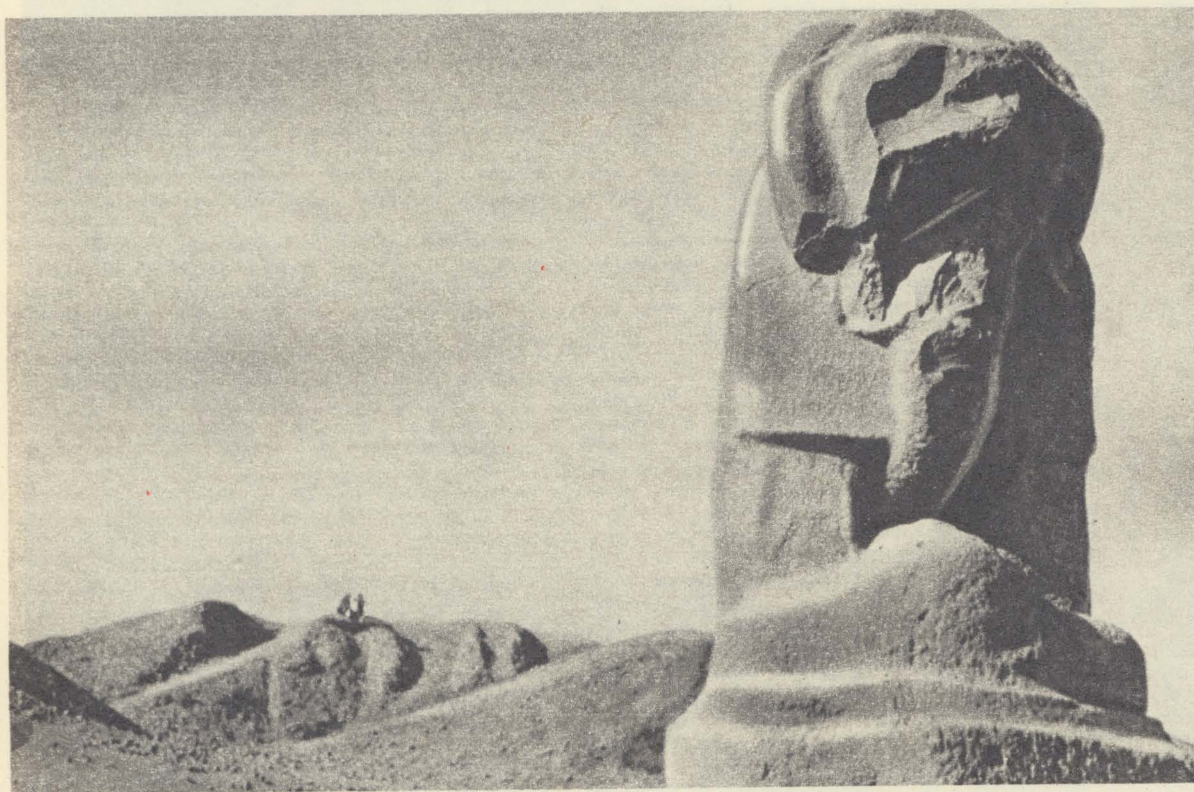

В старом квартале Багдада ко мне подошел седой араб, лихо подкрутил усы и сказал: «Ирак — Россия — хорошо!» Он жестом показал, что хочет сняться, и с достоинством стал позировать.

Студенты во дворе университета аль-Мустансирия.

Знаменитый «Вавилонский Лев», переживший тысячелетия. Это единственный монумент, сохранившийся среди руин столицы некогда могущественной державы — Вавилона.

Детишки везде и всюду снимаются охотно!

ные силы поставили второстепенные противоречия между собой над главным противоречием — противоречием между прогрессивными силами в целом, с одной стороны, и империализмом, сионизмом и реакцией, с другой стороны. Они превращали второстепенные разногласия в предмет острой борьбы, а иногда даже кровопролитных столкновений...

И только твердая решимость прогрессивных сил Ирака стать, наконец, выше этих второстепенных разногласий, создать единый Прогрессивный национально-патриотический фронт, а затем начать длительный и сложный процесс сплочения арабов в борьбе против главного врага — империализма, сионизма и реакции — явилась залогом новой и стабильной ориентации этой страны.

В конституции, принятой в июле 1970 года, было записано, что Ирак является народной демократической республикой, цель которой «создание единого арабского государства и установление социалистического строя», а в Хартии национальных действий, согласованной и утвержденной 17 июля 1973 года и положенной в основу создания Прогрессивного национально-патриотического фронта, подчеркнуты такие основополагающие принципы:

— неприемлемость для Ирака капиталистического пути;

— необходимость создания единого фронта всех прогрессивных сил на основе усиления борьбы против империализма, сионизма и реакции;

— необходимость укрепления отношений с социалистическими странами.

Надо ли доказывать, что незыблемая верность этим принципам явилась бы важнейшей гарантией успешного развития страны по пути социалистической ориентации?

С кем бы я ни встречался в эти дни в Багдаде, в беседах вновь и вновь всплывали запавшие всем в память весомые даты событий, сыгравших важнейшую роль в развитии страны по пути, на который Ирак встал в итоге национально-освободительной революции:

7 апреля 1972 года. Решение о национализации нефтяных промыслов, на которых хозяйничали колонизаторы, грабившие национальные богатства Ирака.

9 апреля 1972 года. Подписан договор с СССР о дружбе и сотрудничестве.

1 июня 1972 года. Под контроль правительства перешли 65 процентов нефтедобычи и 99,75 процента территорий, где добывается нефть...

О, какой визг и вопль подняли тогда колонизаторы! Они немедленно начали экономическую блокаду Ирака, рассчитывая, что он не выдержит ее и встанет на колени, прося пощады у нефтяных монополий. Вышло иначе: СССР пришел на выручку Ираку, помог ему не только сохранить прежний уровень добычи нефти, но и значительно его повысить — были созданы новые промыслы в Северной Румейле,— помог организовать сбыт этой нефти. И вот новая, победная дата...

1 марта 1973 года. Прекращение экономической блокады: Ирак выходит на мировую арену с гордо поднятой головой... И еще одна дата:

Декабрь 1975 года. Завершение процесса национализации нефтедобычи — в руки государства переходят последние промыслы, эксплуатировавшиеся иностранными нефтяными монополиями в районе Басры

Так, в острой борьбе за коренные национальные интересы Ирак познал цену твердой и надежной поддержки Советского Союза, продиктованной заботой о выполнении интернационального долга с социалистической державой. Поистине широкое развитие получило экономическое и техническое сотрудничество между нашими странами. О нем мне коротко рассказал в один из этих дней заместитель советника по экономическим вопросам посольства СССР в Ираке Альберт Иванович Анисимов, один из самых занятых людей в Багдаде: объем работ, которыми он ведает, весьма широк и разнообразен. Недавно исполнилось уже двадцать лет со дня подписания первого соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Иракской Республикой. Какой огромный путь проделан за эти двадцать лет в области установления и развития между нашими странами взаимовыгодных связей на основе взаимного уважения и равенства!

Во-первых, наши специалисты продолжают оказывать Ираку существенную помощь в разведке и эксплуатации нефтяных богатств. Мои собеседники в Министерстве информации с законной гордостью напоминали о том, что сейчас Ирак добывает уже 115—120 миллионов тонн нефти в год, тогда как иностранные монополии в 1971 году подняли из земли лишь 84 миллиона тонн ее. Только промыслы в Северной Румейле, созданные в 1972 году с помощью СССР, рассчитаны на добычу 40—42 миллионов тонн нефти в год. Одновременно полным ходом идет строительство новых нефтеперерабатывающих заводов,— один из них, в Басре, создан с помощью чехословацких специалистов. Сооружаются в сотрудничестве с СССР новые и новые нефтепроводы. Начались большие и сложные работы по подготовке к заводнению нефтеносных пластов на месторождении Румейла, что даст возможность более рационально использовать его богатства, осуществлением этого проекта руководят советские специалисты Виктор Николаевич Герасимов и Иван Федорович Тарасов.

Во-вторых, с помощью Советского Союза создается мощная энергетическая база, без которой немыслима индустриализация страны. Первенцем была теплоэлектростанция мощностью в 200 тысяч киловатт. В Курдистане строится более мощная гидроэлектроцентраль — уже пущены три агрегата по восемьдесят тысяч киловатт, в 1979 году вступают в строй еще два таких же агрегата. В Насирии сооружается новая крупная теплоэлектростанция мощностью в 840 тысяч киловатт, первый энергоблок ее уже вошел в строй. Начато строительство важного гидроэнергетического комплекса на реке Евфрат — составной частью его станет ГЭС мощностью в полмиллиона киловатт. В перспективе — сооружение новых электростанций.

В-третьих, проводится огромная работа по ирригации страны. Ирак — одна из самых жарких стран в мире. Мне говорили, что в прошлом году 14 июля, в день национального праздника — Дня победы революции 1958 года, термометр показывал плюс пятьдесят восемь градусов, и демонстрацию пришлось проводить ночью. Естественно, без орошения здесь не вырастишь и былинки. Воды здесь много — ее несут в океан две мощные реки, Тигр и Евфрат, между которыми человеческое воображение с древнейших времен поместило библейский рай. И на землях этих действительно можно было бы вырастить райские кущи, если бы их хорошо орошали.

Однако на протяжении тысячелетий быстрые и своенравные реки-близнецы Тигр и Евфрат мчали полные воды свои в залив Индийского океана, и временами, в период катастрофических наводнений, заливали все Двуречье— недаром здесь же родилась и легенда о всемирном потопе. Не было ни сил, ни средств, ни техники у людей, чтобы обуздать эти бурные реки и заставить их служить человеку. Оросительные системы существуют здесь уже многие тысячи лет, но они слабы и несовершенны.

И только теперь начинается осуществление поистине грандиозных проектов. Евфрат и Тигр соединятся с озером Тартар, куда они будут сбрасывать свои воды в период паводков, а когда уровень воды в реках будет понижаться, это озеро, превращенное в гигантское водохранилище, будет отдавать полученные им водные излишки тоскующим по влаге полям.

Там же, на Евфрате, в районе Фелуджи, сооружаются грандиозные водоподъемная плотина с отводным магистральным каналом — опять-таки для орошения полей. Начато строительство тридцатисемикилометрового участка магистрального головного канала ирригационной системы Киркук — Адхейм. Там подготовлено к освоению 290 тысяч гектаров земель — уже создана сеть отводных оросительных каналов. Тем временем разрабатывается генеральная схема использования воды и земельных ресурсов страны. Перспективы огромные: Ирак может стать житницей всего Арабского Востока...

Рассказывать о советско-иракском сотрудничестве можно бесконечно долго — настолько оно широко и масштабно. Здесь возводятся, например, с нашей помощью мощные цементные заводы — цемент в большом спросе в соседних странах, да и в самом Ираке. СССР оказывает содействие в организации рыбного промысла, в работе иракского танкерного флота. Наконец, важное значение приобретает сотрудничество в подготовке национальных кадров. В Басре, например, заканчивается строительство двух крупных учебных центров — нефтехимического и машиностроительного... Альберт Иванович порылся в бумагах, достал номер газеты «Правда» от 13 декабря прошлого года, в котором было опубликовано сообщение о приеме товарищем Л. И. Брежневым заместителя Генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения, заместителя Председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддама Хусейна, и прочел:

«Л. И. Брежнев и С. Хусейн выразили удовлетворение развитием всестороннего взаимовыгодного сотрудничества между обеими странами. Было подчеркнуто, что Советский Союз и Иракская Республика рассматривают в качестве важной задачи их внешней политики дальнейшее укрепление советско-иракских отношений на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве... Была выражена решимость совершенствовать взаимовыгодное сотрудничество СССР и Ирака в политической, экономической и других областях».

— Как видите, основа нашего сотрудничества действительно прочная,— сказал Альберт Иванович.— И как ни трудно порой приходится нашим людям в этом непривычно жарком для нас климате — то вдруг песчаная буря налетит, так что солнца не увидишь и день превращается в ночь; то с неба польется грязевой дождь; то такая сушь настанет, что дышать нечем,— работают они, что называется, с душой, понимая и свой интернациональный долг и наши национальные интересы — ведь наше сотрудничество, как дважды подчеркнуто в этом сообщении, взаимовыгодно!

Не раз встречался я в эти дни с представителями двух основных партий, входящих в Прогрессивный национально-патриотический фронт,— Партии арабского социалистического возрождения и Иракской коммунистической партии. Наши встречи происходили вскоре после Багдадского совещания руководителей арабских стран, которое убедительно продемонстрировало реальность и силу лозунга единства: провозглашение единения Ирака и Сирии, а затем единогласное принятие заявления, осуждающего капитуляцию президента Египта Садата перед империализмом и сионизмом и провозглашающего решимость довести до конца борьбу за правое дело арабского народа, явились большой победой.

Об этом с законным удовлетворением говорили мне и руководитель бюро по внешним связям национального руководства Партии арабского социалистического возрождения Муниф Раззаз, и член Политбюро Иракской компартии Абдель Раззак ас-Сафи, и Генеральный секретарь Прогрессивного национального патриотического фронта, член Совета революционного командования Наим Хаддад, и редактор центрального органа Партии арабского социалистического возрождения «Ас-Саура» Насиф Аввад, и член ЦК Иракской компартии Маджид Абдель Реда.

— На нашем третьем съезде в мае 1976 года,—сказал товарищ Абдель Раззак ас-Сафи,— было провозглашено: «Проявления слабости арабского национально-освободительного движения всегда были связаны с расколом и противоборством в его рядах. Наша партия считает, что необходимой отправной точкой противодействия планам империализма и сионизма, отпора правым и реакционным силам является немедленное прекращение противоборства и противоречий между освободившимися арабскими странами, обращение к демократическим методам, опора на народ, мобилизация масс, объединение патриотических сил в единые фронты в каждой арабской стране и во всеарабском масштабе, укрепление союза с Советским Союзом и другими социалистическими государствами». Эта платформа полностью сохраняет свою актуальность сегодня. Более того, сегодня еще более важно ее соблюдение!

Да, многое сделано, много трудных задач решено, много сложных узлов, затянутых империалистами и их слугами, распутано здесь, в Ираке, за минувшие десять лет. Но многое, очень многое еще остается сделать, бесчисленные трудные задачи еще предстоит решить, и многие хитрые узлы еще предстоит развязывать!

Когда думаешь о том, что ты увидел и услышал за одну неделю в Багдаде, перед тобой встает картина большого, шумного, многоголосого города,— грохочут машины, бульдозеры крушат ветхие глиняные домики, строительные краны подают ввысь, на стройку высотных зданий, контейнеры с цементом и кирпичом, оживленная толпа теснится на торговой магистрали, носящей имя халифа Харуна ар-Рашида, сверкает неоном вывеска ночного клуба «Тысяча и одна ночь», расторопные официанты подают крепкий кофе на террасах кафе. Мирный пейзаж... И в то же время нет-нет да и отдастся в ушах зловещий вой шакалов, прячущихся в камышах за рекой, напротив домика моего старого друга Азиза Шерифа.

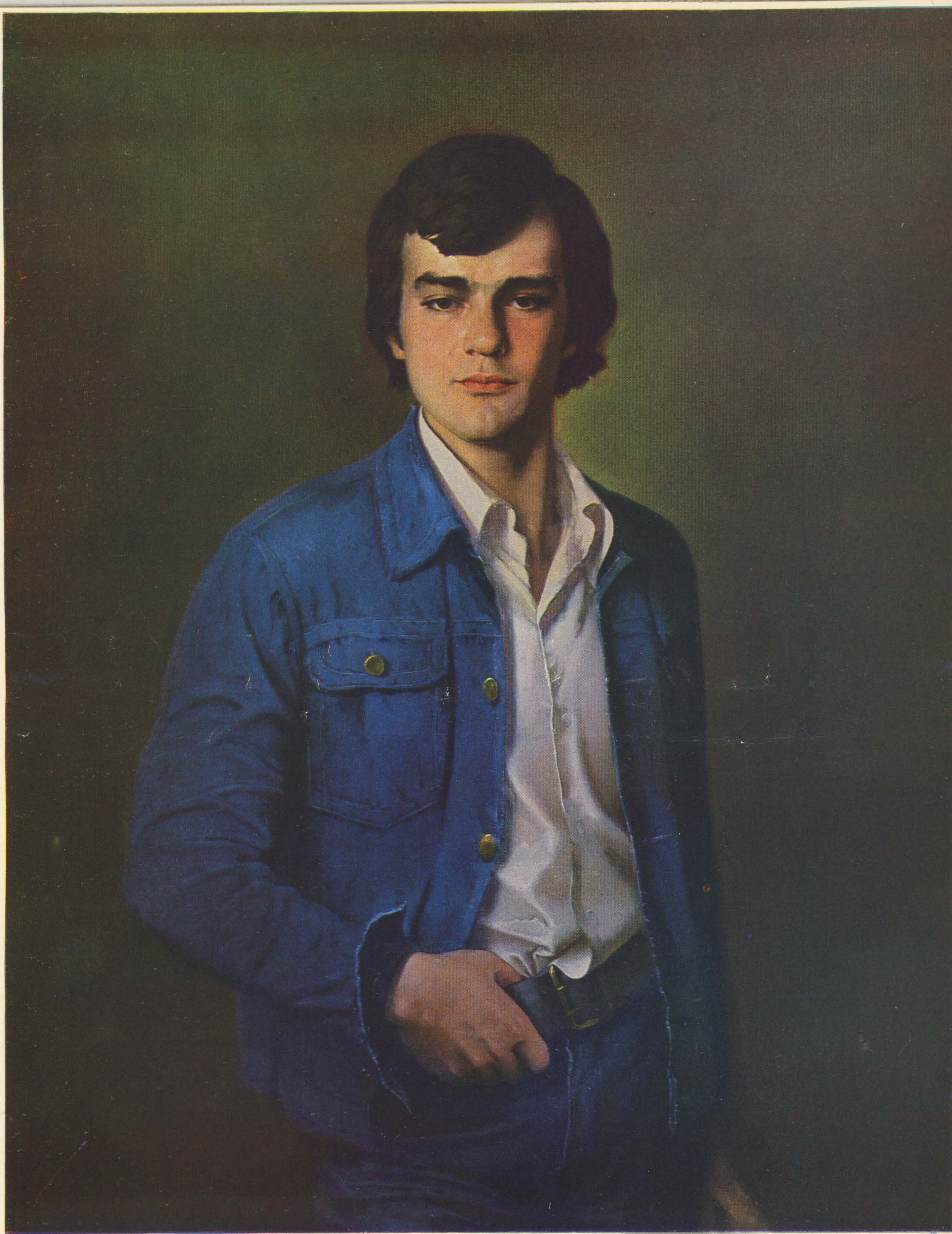
И сразу же эта, казалось бы, малоприметная деталь в силу какой-то ассоциации вновь и вновь напоминает о других, двуногих шакалах — империалистах, которых революция изгнала из этой страны, но которые упрямо пытаются — любыми методами, любыми способами! — вернуться на берега Тигра и Евфрата. Они признали свое поражение, но не смирились с ним. Они отступили, но мечтают о контрнаступлении. У них нет надежд на успех военного насилия, но они ставят ставку на подрыв революции изнутри.

Они делают ставку на раскол, на раздоры, на разжигание недоверия, розни, подозрений. Только бы поссорить людей между собою, только бы ослабить их сплоченность, а там, быть может, и удалось бы снова набросить на страну свое лассо и стянуть его намертво...

Об этом невольно вспоминаешь, читая весомые строки послания Центрального Комитета нашей партии Центральному Комитету Иракской коммунистической партии, направленного по случаю ее 45-летия:

«Арабские народы переживают сейчас ответственный период своей истории. Они сталкиваются с опасным неоколониалистским заговором, направленным против их национальной независимости и достоинства. Империализм и его агентура пытаются заставить арабов смириться с диктатом израильского агрессора, опутать арабские страны сетью новых военных блоков и баз. В этих условиях огромное значение приобретают сплочение всех антиимпериалистических сил, укрепление созданных ими прогрессивных фронтов, сотрудничество национально-патриотических партий и организаций арабских стран. Действуя в этом направлении, иракские коммунисты решительно выступают против происков империализма и реакции, которые разжигают антикоммунизм и антисоветизм, пытаясь разобщить и изолировать арабских патриотов, ослабить их сопротивление капитулянтским сделкам».

И хочется верить, что государственная мудрость и трезвый учет обстановки в Багдаде восторжествуют. Что Прогрессивный национально-патриотический фронт, созданный в период победного наступления иракской революции на позиции империалистов, — порою казавшиеся неприступными, но все же рухнувшие под ее ударами! — выдержит все испытания и будет и впредь опорой республики.

И. Сущенко. СТУДЕНТ. 1978.

И. Сущенко. РЯБИНА. 1971.

ОХОТНИЧИЙ НАТЮРМОРТ. 1971.

Олег **ШМЕЛЕВ**
Владимир **ВОСТОКОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Возвращение резидента

Глава 7

ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

Леша, когда проявил свою первую в жизни самостоятельно отснятую фотопленку, был очень удивлен: она получилась такой хорошей, будто снимал матерый фотомастер. Скажем кстати, что эта первая пленка была лучше всех последующих на протяжении месяцев трех и только к концу лета Леша научился сознательно добиваться тех прекрасных результатов, которые в самом начале были получены по наитию.

Как было им обещано в присутствии его малолетнего покровительствуемого Витьки, Леша сделал стенгазету. Он дал ей название почти такое же, какое носил стенной орган печати центрального городского универмага, то есть «Культурное обслуживание». Опустив предлог «за», он словно поднялся на ступень выше: та газета только призывает к культурному обслуживанию, а здесь — пожалуйста, уже все готово.

В центре небольшого листа ватманской бумаги, под заголовком, была наклеена фотокарточка размером тринадцать на восемнадцать, изображавшая Светлану, Галю и Пьетро за ресторанным столиком. На заднем плане, чуть не в фокусе, из-за столика привстал плотный мужчина. (Леше показалось, что он как будто похож на человека, приказывавшего ему засветить пленку.) Под снимком Леша поместил подпись, над которой ему пришлось долго думать. Она гласила: «Картинки из светской жизни». По обеим сторонам фотокарточки были наклеены цветные вырезки из рекламных буклетов «Интуриста».

Леша полюбовался с горечью на свое произведение, вздохнул, сложил стенгазету вчетверо и засунул ее под тахту. Он счел замышленное предприятие с вывешиванием газеты недостойным и мальчишеским. Более того, он решил выказать великодушие: он сделал еще два отпечатка форматом девять на двенадцать, чтобы при удобном случае вручить их Светлане,— пусть один возьмет себе, а другой пошлет этому черноволосому иностранцу.

Случай представился скоро. Светлана как-то вечером, возвращаясь с работы, подозвала к себе Лешу, певшего под гитару в кругу ребят с их двора.

— Не отлегло? — спросила она как бы даже с сочувствием.

Это не понравилось Леше. Он сунул ей в руки гитару и сказал небрежной скороговоркой:

— Подожди минутку, я сейчас.— И побежал в свой подъезд.

Вернувшись, он отобрал у нее гитару и вручил фотографии.

— Вот, вышло прилично. Возьми на память.

Светлана сначала не поняла, что изображено на снимках, а когда поняла, то покачала головой.

— Значит, с фотоаппаратом шпионишь?

— Шпионил,— поправил ее Леша.— Больше не буду.

На это Светлана ничего не ответила. Положила карточки в сумочку и пошла домой. Даже спасибо не сказала.

С тех пор, встречаясь во дворе или на улице, они только здоровались. Леша иногда спрашивал себя, правильно ли он поступает. Светка ему все равно нравилась, как и раньше, а может, и еще больше. Ну, ходила в кафе с иностранцем. Иностранцы приезжают и уезжают. Тем более Светка же его сама первая подозвала для разговора... Но нет, не мог Леша простить ей, что-то горькое поднималось в душе, когда вспоминал он про кафе, и у него возникало непонятное чувство, словно Светка знает о тайнах взрослой жизни гораздо больше его, и от этого становилось еще горше и обиднее. И хотелось бы ему заговорить с нею, но ничего он не мог поделать со своей обиженной гордостью.

Вера Сергеевна сумела уловить, что в отношениях Светланы с Лешей произошли важные изменения. Она прямо спросила у дочери, что случилось. Но Светлана отделалась одной фразой: «Да ну его!» И, кажется, ей в самом деле стало совершенно безразлично, есть на земле такой парень — Леша Дмитриев или его и не было никогда. Хотя Гале она признавалась, что ей жалко разбитой дружбы и как-то пусто оттого, что Леша перестал забегать к ней на работу. Ему самому она этого не сказала бы никогда.

Подруги проводили лето по-разному. Светлана по графику отпусков должна была отдыхать в сентябре. Галя на два месяца уехала вместе с матерью в Крым, в Алушту, где у старого друга их семьи, ныне отставного генерала, был собственный дом.

Светлана не очень-то скучала. В свои выходные она с подругами из универмага ездила на городской пляж. Всегда подбиралась веселая компания. Парни были не из хамовитых, а если кто-нибудь и позволял себе вольности со Светланой, то лишь самого невинного свойства.

У нее с некоторых пор все чаще появлялось такое настроение, что она будто бы попала на станцию, где надо делать пересадку. Она была все время в ожидании чего-то, а чего именно — неизвестно. Это состояние впервые возникло на следующий день после того, как она отослала в Милан Пьетро Маттинелли фотокарточку с коротким письмом, в котором объяснялась история ее появления.

Разрешилось это состояние неизвестности весьма прозаическим образом. 29 июля 1971 года под вечер к ее прилавку в универмаге подошел немолодой, небольшого роста и довольно полный мужчина с блестящими и темными, как маслины, глазами. Он поставил на прилавок клетчатую сумку-торбу и, подождав, пока Светлана не кончила разговора с очередным покупателем, спросил:

— Вы есть Светлана Сухова?

— Да. Я вас слушаю.— Она уже догадалась, кто это и откуда.

— Вам привет шлет Пьетро из Милана.— Он выговаривал русские слова с трудом, но очень старательно.

— Спасибо.

— Он также просит дать вам это.— Итальянец положил руку на сумку и улыбнулся.

Светлане на секунду сделалось неловко, но только на секунду. Мелькнул в памяти тот разговор за столиком в кафе — как Пьетро просил разрешения прислать что-нибудь в подарок, как она противилась. Что может быть в этой сумке? Уж, наверное, не на сто рублей? Чего тут зазорного, если принять подарок? Не отказывать же человеку, который тащил клетчатую торбочку из Милана через пол-Европы.

— Спасибо,— сказала Светлана и убрала сумку под прилавок.—Как поживает Пьетро?

— О, ничего, очень хорошо. Очень скучно без вас.

— Вы долго у нас пробудете?

— Сожалею, но всего два дня. После — Тамбов. Там тоже есть нам дело, тоже завод.— Итальянец убрал с лица улыбку.— Но вы можете писать Пьетро через меня. Я могу зайти завтра.

Так они и договорились. Итальянец, по-видимому, спешил, и Светлана его не задерживала. Как только он ушел, она расстегнула «молнии» на сумке. Поверх разноцветных пластиковых пакетов лежал конверт, голубой и продолговатый, с ее именем, написанным крупными заглавными буквами. Такими буквами было составлено и письмо. Пьетро убедительно просил не отвергать его скромный подарок, уверял в своей преданности, жаловался, что скучает по Советскому Союзу и по ней, Светлане, и высказывал надежду, что, может быть, через год приедет снова, хотя бы ненадолго. А в конце сердечный привет Гале и просьба выделить ей что-нибудь из присланного.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—19.

Галя к тому времени уже вернулась из Крыма, и Светлана, закончив работу, сразу позвонила ей из кабинета заведующего отделом, и они условились встретиться в тот же вечер у Светланы дома. У Светланы возникла было мысль, что неудобно будет при матери потрошить посылку, но по всегдашней своей привычке отогнать прочь все неприятное она тут же постаралась об этом не думать. В конце концов они с Галей могут просто закрыться в комнате и сказать матери, что им надо посекретничать...

Галя явилась без опоздания. К ее приходу Светлана успела разобрать посылку.

В сумке-торбе оказались два прекрасных длинных шарфа, связанных из шерсти, один синий, другой малиновый, шерстяная кофта цвета перванш, кашемировый платок, пара черных лаковых туфель и множество косметики — духи, помада, пудра, тени — все в замечательной упаковке. Но главное было не это. Главное лежало в маленькой кожаной красной коробочке: брошь-булавка с синим камнем.

Матери не оказалось дома. Светлана разложила все присланное на своей софе и прикинула, как им поделить: у нее и в мыслях не было дать Гале что-нибудь из мелочи, а остальное взять себе. Пополам, только пополам — так она решила с самого начала. Правда, туфли и брошь не поделишь пополам, но тут тоже можно что-нибудь придумать...

Когда Галя вошла, Светлана, ничего не объясняя на словах, дала ей письмо Пьетро. Прочтя его и поглядев на разложенные вещи, Галя долго молчала.

— Что скажешь? — вывела ее из задумчивости Светлана.

— Кажется, он не бедствует, этот твой Пьетро Маттинелли.

— Наверное, не побирается.— Светлана вынула брошь из коробочки, протянула ее Гале.— Как ты думаешь, это настоящее?

У нее были подозрения, что и металл и камень — подделка, а Галя прилично разбиралась в драгоценностях.

Галя посмотрела камень на свет, повертела в пальцах против света и сказала:

— Аквамарин. Настоящий.

— А булавка?

— Золотая.

— Наверняка не побирается,— весело заключила Светлана.— А ты что сникла?

— Да как-то, знаешь, необычно...

— Что необычно?

— Ну, всего один раз виделись, и вот... все это...— Галя кивнула на софу.

— Значит, как в кино. Ладно, давай распределим.

— Но это же тебе прислано,— возразила Галя не очень твердым тоном.

— Заткнись, а то все выброшу,— серьезно сказала Светлана.

Галя не сомневалась, что Светка может так и сделать, если ее не послушать.

Парфюмерные изделия были разделены без труда. Светлана взяла себе малиновый шарф, следовательно, Гале достался синий. Туфли больше впору были Гале, зато Светлана оставила себе кофту. Кашемировый платок разрезали надвое по диагонали — получились две косынки. Судьбу броши Светлана предложила решить жребием, но тут уж Галя воспротивилась не на шутку.

— Ты с ума сошла! — воскликнула она.— Не командуй, пожалуйста. Я ведь тоже могу...

— Ничего ты не можешь.

Как всегда, Светлана не заботилась о самолюбии подруги, но сейчас сопротивление Гали было ей приятно: Светлане очень хотелось быть обладательницей такой прекрасной броши. Насчет жребия, говоря честно, она сказала лишь для того, чтобы выдержать характер. Она была уверена, что Галя не согласится. Да и несправедливо это чересчур: у Гали много было разных драгоценностей, подаренных родителями и бабушками, хотя она никогда их и не носила с того дня, как познакомилась со Светланой,— потому не носила, что у Светланы драгоценных украшений не имелось, не носила из солидарности.

Великий дележ закончился как раз к приходу Веры Сергеевны. Сколь ни храбрилась Светлана, сколь ни выказывала свое коронное умение ничему не удивляться и ни о чем не жалеть, но Вера Сергеевна все же заметила необычно возбужденное состояние дочери.

— Вы ссоритесь? — спросила она.

Свою часть посылки Галя перед тем положила в сумку, а Светлана свою спрятала в шифоньер, так что Вера Сергеевна вещей и косметики не увидела.

— Спорим,— сказала Светлана и повернулась к Гале.— Идем, провожу немного.

...Таким вот образом разрешился у Светланы кризис ожидания. Если смену человеческих душевных состояний дозволено сравнить с чередованием времен года, то она вступила из февраля в март. Еще и холодно, и снег лежит, но все бесповоротно повернуло на весну. Что бы там ни происходило, но зиме конец. А на самом-то деле, вне этих сравнений, близилась осень. Светлане предстояла повторная сдача экзаменов на филологический факультет — еще одна попытка. Она их сдавать не стала и не только потому, что не подготовилась как следует. Было еще одно серьезное привходящее обстоятельство.

Но, прежде чем заняться им, надо отметить, что Светлана на следующий день после получения посылки отправила с привезшим ее итальянцем письмо к Пьетро Маттинелли с благодарностью и просьбой не повторять ничего подобного впредь, а лучше всего приехать снова в Советский Союз, в прекрасный город К. В конверт была вложена фотокарточка.

А примерно через неделю после этого у Светланы состоялось новое знакомство, которое она не сочла странным и необычным по той простой причине, что все было логично и объяснимо.

Один из покупателей, изучавших каталоги пластинок, интеллигентного вида, пожилой, явно за пятьдесят, но моложаво выглядящий мужчина, плотный, среднего роста, одетый в светло-серый костюм и синюю рубаху без галстука (все это Светлана рассмотрела уже несколько позже), вдруг обратился к ней таким тоном, словно продолжал с нею задушевную дружескую беседу, прерванную нечаянно. Он выбрал момент, когда никого другого у прилавка не было.

— Значит, получили весточку от Пьетро, Светлана Алексеевна?

Она удивилась, но, выдерживая свою манеру ничему не удивляться, ответила так, будто и она всего лишь продолжала беседу:

— Да. Но откуда вам это известно?

Он усмехнулся отечески.

— Видите ли, я знаком с тем человеком... ну, что привез вам посылку из Италии. Я ведь и Пьетро знаю. Он мне рассказывал о вас.

— Вы даже и по отчеству меня знаете,— сказала Светлана.

Он кивнул на дощечку, висевшую на стене позади нее: «Сегодня вас обслуживает продавец...» Она обернулась, поглядела и расхохоталась.

— Ой, правда, тут же написано! Кто я после этого, скажите?

— Вы совершенно очаровательная девушка, и Пьетро Маттинелли можно понять.

Нет, ей определенно начинал нравиться этот пожилой спокойный человек.

— А как зовут вас?

— Виктор Андреевич.

— Вы что, работаете на химзаводе?

— Да, в одной из лабораторий. Мне не так часто приходилось общаться с Пьетро по работе, но мы довольно близко познакомились.

— Он вам нравится?

— По-моему, очень хороший человек.

— Мне кажется, он прямой и открытый. А вы давно здесь живете?

— Приехал сразу после войны.

Она посмотрела на его руки — есть ли обручальное кольцо,— и от него не ускользнул этот взгляд.

— Я одинокий. Жена и дочь погибли в оккупации.

Светлану поразила его догадливость и проницательность. И главное — простота. Никакого шаманства. Это был первый из взрослых людей, кто демонстрировал перед нею свое превосходство столь неназидательно и ненавязчиво. Она мгновенно прониклась к своему новому знакомому уважением.

О том, как развивалось это знакомство, мы расскажем дальше, а теперь надо вспомнить о Леше, потому что у него произошли две пропажи, не такие уж значительные сами по себе, но имеющие прямую связь и с предыдущим и с последующим.

Однажды в воскресенье он затеял генеральную уборку в своей темной комнате, которая с момента покупки фотоаппарата служила ему исключительно как лаборатория. Надо было выбросить ненужный хлам, чтобы стало попросторнее. Закончив черную работу, Леша привинтил к стене широкую полку для химикалий и шкафчик для экспонированных пленок и фотобумаги. Потом стал разбирать пленки, заворачивая каждую в отдельный лист. Их накопилось уже порядочно, штук пятнадцать. Каждую он помнил очень хорошо — где, когда снимал, при каком освещении, с какой диафрагмой и выдержкой. Любимой оставалась та первая, которую он начал кадрами, снятыми в кафе. А ее-то как раз и не оказалось. Он обшарил все ящики стола, все углы — и не отыскал. Потом начал разворачивать уже завернутые пленки и снова просматривать их на свет — все напрасно. Первой пленки не было.

Леша пошел на кухню, где мать с отцом пили чай.

— Ма, ты у меня в чулане не копалась?

— Ты же не велишь туда даже входить.

— Чего взъерошился? — спросил отец.

— Пленка одна пропала.

— Другую купи.

— Да отснятая она,— с досадой объяснил Леша.

— Мне бы твои заботы.

Леша вернулся в лабораторию и еще раз обыскал ее от пола до потолка. И опять напрасно. Пропала пленка. А между тем он отчетливо помнил, что еще недели две назад она как-то попалась ему под руку, и он с удовольствием разглядывал ее, поражаясь, до чего удалась тогда эта самая первая съемка. Прямо-таки эталон. И вот эталон исчез. Было жалко потерять такую память — истинные фотолюбители легко поймут огорчение Леши.

В тот же день, чуть позже, Леша пошел в свой самодельный гараж, где стоял его мотоцикл. К нему заглянул сосед, владелец старого «Москвича».

— Здорово, Леш! Дай на минутку разводной, я свои ключи дома оставил, краны подкручивал, понимаешь.

— Да хоть на неделю,— мрачно сказал Леша, наклоняясь к чемодану с инструментом.

Но сколько он ни гремел этими железяками, разводного гаечного ключа найти не мог.

— Снится, что ли?— пробормотал он растерянно.

— Ты чего, Леш? Заговариваешься?— засмеялся сосед.

— Тут заикаться начнешь, не то что заговариваться.

Сосед ничего не понимал.

— Нету ключа,— сказал Леша, разгибаясь.— Нету. Пропал.

— Может, где валяется?— предположил сосед.

— Давай посмотрим.

Они внимательно осмотрели все закоулочки гаража, но ключа так и не нашли.

— А может, ты тоже его домой занес?— высказал еще одно предположение сосед.

Леша покрутил головой.

— Не заносил. У нас краны не текут.

Сосед исчез, наверное, побежал домой за гаечными ключами, а Леша еще долго стоял в задумчивости над чемоданом для инструмента и старался определить, когда мог пропасть ключ. Последний раз он пользовался им дней десять назад... Пропавшую пленку он держал в руках две недели назад...

Леша не делал сопоставлений, но мысленно отметил, что обе пропажи случились приблизительно в одно и то же время...

Сказав о потерях Леши, вернемся к Светлане.

Кому-то это покажется противоестественным, но вот факт: уже на второй день после знакомства с Виктором Андреевичем Светлана приняла его приглашение посидеть вечером в ресторане. Впрочем, найдется немало людей, которые не усмотрят в этом факте ничего особенного, ничего предосудительного. К тому же Светлана поставила условие, что с нею будет Галя.

Виктор Андреевич не жаловался на тоску одинокой жизни, но и не пытался изобразить из себя молодого сердцем бодрячка. Он просто сказал, что если у Светланы на завтрашний вечер не предвидится ничего лучшего, то не согласится ли она поужинать вместе с ним. Светлана не раздумывала.

Галя по обычаю исполнила волю подруги.

Виктор Андреевич предложил отправиться в ресторан-поплавок на реку. Там у пристани стоял на мертвых швартовых старый пассажирский теплоход, переоборудованный для новой службы.

Они заняли столик в углу, где вместо стульев были удобные узкие диванчики.

— Не стесняйтесь, девушки,— сказал, усаживаясь, Виктор Андреевич.— Деньги у меня есть, сегодня я при деньгах.

— Только сегодня?— спросила Светлана, как бы задавая тон беседе.

— Нет, я вообще солидный, обеспеченный мужчина,— с готовностью поддержал этот шутливый тон Виктор Андреевич.— У меня и автомобиль есть.

— Почему же мы сюда ехали на такси?— спросила Галя.

— Но мы же собираемся чего-нибудь выпить, не так ли?

— Это можно,— сказала Светлана.— Мы уже пробовали.

— С Пьетро?

— Не только.

— Это он подарил?— спросил Виктор Андреевич, показывая глазами на брошь, которой у Светланы был заколот шарф.

— Он,— сказала Светлана.

Тут подошел официант.

Виктор Андреевич сделал большой заказ, а когда довольный официант ушел, задумчиво поглядел на подруг и сказал с легкой печалью:

— Кто со стороны посмотрит, скажет: отец дочек угощает.

— А может, внучек? — не упустила случая поострить Светлана.

— Да, так будет вернее,— еще более печально согласился Виктор Андреевич.

— Не обращайте внимания,— поспешила успокоить его Галя. Она любила успокаивать.

— Ладно, мы вас не будем называть дедушкой,— сказала Светлана.

— И на том спасибо.— Виктор Андреевич произнес это уже с такой неподдельной горечью, что Светлане всерьез стало его жалко.

— Перевернем пластинку.

— Да, поговорим лучше о Пьетро,— сказал Виктор Андреевич.

Поговорили о Пьетро Маттинелли, подруги рассказали о нем все, что знали. Светлана показала Виктору Андреевичу фотокарточку и письмо, которые носила в сумочке. Потом Виктор Андреевич поведал кое-что об итальянце, который привозил посылку. Но все это было лишь присказкой к дальнейшему.

Ресторан скоро заполнился целиком. На эстраду вышли музыканты, начались танцы. К тому времени Светлана и Галя выпили с Виктором Андреевичем по две рюмки коньяку и по бокалу шампанского. Глаза у них блестели, щеки пылали. Было жарко.

Едва Виктор Андреевич вновь налил рюмки, оркестр заиграл новый танец, и перед их столиком появились двое молодых людей. Поклонившись, один из них обратился к Виктору Андреевичу:

— Вы разрешите пригласить ваших девушек?

— Я не против,— сказал он,— но хотят ли они танцевать?

Светлана посмотрела на молодых людей, на Галю и сказала:

— Разок можно.

Они вчетвером отошли от столика.

Виктор Андреевич подвинул к себе лежавшую на диванчике сумочку Светланы, не торопясь, одной рукой открыл ее, пошарил, нащупал письмо от Пьетро и фотокарточку, положил их во внутренний карман пиджака и закрыл сумочку. Все это он проделал как бы нехотя, лениво.

Танец кончился, молодые люди довели девушек до места, раскланялись и исчезли. Больше Светлана и Галя не танцевали, хотя к ним несколько раз подходили с приглашением. «Слишком жарко»,— объясняла отказ Светлана.

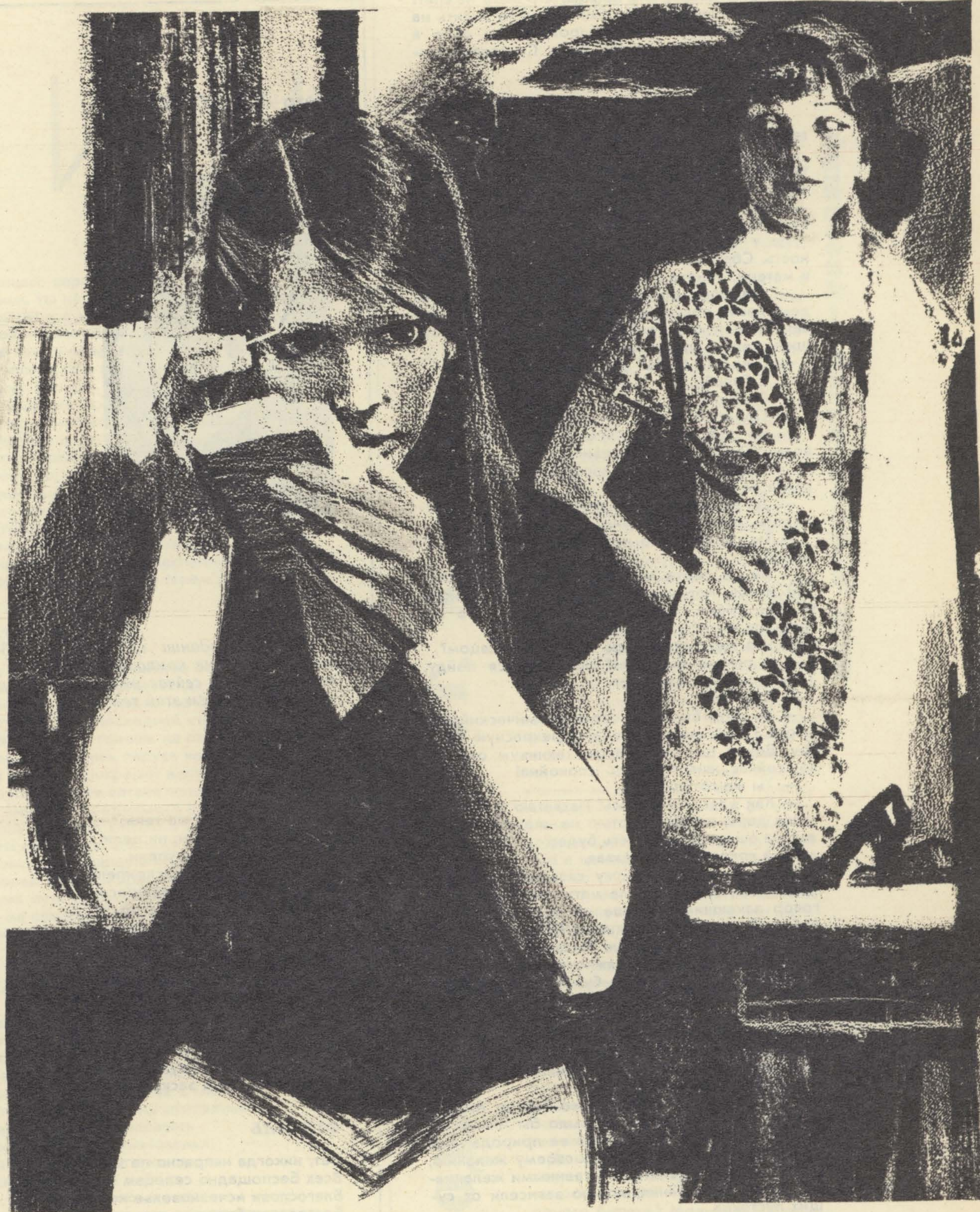
Зато от коньяка они не отказывались, чему Виктор Андреевич был искренне рад. Однако наступил момент, когда Галя спросила вдруг Светлану:

— Выйдем?

Та кивнула.

— Мы вас бросим на минутку, Виктор Петрович.

— Андреевич, с вашего позволения,— поправил он.

В туалете, стоя перед зеркалом и поправляя прическу, Галя сказала шепотом:

— Светка, что мы делаем!

— А что?

— Мы же пьяные... И какой-то старый мужик... Ужас объял греков!

— Не вникай, как говорит мой бывший друг Леша.

— Правда, пьяные.

— Ничего, еще по рюмочке, и айда отсюда. Сколько на твоих?

— Без четверти одиннадцать.

В одиннадцать они покинули ресторан. Было ветрено. Шумела листва. До стоянки такси они шли по асфальту, положенному на траву,— Светлана об руку с Галей впереди, Виктор Андреевич с их сумочками в руке сзади. Когда подходили к стоянке, где ждали пассажиров два такси, он открыл сумочку Светланы и так открытой и подал ей, когда девушки сели в машину на задний диван, а он поместился рядом с шофером. Светлана буркнула:

— Замок сломался, что ли? — Защелкнула, попробовала разъять металлические планки, но замок держал крепко, и она успокоилась.

Виктор Андреевич развез подруг по домам, сначала завезли Галю. Он записал номер домашнего телефона Светланы, а своего не дал, сказав, что у него телефона нет. А напоследок Виктор Андреевич сообщил о самом главном:

— Да, вы знаете, Света, вполне возможно, я не сегодня-завтра поеду в Италию.

— Правда?

— Есть такой вариант.

— Счастливчик,— устало сказала Светлана. Машина остановилась напротив ее дома.

— Не выходите,— сказала она Виктору Андреевичу.— Когда поедете, скажите мне, я что-нибудь пошлю Пьетро.

— Разумеется. Но мы еще не раз увидимся. Я буду заходить в универмаг.— Он замялся, помолчал и добавил: — Не осмеливаюсь приглашать вас к себе в гости...

— Правильно делаете.— Светлана открыла дверцу.— Ну, звоните, заходите.

...Поднимаясь по лестнице, она сняла с кофты брошь, открыла сумочку, чтобы положить ее на дно, и тут обнаружила, что фотокарточка, которую дал ей Леша, и письмо от Пьетро пропали. Она остановилась, припомнила, как Виктор Андреевич передал ей сумочку открытою, и решила, что, наверное, письмо и карточка выпали где-то по пути к стоянке такси. О том, что их мог взять Виктор Андреевич, у нее и мысли не было...

Открыв дверь, она поняла, что мать не спит: в кухне горел свет. Не было смысла ходить на цыпочках — она громко протопала к себе в комнату. Тут же вошла Вера Сергеевна, зажгла люстру.

— Ты опять пила?

— Можно подумать, что ты никогда не пила.

— Прекрати этот тон! — вспылила Вера Сергеевна.— У тебя экзамены послезавтра.

— Не будет никаких экзаменов,— вяло протянула Светлана.— Не хочу я никаких филфаков, никаких английских языков, и вообще...

— Что это значит?! — Вера Сергеевна сжала кулаки.

Но у Светланы был звериный нюх на опасность. Сбросив туфли, она босиком подбежала к матери, обняла ее и поцеловала.

— Мамочка, родная, не волнуйся. Давай сядем, давай обсудим.— Она тихонько подталкивала мать к креслу. Вера Сергеевна, растерявшись, села и спросила:

— С кем ты была?

— С Галей.

— Вдвоем?

— Представь себе.

— Но это же еще хуже — пить вдвоем! — возмутилась Вера Сергеевна.

Светлана опустилась перед нею на колени, взяла ее за руки.

— Да не пьяная я, клянусь тебе. Все выветрилось. Давай поговорим.

— Ты сказала, что не будешь сдавать экзамены?

— Ну на черта мне этот университет, скажи? Чтобы потом всю жизнь долбить одно и то же? Уроки, уроки, уроки! И получите сто тридцать в месяц.

— Что же, будешь всю жизнь продавцом?

— А почему бы и нет? Но я учиться пойду. Только не в университет.

— Куда же?

— Ну хотя бы в торгово-экономический техникум. После можно сделать прекрасную карьеру. Вон у нас завотделом техникум окончила, сейчас живет — будь спокойна!

— Ты же готовилась!

— Как я там готовилась! Нахватаю троек. Остался день, перед смертью не надышишься. А завтра еще голова болеть будет.

— А говоришь — трезвая.

— Мало ли что я могу сказать.— Светлана поднялась, снова обняла мать.— Ма, давай договор заключим: больше об университете ни слова. Подумаешь — диплом! Проживем и так.

Вера Сергеевна в душе была согласна с дочерью, но она все же тяжко вздохнула:

— Смотри, дорогая, не будешь ли потом жалеть...

— Никогда! Давай-ка спать.

Со следующего дня у Светланы начинался отпуск для сдачи вступительных экзаменов, но она после этого разговора решила все поломать и выйти на работу.

Может быть, не пригласи ее Виктор Андреевич в ресторан, решение было бы иным. Таким уж характером наделила ее природа: она умела управлять другими по своему желанию, но не умела управлять собственными желаниями. Они, эти желания, порою зависели от сущих пустяков...

В то время как происходил разговор между матерью и дочерью, Виктор Андреевич у себя дома, в однокомнатной квартире, облачившись в пижаму, сидел за столом и с удовольствием разглядывал фотографию, взятую, вернее, украденную из сумочки Светланы. Он не опасался обвинений в краже, рассчитывая на то, что девушкам не придет в голову его подозревать (и он не ошибся в своих расчетах). Но даже если бы у него и возникали такие опасения, он бы все равно карточку эту взял, потому что на ней в позе человека, приподнявшегося со стула, был изображен именно он, Виктор Андреевич Кутепов. Светлана и Галя его не узнали, что немудрено, в натуре, так сказать, они видели его впервые, а фотография маленькая, к тому же лицо его получилось немного не в фокусе. Вот если бы выкадрировать это лицо, увеличить и сравнить с другими его фотопортретами, тогда сходство установить проще простого.

Наглядевшись, Виктор Андреевич пошел в кухню, зажег газ и спалил карточку. Потом выключил газ, открыл окно, чтобы проветрилось, и лег спать.

Продолжение следует.

Петр ПРОСКУРИН

ЗОВ В[ЕРШИН]

Мысль о создании цикла стихов «Зов вершин» подал мне композитор Вячеслав Овчинников, который сейчас работает над музыкальным воплощением этой темы.

Автор.

ЯНВАРЬ

Белый снег, голубые тени,
А в душе ни грусти, ни цели...
Промороженные ступени,
Показалось, чуть проскрипели...
И опять предвечерняя просинь,
Чуть поленья трещат, сгорая.
Лишь вчера отзвенела осень,
В чутких красках лесов играя,
Лишь вчера ты с болью взглянула
На меня от последней двери,—
А в душе замирающим гулом
Чувство радости и потери...
Белый снег, сгущаются тени,
Как молитвы, застывшие ели...
Промороженные ступени,
Показалось, чуть заскрипели...

ФЕВРАЛЬ

Нет, никогда напрасно не жалей
Всех беспощадно солнцем опаленных...
Благослови исчезновенье кораблей
Благослови бездомных и влюбленных!
Благослови в глаза сказавших: нет! —
Соприкоснувшись с подлостью всесильной...
Благослови исполнивших завет
Надеяться
до тишины могильной...
Благослови хранителя ключей
От всех пороков и страстей бездонных,
Благослови же и тоску ночей
Всех, к одиночеству приговоренных...

МАРТ

Опять, опять в мои приходишь сны
И, счастьем ожидания карая,
Вновь исчезаешь в отсветах луны
У самого мучительного края...
Ты вновь загадочна, прекрасна и чиста,
Как весть из необъятности Вселенной...
И верю вновь, что вечны и нетленны
Гармония, любовь и красота.
Кто ты?
Лишь на мгновенье задержись,
Дай прикоснуться к тайне лишь однажды —
Ведь ты же знаешь, угасает жизнь
От вызванной тобою жажды.
Уходишь ты, и я опять один,
И та, другая и земная, рядом
Со мною среди жизненных теснин
Мне одиночество прощает взглядом.
И я высоким именем твоим
Клянусь забыть таинственные дали,—
Ведь даже голос страсти одолим,
Коль вечным ожиданием карали...
Но нет, не верь в нелепые слова!
Нет ничего мучительней боязни,
Что ты забудешь о своих правах
И не придешь для повторенья казни...

Ты вновь загадочна, желанна и чиста,
Как луч из неизвестности Вселенной...
И верю, верю — вечны и нетленны
Гармония, добро и красота.

АПРЕЛЬ

Был прав творец, навек определив
Границы тьмы и горизонты света,
Для океана — громовой прилив,
Для человека — таинство расцвета.
Час юности — сверкающий поток
С изменчивыми в беге берегами,
Огнем зари охваченный восток,
Томимый древними, как вечность, снами.
Бег юности стремителен и чист,
С особыми, высокими правами —
Ведь это совершенно белый лист
С непроступившими деяний письменами...
Какая же ей участь суждена?
Какие выжжены в ней будут строки?
Иль исчерпать страдание до дна,
Иль повторить отцовские пороки?
Не угадать огней, то глубина, то мель —
Пора нерассуждающей отваги...
Благослови неведомого цель
И чистый лист нетронутой бумаги!

МАЙ

Я не пришел к тебе, иная сила,
Безумным светом сердце озаря,
Меня в чужие дали уводила
За самые последние моря,
За самые окраинные земли,
Где жизнь теряет все свои права,
Где время в чаше первородства дремлет,
Вобрав в себя и завтра и вчера...
Да, я взглянул в запретные пределы,
И боль освобождения прожгла
И душу мне и трепетное тело —
Вместилище и радости и зла.
Я был один во мраке, без движенья,
Но о тебе мелькнула в сердце мысль,
Как первый слабый проблеск возрожденья,—
Благословенье на добро и жизнь.
И в беспощадном знаке отрицанья
Теперь простая истина видна —
Всю красоту и сложность мирозданья
В себе, как вечность, носишь ты одна.
И разум мой, изнемогая, тонет
В каком-то изнуряющем бреду —
Пусть мне не ощутить твоих ладоней,
Но я иду к тебе, иду, иду!

ИЮНЬ

Языческий солнцеворот души
Любых страстей и выше и безмерней —
Сошлись в полдневной, тягостной глуши
Свет утренний и свет вечерний.
Высок и неподсуден полдень твой
С его мгновенными, как вихрь, громами,

ВЕРШИН

С бесстыдной и размашистой игрой
И по-мужски тяжелыми правами,
С его любовью, как угарный стон
В опустошительном порыве наслажденья
И, как последний в жизни перегон,
С мучительною ревностью владенья
И в череде его высоких дел
Не осуди измен его нелепость...
Прости его за царственный удел —
За счастья и любви святую слепость.
За жадность чувств его не осуди
Среди полдневных, непролазных терний...
Ведь все ясней и ближе впереди
Неумолимый свет вечерний.

ИЮЛЬ

И таинство угасшего огня
И медленная поступь постоянства
Волнуют нас, тревожа и маня
В иные, необжитые пространства.
Нас полдень знойной силой одарил
И бешено летящими годами,
А неистраченное буйство сил
Уравновесил зрелыми плодами.
И времени признав слепую власть,
Мы часто притворяемся умело.
Но вновь нерассуждающая страсть
Бушует в нас у самого предела.
Так дуб столетний до глухих корней
Вдруг ощутит желанье потрясений,
Едва лишь зов загадочный морей
Прольется с неба в щедрости весенней...
Но гаснет зов и далеко моря,
И вновь мы ждем волнующие вести,
И, запоздалым пламенем горя,
По-прежнему стоим на старом месте.
Стоим мы с нерастраченной душой.
И подвиг этот безнадежно вечен...
Как хорошо, что этот мир скупой
Проклятием бессмертья не отмечен!

АВГУСТ

Как бесконечно тяжек зов вершин
С их тайной, вечно скрытой облаками!
Зачем же ты на этот зов спешишь
С обугленными жаждою губами?
Ты, вероятно, самому себе
Назначил там последнее свиданье...
Но разве в этой тягостной борьбе
Постичь возможно истину страданья?
Неразнимаемой цепи закон
Есть формула и твоего продленья —
Все дальше освещают тьму времен
Последующие за тобою звенья.
Вчера, когда сошлись на миг века,
Как говорится, волей божьей
Явился тот, кому ты для рывка
Вперед и выше станешь лишь подножьем..
И ты, услышав яростный толчок,
Вновь ощутишь безумье одиночества
И проклянешь убийственный порок —
Всю ложь и все бессилие пророчества!
Как бесконечно тяжек зов вершин!
Но кто, когда сумел остановиться,
И кто на том пути не поспешил
Перешагнуть последние границы...

СЕНТЯБРЬ

Когда горят осиновые рощи
Неистовым огнем самосожженья,
Становится понятнее и проще
Круговорот извечного движенья.
Кружится лист осиновый, кружится —
Нет в мире беспощаднее закона.
Но никогда душою не напиться
Осеннего серебряного звона.
Стоишь ты на великом перепутье,
Осенняя в душе клубится даль...
Какой же новой обернется сутью
Твоя неутоленная печаль?
Ты молишься и жаждешь, жаждешь чуда,
Забыв, кто ты, и где твой ныне дом,
Что был уже Христос и был Иуда,
Что чудо это все — в тебе самом.
Распались царства и законы Нила,
Сквозь мрак иная выбилась струя,
Твое лицо, как тайна, проступило
На вечном, грозном поле бытия.
Всего лишь миг?
А что такое вечность?
Огонь, огонь в начале и в конце!
Природы гениальная беспечность
Вдруг надломилась на твоем лице.

ОКТЯБРЬ

Все медленней и тяжелее бег.
Рывок — и сердце навсегда откажет...
А за спиною все слышнее смех
Десятой, предпоследней стражи.
Скорей, и ты успеешь на паром
И вновь увидишь паруса надежды,
И в сердце прогремит весенний гром,
С души срывая ветхие одежды.
И синий, беспредельный океан
Вновь ошалело хлынет в душу,
И ты забудешь, как ночной обман,
Навеки исчезающую сушу.
Скорее вдаль, в простор без всяких вех —
Пусть путь удача и судьба укажут!
Но за спиною вновь угрюмый смех
Десятой, предпоследней стражи...

НОЯБРЬ

Дай мне, творец, у края стать
С прощающей себя улыбкой
И помоги не признавать
Всего прошедшего ошибкой,
Дай первородной тьме в глаза
Взглянуть хотя бы на мгновенье,
Дай слабости не показать
Перед лицом исчезновенья,
Дай мне до самого конца,
Единоборствуя с собою,
Остаться с факелом гонца
Горящим над кромешной мглою...

ДЕКАБРЬ

Я ничего не знаю о себе —
Кто я на этом свете и откуда...
И лишь в твоих глазах, в твоей судьбе
Явилось объяснение, как чудо.
Не знаю, сколько лет и сколько зим
Искали мы во тьме свое начало,
И свет в душе теперь неугасим
До самого последнего причала.
Угаснут звезды, завершив свой путь,
Но мы в пустыне вечной мирозданья
Давай назначим вновь когда-нибудь
Пусть самое короткое свиданье.
Спешить мы будем миллионы лет
На эту предначертанную встречу,
И будет наш еле заметный след
Во тьме росою новых звезд отмечен.
Я ничего не знаю о тебе —
Кто ты на этом свете и откуда...
Но присягаю я своей судьбе
За нашей встречи праздничное чудо.

ПОЕЗДА ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ, А...

наш корреспондент — пассажир

А. ЩЕРБАКОВ

Итак, решено: еду скорым! Во времени выгадаю. Сервисом наслажусь. Известно же: чем выше класс поезда, тем добротнее сервис. А кому же безразлично — плохо его обслуживают или хорошо?! Разумеется, все хотят, чтобы хорошо.

Ах, скорый, скорый! Ехать в нем одно удовольствие. Особенно в мечтах... Мелькают за окнами пейзажи; нарядная, вежливая проводница, едва утро или вечер, балует крепким, горячим чайком; а в промежутках между чаями галантные продавцы услужливо заглядывают в купе: ряженки не желаете? А может, кусочек холодной курочки? Бутерброд?.. Вздумаете прилечь, только прикоснетесь к хрустящему белью и уже видите дивный дорожный сон...

Дивный сон... А вы видели наяву, как мечты о приятных путешествиях гибнут под колесами поездов? В том числе скорых. Да что там под колесами! До посадки в вагон гибнут. На вокзалах. У касс предварительной продажи билетов. Дома еще, когда пытаетесь воспользоваться железнодорожными услугами по телефону...

Вот и тут. Прихожу в Минскую городскую предварительную кассу. Бросаются в глаза очереди к окошкам. Становиться? Терпеливо ждать, вспоминая слова тревоги ученых-экономистов по поводу государственных убытков от потерянных зря минут? (Почему-то подсчитываются минуты, потерянные в цехах, на строительных площадках, в шахтах, и редко кто считает, во что обходятся минуты и часы, потерянные теми же монтажниками, ткачихами, проходчиками в очередях.) Что делать? Стоять или не стоять? А если потрачу время зря? Достигну намеченного рубежа — кассового окошка, а билетов не окажется?..

Как бы кстати было в зале табло! Взглянул и все выяснил насчет наличия мест. «Табло тебе,— обернулся стоящий впереди мужчина, судя по всему, из скептиков.— Что это — Дворец спорта, что ли?!»

Движемся. Но медленно. (Примерно семь минут — замечаю по часам — уходит на оформление одного билета.) Моя мечта о приятной поездке в скором поезде тает быстрее и быстрее. И, наконец, рухнула: на «двойку» на восемнадцатое билетов нет...

Совсем недавно отправлялся из Москвы, с Белорусского вокзала 21-м, скорым. Билет в кармане. Стою на перроне. А состава нет. Двадцать минут до посадки. Пятнадцать... Перрон нервничает: уже бы в купе устраиваться, а тут поезд почему-то никак подать не могут... За десять минут до отправления подкатили вагоны. Конечно, суета, нервные движения... И, конечно, отправление с опозданием.

Сердитая проводница жаловалась, что уголь в топке не горит, и когда вскипит чай, не определит ни один прогнозист. Постельное белье пассажиры получили лишь после конструктивной перебранки с проводником. И оказалось это белье вовсе не хрустящим, напротив, вызывало даже сомнение относительно усердия

КТО ВИНОВАТ?

«Я старый подписчик вашего журнала. Как приятно полистать его в воскресный день, узнать последние новости, почитать о хороших людях. Но вот в последнее время я был лишен этой возможности. Наше почтовое отделение № 298 (ул. Бирюзова, 2) почему-то приносит мне «Огонек» только в понедельник. А киоски получают его в субботу утром.

Убедительно прошу вас повлиять на работников почтового отделения № 298.

А. Синицкий».

Такое письмо получили мы от своего московского подписчика и тут же связались по телефону с ответственным по доставке названного отделения Л. И. Башкировой. Вот что сказала нам Любовь Ивановна:

— Да, действительно подписчик прав. Такое положение у нас было из-за нерадивого отношения к делу одного из наших работников. Но вот недавно мы с ним расстались, и теперь подобных опозданий у нас быть не должно.

Афанасий Григорьевич Синицкий может быть теперь доволен, тем более что он и сам подтвердил, что последний номер получил вовремя.

А как быть другим подписчикам, приславшим аналогичные письма?

«Много лет читаю «Огонек», раньше покупала в киосках, а на 1979 год оформила подписку (хотя из пенсии выложить сразу 18 рублей нелегко).

Подписалась и нажила огорчения. Вот, например, сегодня, 15 марта. В киосках уже получен № 10, а мне не принесли № 9. Звоню на почту — ответ: «Не получен». Звоню в экспедицию — объясняют: «Для подписки поступают позднее, чем для розничной продажи».

За 3 месяца подобные ответы я уже слышу трижды. Что-то непонятно. По логике вещей раньше должны поступать предметы, за которые заранее внесены деньги, а тут получается другая «логика»: должен, не спорю, отдам не скоро!

г. Грозный. В. Зеленская».

«30 лет регулярно выписываю «Огонек», но такого положения, которое сложилось с доставкой его в последнее время, никогда не было.

Для ясности приведу несколько примеров: «Огонек» № 44 я увидел в киосках 2.11.78 г., принесли его мне 24.11.78 г.

— первый ноябрьский номер попал ко мне 21.11.78 г.

— № 51 видел в продаже 28.12.78 г., получил его 17.1.79, а № 52 — 20.1.79 и, наконец, три первых номера 1979 г. были в продаже до 30.1.79, я получил эти номера сразу 7.2.79 г.

Ходил на главный почтамт города. В отделе «учета и справок» объяснять причины не изъявили желания, задали вопрос: «Почему не обратились к начальнику?..» Наконец, одна сотрудница снизошла до объяснения, что в розничную продажу журналы поступают в первую очередь, а потом подписчикам. Интересно, кто устанавливает это «потом» и какова его длительность?

г. Тбилиси. М. Карпенко».

«Терпению пришел конец. 24 марта в продаже был «Огонек» № 12, а мне до сих пор по подписке нет. № 11 мне принесли 18 марта, а в киоске он был двенадцатого. В чем дело?

г. Ульяновск. Л. П. Кравченко».

«Живем мы далеко от Москвы, в Мурманской области, и, естественно, журнал ваш всегда получали позже, чем жители столицы. Но то, что происходит в этом году, вообще непонятно. Подписчики стали получать подписные издания позже розничной продажи. Номер девятый «Огонька» я получила через 12 дней, № 10 через 16 дней. Чем вызвана такая большая задержка? Ведь поезда, как и раньше, идут к нам 32 часа.

п. Княжая Губа.

П. Меньшакин».

«Мы, жители Барнаула, всегда покупали «Огонек» в киосках в понедельник. Но последнее время он стал поступать во вторник, в среду, а № 10 вообще в пятницу, 16 марта.

Согласитесь, обидно. Мы живем в век больших скоростей, самолет Москва—Барнаул летит 5 часов, а почта, как видите, приходит через пять суток.

А. Злобин».

«Я как подписчик интересуюсь, где задерживается журнал? В январе «Огонек» я получила с большой задержкой, причем два номера в один день, до конца марта получен всего один мартовский номер. Если я попала не по адресу, прошу сообщить таковой.

г. Омск. Н. Букатова».

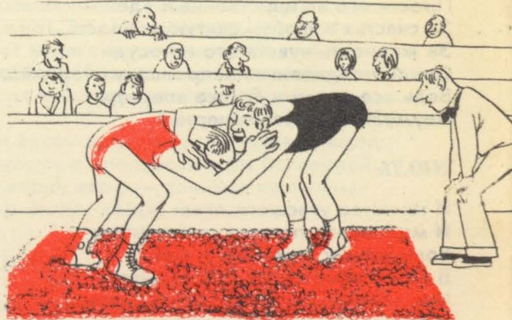
Нет, тов. Букатова, как и другие наши подписчики, адресом не ошиблась. Редакция так же, как и они, возмущена приведенными фактами и ждет на них конкретного ответа почтовых работников.

Объясняется ли это нерадивым отношением отдельных людей, как в первом случае, или это уже тенденция: «Куда торопиться? Ведь деньги уже получены». Во всяком случае, рейд по московским киоскам, проведенный редакцией, наглядно показал, что киоскеры действуют много расторопнее своих коллег-почтовиков. Получив номер в 6 часов утра в субботу, они распродают его в течение нескольких часов, редко одного-двух дней.

Редакция присоединяется ко всем вопросам, поставленным в читательских письмах, и ждет ответа не только названных отделений связи, но и Главного почтового управления.

— На сегодня первая пара явно сильнее.

— Где это ваши достали такой ковер!

при его стирке. Разносчик ряженки и бутербродов в вагоне вообще не показался. Вдобавок ко всему молчало радио, и пассажиры, жаждавшие последних известий, довольствовались тем, что обсудили новости отнюдь не первой свежести.

Хорошо, что дорога недолгая! Завершив ее, я задался целью выяснить, почему до сих пор на пути железнодорожного сервиса так много красных светофоров. В управлении Белорусской железной дороги мне любезно пошли навстречу и собрали транспортников, которые сами болезненно переживают «сервисный дефицит».

— Да,— согласились в один голос две кассирши — Мария Лазаревна Воронцова из Минска и Полина Петровна Лашкова из Гомеля,— за железнодорожными билетами почти всегда очереди. Поток пассажиров растет, а техника... Места кассирам выдает диспетчер, прогресс же в средствах связи кассиров с диспетчером застрял где-то примерно на середине между ямщицким двором и космической станцией. Иной раз кажется, быстрей к диспетчеру пешком сбегаешь, чем голос его в трубке услышишь. Поскольку связь плохая, дополнительные кассы мало помогают. Выпустили в свое время билетопечатающую машину «Волхов». Она оказалась неудачной. Ее сняли с производства, а новую где-то испытывают и никак испытать не могут — не видели ее еще в кассах. Другая машина — «КЖ» — годится. Однако ею пользоваться страшно: вдруг сломается, а запасных частей к ней днем с огнем не найдешь... Слишком тягуча процедура оформления билетов. Можно ли ее упростить? Можно. С ведома финансового управления МПС. Только оно на это не идет. Оно за процедуру, которая удобней для ведения документации внутри управления. А очереди в кассах? Так за кассы же пассажирская служба отвечает — очереди же к ним, а не к финансистам!

Прогресс опаздывает и к железнодорожным платформам. Не хватает электрокаров, и к вагонам не везде и не всегда есть на чем подвезти уголь, постельное белье. А вы видели, как моют вагоны: берет тетенька в халате обыкновенную швабру, только ручка у швабры длиннее обычной, и давай наружную стену вагонов тереть, будто нет на свете ни физики, ни конструкторских бюро, ни диссертаций...

Людмила Курбат, проводница фирменного поезда «Буг», курсирующего между Брестом и Ленинградом, поддерживает нашу беседу:

— Случается, новшество какое-нибудь введут, обрадуют пассажиров, а потом возьмут и отменят. Вот в нашем поезде стали компостировать билеты на Мурманск. Мы гордились — шаг вперед в сервисе. Не успели нарадоваться, прекратили компостировать.

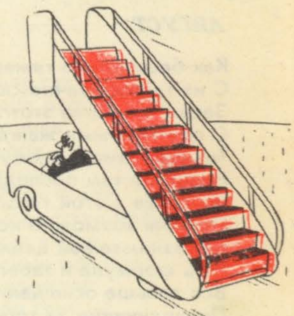
Василий Степанович Качан, начальник Гомельского вокзала:

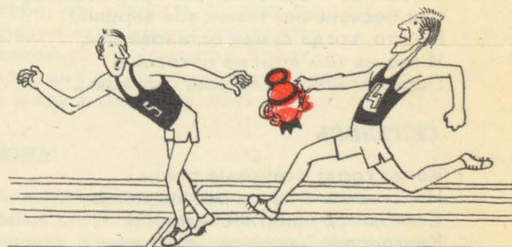
— В организации перевозок пассажиров трудностей не убавляется. Тут не только неувязка с компостированием билетов в поездах или заказом такси перед прибытием. Формируют поезда на конечных станциях и обычно не думают о станциях промежуточных. Не набралось, скажем, в Днепропетровске до Ленинграда пассажиров на двенадцать вагонов, могут пустить десять, а в Гомеле люди ждут этого поезда и, естественно, в обиде, если он мимо них проходит. А то и так бывает: приходит поезд, места есть, а билеты не продают. Почему? Не успели сообщить в Гомель, сколькими местами он может располагать. Пассажиры остаются на вокзале, а свободные места — в вагонах...

Правы железнодорожники: в организации пассажирских перевозок не все ладно. Правы и в том, что поправить многое совсем нетрудно. Есть, например, на железной дороге так называемые вагоны с переменным трафаретом. Формируется поезд, допустим, в Риге на Симферополь, и в один вагон продают билеты лишь до Гомеля, не дальше. А в Гомеле уже знают и заранее продают билеты в этот вагон до Симферополя или ближе. Удобно. Кому? Пассажирам — да. Гомельским железнодорожникам — да. А Риге и Симферополю безразлично. Поскольку их «большинство», Министерство путей сообщения на их стороне.

А продажа обратных билетов? Как облегчилась бы судьба отпускников, устремляющихся на юг, если б в Минске, или Харькове, или в Архангельске они могли приобрести сразу два билета — туда и обратно! Сколько кассиров освободилось бы в Симферополе, Сочи, Кисловодске! И ведь лежат где-то в министерстве предложения, как это проще сделать...

...Поезда приходят и уходят, а сервис остается. И уровень его нередко таков, что пассажир хотел бы, как шутят остряки в железнодорожных очередях, сдать этот сервис в багаж и... потерять квитанцию.

Рисунки О. ВЕДЕРНИКОВА

КАК ПРЕКРАСЕН!

Наум ЛАБКОВСКИЙ

РАССКАЗ

Корова хвостом отмахивалась от мух. У нее были грустные глаза. Автору не приходилось встречать коров с веселыми глазами ни в жизни, ни тем паче в литературе, а в данной ситуации даже у самой жизнерадостной коровы глаза должны были быть грустными. Ведь, как она ни старалась, ее хвост доставал только до половины туловища. Мухи безнаказанно садились на шею, на лоб и кусали без зазрения совести.

«Что же это такое! — возможно, думала корова.— Как несовершенен мир! Почему природа дала мне такой короткий хвост? Ну, если на более длинный не хватило материала, тогда зачем природа создала мух? Какую пользу они приносят? Только мучают несчастных коров. А потом доярки сердятся, что мы даем молока меньше, чем это предусмотрено планом. Между тем каждый теленок знает, что нервы — решающий фактор продуктивности. Как тут дашь больше молока, если синие мухи так истерзают тебя за рабочий день, что все нервы дыбом становятся...»

Корова была занята своими мрачными мыслями и не заметила, как отбилась от стада. Это заметила собака пастуха. Правда, она никогда не училась на служебную собаку и даже не видела кинофильма «Джульбарс», но от этого она не стала менее бдительной.

«Не вздумала ли буренка дезертировать?» — возможно, подумала собака и, улегшись под кустом, сделала вид, что дремлет.

«Собака уснула,— вероятнее всего, подумала корова,— может, пойти мне тихонько обратно домой, на ферму?»

Но собака не спала, она только делала вид, что спит.

— У-а-а-в! — не своим голосом рявкнула она, как видно, угадав коровьи мысли.

Задрав хвост, она бросилась вслед за коровой, догнала ее и с хриплым лаем стала хватать зубами за задние ноги.

«Ну вот! — подумала корова.— Еще этот подонок привязался. Брыкнуть бы его как следует, но я не лошадь. Это лошади умеют брыкаться, а мы, коровы, умеем только бодаться. Но пес хитер. Спереди не подойдет, норовит ухватить сзади».

И корова замычала. Очень жалобно замычала. Она изложила пастушьей собаке свои мысли о несовершенном устройстве мира. Собака не понимала корову. Они говорили на разных языках. Собака лаяла. Корова мычала. И не понимала, о чем собака лает. А лаяла она о том, что нечего ссылаться на объективные причины, если даешь мало молока...

Пастух тем временем взглянул в небо. Солнце стояло в зените.

«Ишь, как распалилось! — подумал пастух и, крикнув: — Обеденный перерыв!» — повел стадо на опушку березовой рощи.

Коровы разлеглись в тени деревьев. Захрустели челюстями, пережевывая пищу.

Пастух сел на пенек, снял с плеча торбу, достал из нее краюху хлеба, банку сгущенного молока. Огляделся с тоской.

«Как-то все не так! — что-то в этом роде подумал он.— В моем стаде коров штук пятьдесят. И у каждой молоко. А я должен пробавляться сгущенкой».

Он вынул из торбы нож для открывания консервов, приставил острие к краю банки и ударил ладонью. Нож погнулся, а банка как была, так и осталась. Тогда пастух достал из торбы большой нож. Охотничий. Приставил его к краю банки и ударил по рукоятке камнем. После третьего удара раздался треск. Лезвие ножа переломилось пополам.

— О черт! — воскликнул пастух.— Из чего же делают эти банки?

Ну, может, несколько в иных выражениях высказался пастух, но для печати больше подходят эти.

Со злобой глядел он на банку, и тут ему в голову пришла идея. Он обмотал банку красной тряпкой и прислонил к дереву.

Коровы, с интересом наблюдавшие за пастухом, заволновались. Красный цвет всегда вызывал в них отрицательные эмоции. Красная тряпка привлекла внимание и быка. Будь он в одиночестве, он скорее всего продолжал бы мирно дремать. Но в обществе коров, среди которых были молодые и очень даже привлекательные, он не мог оставаться безучастным. Бык разбежался, пригнул голову и врезался рогом в консервную банку...

Послышался металлический скрежет. Бык взвыл от боли и унижения. Банка отлетела на лужайку. Правый рог быка, один из двух, составлявших его гордость и красоту, переломился, как спичка, и валялся в траве.

— Ух, как ужасно устроен мир! — почти наверняка так замычал бык.— Почему-у-у я ударил эту проклятую банку? Ведь я животное травоядное. Сгущенное м-м-молоко м-м-мне противопоказано! Кому-у-у я теперь нужен — однорогий урод...

А консервная банка, целая и невредимая, лежала на солнцепеке. И ни о чем не думала. Она была предметом неодушевленным, и если бы ей вздумалось ни с того ни с сего думать, рассказ был бы не юмористическим, а научно-фантастическим.

Пастух посмотрел на банку с обидой и полез в торбу.

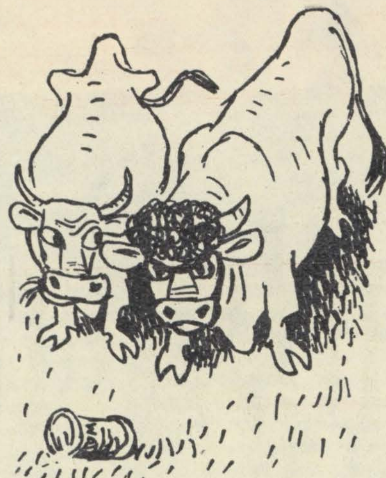
«До чего же несовершенен мир,— в несколько иных выражениях подумал пастух.— Ведь вот же честно, искренне завязал. Обещал Насте! Сунула в торбу сгущенное молоко — взял. А что вышло?..»

И, вздохнув, он достал из торбы четвертинку.

— Ведь не хочешь, а жизнь заставляет!..— сказал он, ударив ладонью по донышку.

Бык смотрел на обломок своего рога, глаза у него были грустные, как у коров. Молодая корова подошла к нему, потерлась боком о его бок. Глаза у нее были ласковые.

— Ах, как вам идет эта обновка,— промычала корова.— Как это оригинально — один рог. Вам будут завидовать все быки нашего колхоза.

— Кому завидовать? Чему-у-у? — горько простонал бык.— Чтоб она лопнула, эта банка...

И тут что-то вроде бы взорвалось. Это банка накалилась на солнцепеке и лопнула.

Сладкое молоко растеклось по траве.

— Вы думаете, что это м-м-модно? — промычал бык, заглядывая в глаза корове.— Вы считаете, что это м-м-мне к м-морде?..

Собака блаженно похрапывала во сне:

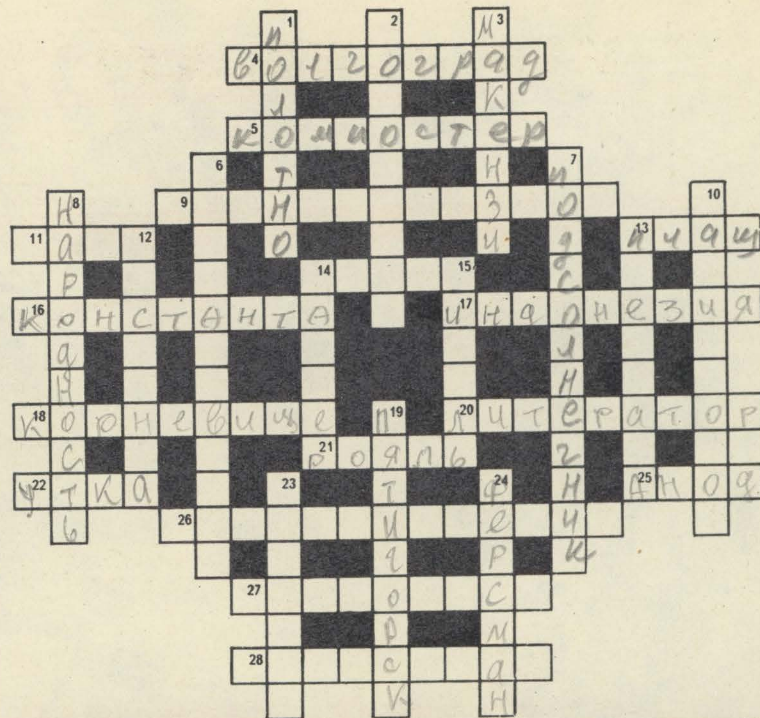
— Мирррр... кррррасивая... шшшшштука...

— Стало быть, надо закусить,— сообразил пастух. Достал из торбы кусок сала, стаканчик и маленький транзисторный приемник. Обломком ножа нарезал сало на аккуратные ломтики, стаканчик наполнил из бутылки, повернул ручку на приемнике.

— Ах, как прекрасен этот мир, как прекрасен! — захрипел транзистор голосом модного певца.

И зачирикали в роще птицы, замычали коровы, залаяла, проснувшись, собака, даже синие мухи зажужжали как-то иначе, умиротворенно.

И автор понял, что мир прекрасен, хотя, конечно, несовершенен. И, между прочим, прекрасен именно своим несовершенством, постоянной борьбой, совершающейся в нем.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Город-герой. 5. Щипцы для прокола железнодорожных билетов. 9. Стихотворение В. В. Маяковского. 11. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 13. Непромокаемое пальто. 14. Лососевая рыба. 16. Постоянная величина в математике. 17. Государство на Малайском архипелаге. 18. Подземный стебель некоторых травянистых растений. 20. Автор художественных произведений. 21. Клавишный инструмент. 22. Водоплавающая птица. 25. Электронная лампа. 26. Раздел физики. 27. Прибор для поддержания постоянной температуры. 28. Народный художник СССР.

По вертикали: 1. Льняная хлопчатобумажная ткань. 2. Персонаж итальянского народного театра «комедии масок». 3. Река на северо-западе Канады. 6. Польский космонавт. 7. Масличная культура. 8. Исторически сложившаяся языковая, территориальная, культурная общность людей. 10. Микрофон, применяемый в самолете, танке. 12. Лирическая старинная обрядовая песня славянских народов. 13. Основоположник критического реализма в индийской литературе. 14. Экс-чемпион мира по шахматам. 15. «Сказка» М. Е. Салтыкова-Щедрина. 19. Курорт в Ставропольском крае. 23. Землеройная машина. 24. Советский геолог, академик, один из создателей современной литологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 1. Кантата. 3. Петропавловск. 5. Пастель. 6. Меринос. 9. Воронка. 10. Колорит. 12. Коринка. 14. Лобачевский. 17. Обочина. 18. Ариосто. 19. Кабинет. 21. Алазани. 22. Трамвай. 23. Аккомпанемент. 24. Акведук.

По вертикали: 1. Королев. 2. Апофема. 3. Пескарь. 4. Концерт. 5. Перламутровка. 7. Станиславский. 8. «Воскресение». 10. Крыльцо. 11. Титовка. 12. Кенитра. 13. «Айвенго». 15. Диорама. 16. Бисквит. 19. Кондома. 20. «Теремок».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народная артистка СССР Евгения Мирошниченко.
(См. в номере материал «Евгения Мирошниченко».)

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мемориальный комплекс в честь победы на Халхин-Голе. * Монгольские пограничники. * Этот госхоз на Халхин-Голе помогали создавать советские строители.
(См. в номере материал «Там, где шли бои».)

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 18.04.79. Подписано к печати 7.05.79. А 00655. Формат 70×108$^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1259. Заказ № 546.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ДИЗАЙН

Будущие машины и агрегаты сначала рождаются в гипсе.

Мастер производственного обучения А. С. Осипова и студентка С. Шиняуркайте.

Фото Б. КУЗЬМИНА

Тонкие, стройные формы керамических сосудов, сверкающий алмазной гранью хрусталь, объемные рельефы чеканки. А рядом — бурильная установка, которой пользуются геологи для разведки недр, лесопогрузчик, надувная лодка, предназначенная рыбакам, самоходный комбайн для уборки моркови. Все эти столь разные по своему назначению вещи, которые вы видите на снимках, созданы в Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшем Строгановском).

Однажды ректору училища, профессору Григорию Алексеевичу Захарову позвонили с Ивантеевского комбината:

— Помогите сделать современной и красивой нашу традиционную плетеную мебель.

Вскоре легкие, удобные и в то же время прочные столы, кресла, стулья из ивовых прутьев, выполненные по проектам строгановцев, появились во многих санаториях и домах отдыха.

Начиная со второго курса, студенты выполняют задания, основанные на заявках научно-исследовательских институтов, проектных организаций и предприятий, определяют внешний вид самых разных предметов и агрегатов, с которыми нам всем приходится иметь дело,— от утюгов и кухонных комбайнов до автомобилей, автобусов, вертолетов, медицинских аппаратов, таких, как искусственная почка или лазер для глазных операций. Конечно, работа идет в тесном содружестве с инженерами и конструкторами, но так уж повелось, что самые первые кроки будущих машин делают художники.

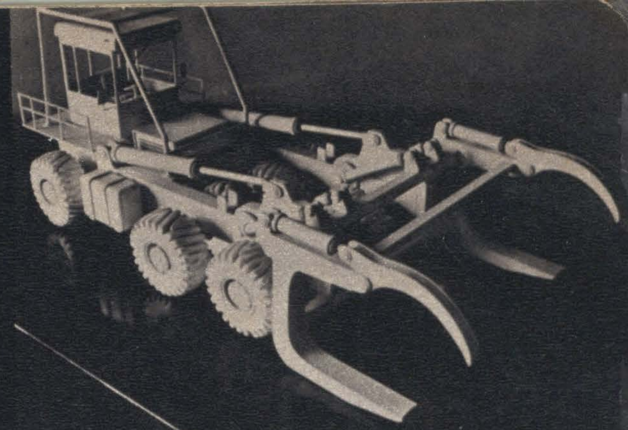
И если учесть, что выпускники этого вуза работают в различных конструкторских бюро, на заводах и фабриках, являются главными художниками многих городов, то можно смело говорить, что в стенах бывшей Строгановки формируется та художественная среда, в которой мы живем.

После июльского Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в минувшем году, особенно много заказов поступило от Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственного машиностроения. Сейчас дипломники работают над новыми формами более совершенных уборочных машин, над аппаратами искусственной вентиляции легких и консервации печени, участвуют в проектировании системы освещения Успенского собора Московского Кремля, думают об усовершенствованиях для слепых и слабовидящих детей — предлагают им специальную посуду и игрушки.

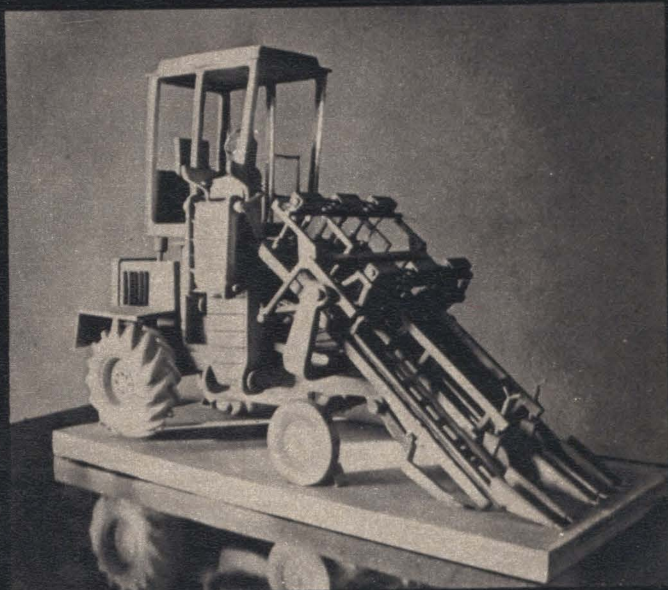
Пройдет совсем немного времени, начнется защита курсовых и дипломов. Как и в предыдущие годы, они будут посвящены художественному конструированию того, что так важно для нашего народного хозяйства, для здоровья и счастья советских людей.

О. НЕМИРОВСКАЯ

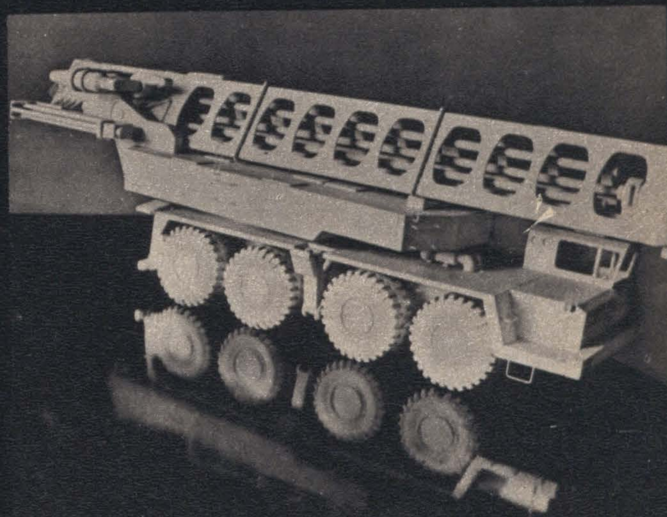
Над олимпийской медалью-плакеткой «Москва-80» работает студент В. Чернецов.

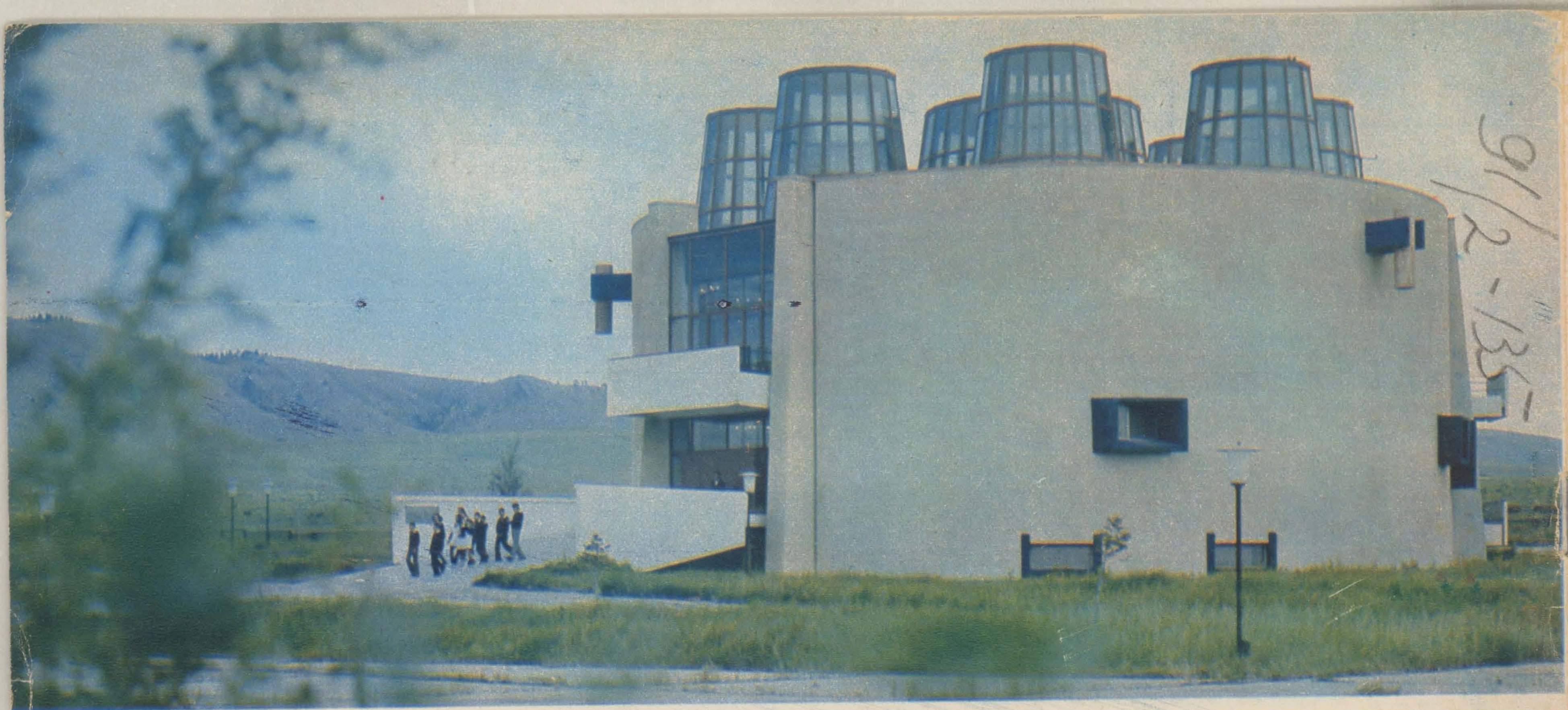

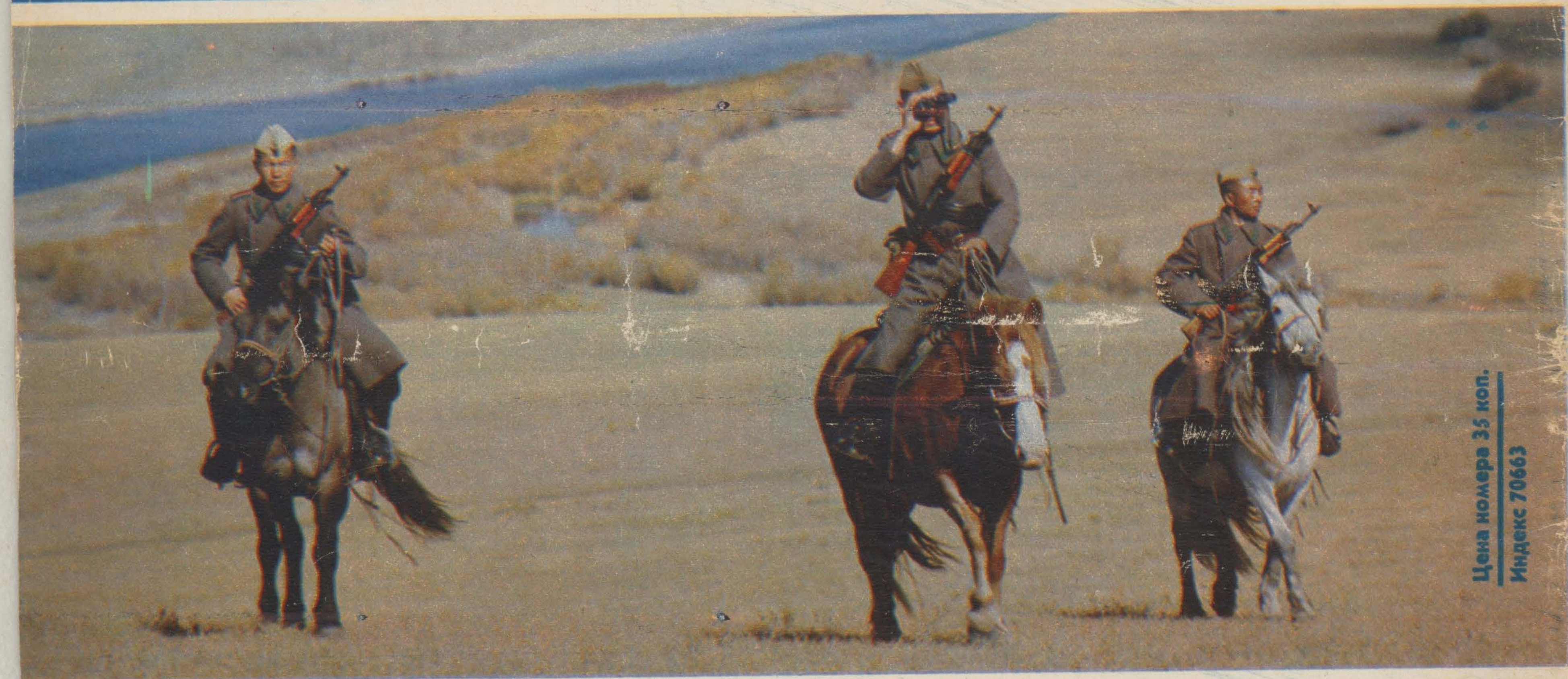
На этих снимках — творчество студентов факультета промышленного искусства.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

